

к-1408544

ос

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА
И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
СЕВЕРНОЙ РУСИ

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА
И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
СЕВЕРНОЙ РУСИ

ВЫПУСК 4

**ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СЕВЕРНОЙ РУСИ

Выпуск 4

Вологда 2009

ББК 81.411.2-03
И 90
УДК 808.2(09)(470)

*Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 07-04-00125 а
«История промысловой лексики Северной Руси»*

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук **Л.А. Берсенева** (отв. редактор)
доктор филологических наук **Ю.И. Чайкина**
кандидат филологических наук **Е.П. Андреева**
кандидат филологических наук **Н.В. Комлева**
доктор филологических наук **С.Н. Смольников**

И 90

История русского слова. Ономастика и промысловая лексика Северной Руси: Сборник научных трудов. Выпуск 4.
// Отв. редактор Л.А. Берсенева.– Вологда, 2009.– 190 с.
ISBN 978-5-87822-398-0

ББК 81.411.2-03

Сборник продолжает серию публикаций, в которых представлены результаты изучения истории специальной лексики и ономастики Русского Севера в различных аспектах.

Книга предназначена для широкого круга читателей: ученых-лексикологов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей русского слова.

ISBN 978-5-87822-398-0

© ВГПУ, 2009

© Авторы, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Смольников С.Н. (Вологда)

Об истории слов и вещей в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.»..... 5

Полякова Е.Н. (Пермь)

Неводом неводить..... 17

Берсенева Л.А. (Вологда)

Особенности лексикографического описания глаголов – названий трудовых операций в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.»..... 26

Андреева Е.П. (Вологда)

Семантическая трансформация корня -бел- в промысловой лексике Северной Руси XV-XVII вв..... 38

Кириллов Ю.В. (Псков)

О метрологической лексике XVII в. (на материале псковских таможенных книг)..... 47

Баландина А.А. (Москва)

Терминология иконописи как объект лексикографии..... 58

ИСТОРИЯ ОНОМАСТИКИ

Чайкина Ю.И. (Вологда)

Изменения в системе именований жителей г. Вологды на протяжении столетия (XVII век)..... 64

Комлева Н.В. (Вологда)

О времени возникновения вологодских фамилий..... 72

Неволина А.М. (Вологда)

Состав именований в памятниках тотемской деловой письменности конца XVI – начала XVII вв..... 86

<i>Полякова Е.Н. (Пермь)</i> Слова <i>слуда</i> , <i>слудка</i> в пермской лексике и топонимии...	94
<i>Варникова Е.Н. (Вологда)</i> Местная гидрографическая терминология в микро- понимии Среднего Посухонья.....	109
<i>Козлова Р.М. (Гомель)</i> Проблемы славянской гидронимии.....	118

СЛОВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<u>Иваницкий В.В.</u> (<i>Великий Новгород</i>) Язык как основа и источник веры и знания.....	133
<i>Сидорова Т.А. (Архангельск)</i> Концептуализация языковой картины мира поморов в номинациях объектов природы.....	146
<i>Семёнова Н.В. (Великий Новгород)</i> О слове и деле <i>милостыни</i>	161
<i>Грязнова В.М. (Ставрополь)</i> О модификации родовой семы наименований лиц в статическом и динамическом аспектах в русском лите- ратурном языке XIX в.	171

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

С.Н. Смольников

(Вологда)

ОБ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЕЩЕЙ В «СЛОВАРЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV—XVII вв.»*

В словаре могут найти отражение четыре истории, которые вслед за Г. Шухардтом можно назвать историей вещи, историей слова, историей значения и историей обозначения [Шухардт: 204]. Первые две истории Г. Шухардт называл абсолютными (поскольку они реальны, объективны), а две другие относительными. Из тезиса Шухардта о важности описания географии слов и вещей, как известно, выросла традиционная диалектология, в этом направлении по сей день развивается и историческая лексикология, для которой история слов связана прежде всего с историей вещей (предметов, явлений, событий).

Одна из самых трудных проблем, с которыми приходится сталкиваться при составлении исторического промыслового словаря, это описание исторических реалий, составляющих предметный мир того или иного промысла. Лексикограф, работающий исключительно со словом, оказывается в менее выигрышном положении, чем археолог или реставратор. В первую очередь лингвист судит о предметах по их названиям, а

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

также по толкованиям этих названий в различных словарях и справочниках.

Учитывая, что от XVII в. до нас дошли только редкие технические руководства, наглядно демонстрирующие сложность и своеобразие формирующейся и развивающейся функциональной разновидности национального языка, обслуживающей промыслово-производственную сферу [Чайкина 2005], а массовый краеведческий интерес к описанию промыслов и ремесел на Русском Севере вспыхивает только в последней трети XIX – в начале XX века, можно сказать, что идея промыслового исторического словаря, где бы описывалась история вещей, не имеет под собой реальной фактической почвы.

Вместе с тем промысловая лексика богато представлена в старорусской деловой письменности, в порядных записях на выполнение тех или иных работ, в описях имущества, приходных и расходных книгах, в таможенной и иной документации: *А во двори хоромов – горница с повальшею, и сенми, и сеником, и с хлевом, да угодья пять луков, да корова, да карбас поездной, да харов 30.* Дух. Солов. м. 1570 – АСМ, 226; *Возили къ колоколнему дѣлу на два заводы глины да песку да клетку съ плота, да дровъ зъ берегу, да слегъ на дрова.* Расх. каз. денег Куроп. в. 1620 – АХУ I, 52; *Да на Колмогорах наняли шеемного мастера Стефана на насадньи на дощаники снастей спущати.* Кн. расх. Сол. м. 1612 – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 12, л. 8 об.; *Шил чеботной мастер трои долгари да пришвы дал ему восемь алтын.* Кн. расх. Ник.-Кор. м. 1617 – ГАОО, ф. 191, оп. 1, д. 177, л. 29. (Здесь и далее источники цитируются по тексту двух опубликованных выпусков «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.» и рукописи третьего выпуска, названия источников даются в соответствии с принятыми там сокращениями – С.С.). В большинстве случаев контексты не содержат объяснения слов и выраже-

ний, значение которых требует специального анализа и дополнительных научных изысканий.

Реалии имеют строгую привязку к конкретному месту и времени, и описание предметов, существовавших в XV—XVII вв., по источникам XIX или XX века производит впечатление исторической неправды (сами реалии, их устройство, функции, технология изготовления за это время могли измениться). К счастью, язык более стабилен, и даже такая подвижная его часть, как лексика, меняется гораздо медленнее, чем реалии, для обозначения которых используется слово. Промысловая лексика могла сохранять свою форму и содержание и в XIX и в XX столетиях [Андреева 2008]. История старорусского слова, а не реалий предполагает постоянное обращение не только к историческим и этимологическим, но и к современным нормативным и диалектным словарям, специальным справочникам.

Характеристика реалии начинается с выявления референта текстового фрагмента, то есть с установления конкретного предмета, о котором идет речь в документе, а только затем описывается денотат, общий для разных словоупотреблений. Словарное толкование отражает реалию в отвлеченном денотативном значении ('предмет как представитель класса однородных предметов'), однако денотат может быть представлен как в подробном, почти энциклопедическом описании класса реалий, так и путем указания общих классифицирующих признаков. Примеры подобных толкований встречаются в любом словаре, представлены они и в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.» (далее – СПЛ).

КАРЛУКЪ (КОРЛУКЪ), м. Рыбол. Клей, добываемый из плавательного пузыря рыб (главным образом, осетровых), продававшийся в виде небольших подковок. • Купил карлуку на 3 ден<ь>ги. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 35 об. 1575 г. // Метр. Штучная мера клея. Да клѣю рыбьего карлуку ꙗко

корлуков. Кн. отводн. Солов. м. XVII в. – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 36, л. 5 об.

ПАЗДНИКЪ, м. Строит., солевар. *Инструмент для долбления, разновидность долота.* Дъвѣ напаръи, багоръ, ломъ, паздникъ, три насеки. Оп. Ник.- Оз. м. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 55, л. 4. Варнишные снасти ... паздникъ. Росп. им. Строг. (Сольвыч.) 1619 – Введенский, 175. Дано ... паз<д>никъ. Тетр. Тр.-Глед. м. 1737 – ГАВО, ф. 693, оп. 1, № 83, л. 33.

ПАРНИКЪ, ж. Строит. *Строение хозяйственного назначения.* А изба и парник, и сенник и сараи стоит на Корнильевской землѣ. Спис. Вол. 1647 – ОСВ VI, 133.

Должен ли словарь в полной мере отражать предметный мир промысла? Очевидно, да, в той мере, в какой это необходимо для толкования слов, и в том объеме, в каком позволяют это источники. Должно ли толкование слова быть до мелочей точным в представлении этнографической реалии, стоящей за словом? Ответы на этот вопрос возможны самые разнообразные. Они определяются концепцией словаря, его задачами и избранной методологией научного анализа.

Задачи СПА существенно отличают его от исторических словарей толково-переводного типа, где необходимость толкования снимается возможностью перевода или замены эквивалентами из современного русского языка, заменяющего мета-язык словаря. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (далее – *СлРЯ XI—XVII*), обзревая огромный фактический материал, описывает прежде всего историю слов. Однако перевод на современный язык, значительно облегчающий корпус словарной статьи [История русской лексикографии 1998: 513], нередко отодвигает на второй план детальный семантический анализ или подменяет его. При этом «иллюзия смыслового тождества» с современным словом противоречит реальному расхождению в употреблении слов, их смысловому объему, лек-

сической сочетаемости [Сорокин 1977: 17]. Но вместе с тем перевод оказывается способом описания истории слова, показывает, какие слова сохранились в современном языке. С разных позиций такой способ толкования можно оценивать как недостаток и как достоинство словаря. И зависит эта оценка от того, какую историческую информацию ищет в словаре читатель.

Интерпретация значения слова как предметно-вещественного содержания, была тщательно разработана исторической лексикологией при описании тематических групп слов, выделяемых по денотативному принципу и включающих преимущественно однозначные наименования или семантические варианты слов, когда не возникает проблемы многозначности и семантической диффузности слова, или эта проблема редуцирована целями научного описания.

История слова для дифференциальных словарей, подобных «Словарю промысловой лексики», это процесс формирования вторичных специальных значений и специальных обозначений. Промысловый словарь не охватывает историю слова целиком, но дополняет и конкретизирует отдельные ее стороны.

Анализ развития специального слова не может избежать детального и тщательного описания семантики. В семантической интерпретации слова в лексикологии доминирует системно-структурный подход к значению, разрабатываемый в рамках синхронно-диахронического описания слова.

Специальные значения вторичны, они отражают широкий метонимический потенциал общеупотребительной лексики. В результате метонимического переноса отдельные слова возникают относительно редко и исчерпываются единичными моделями [Королева 2002: 82]. Ср. случаи транспозиции в промысловой лексике: *поледенный*, прил. – *поледенное*, сущ. ‘подледная ловля рыбы неводом’ (Бил челом... Ивашко Щаповъ о поледенномъ, а хочет ловити(и) на том озерѣ на поледенномъ).

АСВР II, 75. XVI ~ 1448-1470 гг. – КДРС. Старца Макар<ь>я Лаптя посылали на Белоозеро на поledenное. Кн. расх. Кир. м. № 2, 51 об. 1568 г.).

Гораздо чаще метонимия, основанная на смежности предметов и понятий, приводит к образованию новых значений, их оттенков, расширяет возможности употребления слова или, наоборот, ограничивает лексическую сочетаемость, делая значения синтаксически несвободными. Ср. модели переноса *материал – изделие из него,местилище – его содержимое* и др.: 1) *пух* ‘мех некоторых пород животных с выщипанной остью, предназначенный для украшения одежды и выкроенный в виде полос’ (Келарю куплено пуху бобрового на шубу. Кн. прих.-расх. Корн. м. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 54, л. 12) – 2) *пух* ‘меховая опушка (одежды)’(Овдѣнка Бовыкин дѣлает женскія пухи из пуха; барышничает. Гр. Вол. 1684–1707 – САСК (К), 41); *квашня* ‘деревянный сосуд, кадка’ (Да тотъ же Григорей выкралъ поварница поваренная долгостѣбелая да квашну – хлѣбы пекуть. АХУ III, 117. 1632 г. – КДРС) – // ‘О количестве чего-либо, помещающегося в квашне’ (Куплено... двѣ квашни рыбы просолной щукъ и окуней... и той рыбы квашня отдана... приказщику. Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1678-1679 – АЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 45, л. 71 об.).

Метонимия разрушает целостность денотата, делая предметную отнесенность размытой, неопределенной. Поэтому знание реалии не всегда обеспечивает ясное толкование слова. В качестве примера можно привести общеизвестные слова *соха* и *сошник*, которые называют целое пахотное орудие и его часть – металлическое приспособление, крепящееся на развилку сохи для лучшего вспахивания земли. В источниках словом *соха* могло быть названо как все орудие (Десять сохъ... с сошника<ми> и с о<т>рѣзками. Вед. Сп.-Прил. м. 1702 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 26, л. 9 об.), так и его железная часть (Старець Феодосеи... желѣзо покупал – плуги, и сохи, и топо-

ры, и серпы. Кн. пр.-расх. К.-Бел. м. 1603 – Ник., ОСХЛ. Он подкавывает коней да серпы куёт да сохи и иной мелкой росков. УЖ 1702 - РГДА, ф. 396, оп. 1, д. 49232, л. 41.). Разграничить эти значения позволяет только синтагматика и парадигматика в контексте.

Синкретизм значений слова *соха* проявляется и в существовании формально тождественных составных наименований, где данное слово реализует разные значения, например *соха* *прямая*: *Отведено... ·З· сох прямых с оголов<ь>емъ без ральников... ·З·ры оглобли с оголов<ь>емъ и с росогами косых сох да ·и·ры росох н~~е~~деланных косых сох.* (Кн. отводн. с. Михайловск.) Арх. Он., № 45, 6-6 об. 1661 г. – КДРС (о пахотном орудии) – *Железа сошиново куплено шестеры сохи прямые.* Оп. Новозер. м. 1673 - АЛОИИ, ф. 115, № 663, л. 2 (об изделии из железа).

И наоборот, слова *соха* и *сошник*, изначально выступавшие в партитивных отношениях, в речевых контекстах обнаруживают одинаковую сочетаемость в конкретном предметном значении: *Осмеры сохи острил двои сохи дружил отр~~ѣ~~зы наваривал наиму дал ·Г· ал. ·Д· де.* Тетр. расх. пуст. Ник. Мокр. 1665 – ДПВК, 51; *Кузнец... дружил двои сошники, от друженья платил два алтына.* (Кн. прих.-расх. Кал. д.) Арх. Он. 1693. – КДРС. Соответствия находятся и в составных наименованиях: *соха изорка* – *сошник изорок* (изношенная, «изоранная» железная деталь сохи): *Отведено... три сохи изорки, заступ, четырнадцать киров.* (Кн. отв. Бирич. с.) Арх. Он., № 149, 4 об. 1668 г. – КДРС. – *Взято... сошники косульные с отрезом изорки да присошек изорок.* Челоб. Белоз. у. 1684 – ДПВК, 11.

Семантическое пересечение данных слов наблюдается и в метрологическом значении: *Купили десятеры сохи большого железа росковного с сошником, да меньшего железа оральных сохъ 493 сохи.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. 1567 (Ник., LX); Деони-

сей... покупал три пуды воску, три мѣры крупы, двѣ мѣры толокна, три сошника железа на всякий расход. Оп. им. К.-Бел. м. 1601 – ОР РНБ, № 71/1310, л. 363 об.; Куплено на Белѣозере в казну 130 сох желѣза большіе руки. Кн. прих. К.-Бел. м. 1567 (Ник., OXL). Купил трои сошники большіе руки дал дватцат алтын. Кн. расх. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1617 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, № 77, л. 22.

Метонимический синкретизм не позволяет однозначно определить, о каком предмете идет речь. Не смогли решить этот вопрос и составители СЛРЯ XI—XVII вв. В седьмом из девяти значений *соха* толкуется как «единица счета железных деталей, крепящихся к одному пахотному орудію – сохе (?)» (СЛРЯ XI—XVII, 26: 254), тождественное толкование дано слову *сошник* во втором значении (СЛРЯ XI—XVII, 26: 254). Соотношение значений подчеркивается отождествительными ссылками.

Работа над СПЛ ведется с 1992 года. И за это время существенно усилился интерес к анализу внутренней формы слова как рабочему этапу его толкования. СПЛ не преследует цели описать историю слов как отражение этнографических реалий. Путь от реалии к слову для составителей словаря заключен в рамки ономаσιологического подхода к интерпретации названия, для которой существен признак номинации. Поскольку язык характеризует реалию с той или иной стороны, то принципиально важно систематизировать эти признаки и учесть их в метаязыке словарной дефиниции. Этот путь описания слова может представлять собой не формулировку предметного значения, а указание мотивировочного признака. В СПЛ этот принцип последовательно используется при толковании составных наименований: *переметь редкий* – название перемета по размеру ячеи; *печь известная, печь кирпичная* – названия печи по материалу, для обжига которого она предназначена; *подволока в закрой, подволока в косяк,*

подволока прямая – названия обшивки по способу соединения (расположения) досок.

Лексикографический опыт СПА свидетельствует о возможности интегрированной характеристики слова, учитывающей его семантические и номинативные свойства. Например, в толковании отражаются не только денотативные, но и другие семантические признаки, деривационные отношения, современные соответствия: **КОЛОКОЛЪ**, м. Литейн. 1. *Металлическое изделие с подвешенным внутри его для звона стержнем – языком; колокол.* (Примеры); **МОЛОТНИКЪ**, м. Кузн. *Помощник кузнеца, работник с ручным молотом; молотобоец.* (Примеры); **ПЕРЕКЛАДЪ**, м. Строит. *Брус, доска, закреплённые поперек чего-л. или между чем-л.; перекладина.* (Примеры).

Слова, образованные по одной модели, получают однотипные толкования, которые даются в соответствии с традициями структурного описания системных значений в виде совокупности сем:

ПЕРЕКАЛИВАТИ, несов. Кузн. *Повторно закаливать металлическое изделие с целью придания ему прочности, упругости.* Кова<л> ку<з>не<ц> косу новую лито<в>ку да старую перекалива<л>. Кн. прих.-расх. Сп.-Прил. м. 1695 – ГАВО, ф. 512, ст. 1, № 14, л. 54, об. 53.

ПЕРЕКОВЫВАТИ, несов. Кузн. *Переделывать ковкой заново.* Дано кузнецу Василью Вострокосову от кузла полтора рубля что колоколной языкъ и веретно перековывал. Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1678 – ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 696, л. 3 об.

ПЕРЕКРЫВАТИ, несов. Строит. *Разобрав с целью ремонта, делать верх здания, крышу заново.* У храму Живоначальной Троицы столповой верх перекрывать. Челоб. Троицк. в. 1662 – ПРИАН, 134.

ПЕРЕЛИВАТИ, несов. Литейн. *Изготовлять литъём заново, расплавив старое, повреждённое.* Въ 26 день купили семнатцать пудовъ мѣди колоколные въ прибавку къ благовѣстному колоколу как его переливали на Москвѣ государевы колоколные литцы. Кн. расх. Ант.-Сийск. м. 1585-1589, л. 187 – РИБ, т. 37, стлб. 64. Давал переливати дугу паникадила монастырского от дѣла дано шесть алтнѣ. Кн. расх. Ант.-Сийск. м. 1657 – РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 46, л. 9.

Создание статьи исторического словаря предполагает разумное балансирование между реальией и ее обозначением, между семасиологией и ономасиологией, между семьей и предметным признаком, между понятием и внутренней формой, между значением и его толкованием. Объективная оценка качества лексикографической работы и состоятельности словарного представления истории слов должна начинаться с обсуждения концепции словаря и методики его составления.

Опираясь на не всегда ясные свидетельства языка, словарь не может описать историю реалий прошлого, но зато наблюдает и фиксирует, как отражались те или иные языковые процессы в конкретных текстах. В промысловой лексике это процессы преимущественно лексико-семантические и деривационные. В результате их анализа может быть также выявлен денотат слова, но уже обусловленный не отношением имени к вещи, а языковой парадигматикой и синтагматикой.

Однако было бы ошибочно впадать в другую крайность, понимая лексическое значение только как результат внутриязыковых связей и отношений или переоценивая возможности компонентного анализа системного лексического значения. Исторический материал существенно ограничивает возможности структурных методов, поскольку представляет системы фрагментарно или не дает необходимых сведений о родо-видовых, партитивных, синонимических или кореферентных отношениях между словами и их значениями. Далеко не

всегда контекст и прозрачная внутренняя форма названия помогают определить, о какой реалии идет речь в документе. Обнаруживаемых признаков оказывается недостаточно для формулировки значения, и история слова не может быть описана вне истории вещей:

КАТОКЪ, м. Обычно *мн. катки*. Строит. (*Знач.?*) И на всякие городовые и острожные крѣпости, и на тарасы и на мосты и на обламы и на катки велено долгих и коротких и всяких бревен. Докл. острож. д. Вол. 1631-1639 – Веселовский, 197.

КОРОВКА, ж. Солевар. (*Знач.?*). Среде ладила коровка полсема вершка а концы у ладила от коровки по десяти вершков с десятию. Росп. труб. д., 194.

ОСТРИЕ, с. Строит. (*Знач.?*) Дал старцу Никону на лесницу две клетцы острий да веретено наваривал да Леванид Старец купил сукон на три рубли без девяти московок. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, л. 37 об. 1577 г. – КДРС.

Такого рода словарные статьи предлагают материалы к истории слов, но не отражают историю вещей и значений. Никакие, даже самые изощренные, структуралистские приемы не смогут дать в этом случае ничего для описания предметной отнесенности слова. Ведь данным названиям в русском языке соответствовали самые разнообразные реалии, упоминание которых в приведенных контекстах выглядело бы вполне уместным.

Рассмотренные примеры словарных статей убеждают: описание слов в историческом словаре должно включать рассмотрение истории слов и вещей, значений и обозначений. Но практика показывает, что в описании разных слов их соотношение не может быть одинаково равномерным, оно одновременно избыточно в одном отношении и недостаточно в другом. Однако ограничить описание слова только одной из историй невозможно, как невозможно однозначно ответить

на вопрос о сущности лексического значения и вырваться из порочного круга, который очерчивает мысль вокруг вершин семантического треугольника.

Литература

Андреева Е.П. Некоторые особенности народной ремесленно-промысловой лексики (диахронический аспект) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сб. научных трудов. Часть 1. – Вологда, 2008.

История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб., 1998.

Королева О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. – Обнинск, 2002.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27. – М., 1975–2006. (*СлРЯ XI–XVII*).

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Под ред. Ю.И. Чайкиной. – Вып. 1–2. – СПб., 2003–2005 (СПЛ).

Сорокин Ю.С. “Что такое исторический словарь?” // Проблемы исторической лексикографии. — Л., 1977.

Чайкина Ю.И. «Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV—XVII вв. // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005.

Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. – М., 1950.

НЕВОДОМ НЕВОДИТЬ*

В хранилищах г. Перми находится более 90 свитков XVII – начала XVIII в. – шадринских деловых актов. Так, в Пермском краевом музее хранится 53 свитка, состоящие из 862 документов (1662-1713 гг.). Они либо написаны в Шадринской слободе (ныне г. Шадринск Курганской области), либо присланы туда из соседних слобод и Далматова монастыря. Кроме того, здесь есть еще 34 свитка документов, присланных из Тобольска или скопированных с тобольских актов в Шадринской слободе [Полякова 1964: 162]. Есть шадринские свитки и в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Некоторые из этих и других шадринских текстов были исследованы лингвистами, в частности в кандидатских диссертациях и статьях Н.Н.Бражниковой (Парфеновой) и автора данной статьи. Однако значительная их часть еще ждет своих исследователей, тем более что изучение даже отдельного памятника дает интересные для историков языка и диалектологов материалы.

Таким интересным оказался шадринский свиток длиной 3 м 15 см, хранящийся в ГАПК (фонд 715, опись 1, № 21), состоящий из 10 челобитных, в которых содержатся просьбы о

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У, № 08-04-82408 а/У, № 08-04-82410 а/У, № 09-04-82402 а/У, № 09-04-82403 а/У0.

предоставлении для ловли рыбы (и установления платы за это) определенных речных участков и озер в бассейне Исети – значительной реки (длина 606 км.), левого притока Тобола (бассейн Оби) [ГЭС: 194]. Памятник не датирован, но легко определяется период его написания. Во всех челобитных содержится обычный для них штамп – обращение к царю и его сыновьям: *Млсрдый гсдрь црь и великий кнзь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и гсдрь блгверный црвч и великий кнзь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии и гсдрь блгверный црвч и великий кнзь Иоанн Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии и гсдрь блгверный црвч и великий кнзь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии пожалуйте нас сирот...* К младшему царевичу Петру можно было обращаться не ранее 1672 г. (год его рождения), а к Алексею Михайловичу не позднее 1676 г. (год смерти). Таким образом, челобитные были составлены в период между 1672 и 1676 гг.

В них определяются места ловли рыбы (в текстах много топонимов), размер и место оплаты и способы ловли: *бредником, неводом, запором, езом*, ср.: *велите... предником (так!) промышлять* (челобитная № 1); *велите...запором рыбы промышлять* (№ 2); *велите... неводом промышлять* (№ 4), *велите... на Исете-реке приискать под ез места рыбы промышлять* (№ 9). Наряду с этими определениями способа ловли встречается оборот *неводом неводить*.

В каждой челобитной две части. В первой обращение к царю и царевичам, написанное от имени челобитчика «с *товарыщи*» (рыбу ловили обычно артелью, в документ вводилось имя главы артели), во второй части после вторичного обращения к царю и царевичам, после слов *пожалуйте гсдри нас сирот велите* просьба облекалась в более официальный текст. В разных частях шадринских челобитных оборот *неводом неводить* представлен по-разному. В первой части документа № 4

написано: *велите... неводом неводить на Погорелскую курью вниз по Исети до Худые курьи*, а в заключительной: *велите... на той Погорельской курье неводом промышлять*. В первой части челобитной № 8 записано: *неводом неводить*, а в заключительной части – только *неводить: велите гсдри на тех новых курьях неводить подледная*. В первой части текста № 7: *велите неводить двумя неводами*, в заключительной – *неводом неводить: пожалуйста гсдри нас сирот велите тем неводом неводить*.

Сопоставление частей разных шадринских документов может свидетельствовать о том, что тавтологическое словосочетание *неводом неводить* было характерно для живой речи. В заключительной, более официальной части документов оно либо заменяется оборотом *неводом промышлять*, либо от него остается только глагол *неводить*, хотя в отдельных случаях тавтологическое словосочетание могло сохраняться.

Сравнение шадринских материалов с данными памятников письменности других территорий [СЛРЯ XI-XVII вв., СПАСР, СПП, Цомакион, Панин, Том. сл., Смол. сл.] и с исследованиями лексики памятников [Андреева 2007; Кирьянов и др. 2007] показало следующее. В XVII в. слова *невод* и *неводить* были общерусскими, употреблявшимися практически везде, где можно было ловить рыбу неводом. В исторических словарях фиксируется значительное число слов с корнем *невод-*, ср. в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» и «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.»: *невод*, *неводишко*, *неводок*, *неводити* 'ловить неводом (рыбу)', *неводиць* 'рыбак', *неводник* 'большая лодка, с которой рыбаки выметывают невод в реку', *неводница* 'то же, что *неводник*', *неводной* 'относящийся к неводу', *неводчик* (*неводищик*) 'рыбак, ловящий рыбу неводом, работник при неводе', *неводь* 'невод', *невоже* 'ловля рыбы неводом' [СЛРЯ XI-XVII вв. 11: 50-51; СПАСР

2: 267-269], см. также *неводьба* 'ловля рыбы неводом' [Панин: 84].

Но оборот *неводом неводить* отмечен только в сибирских памятниках: *неводом неводит он, Дмитрий, по Оке-реке в одном плесе по закосам рыбу* (Брат., 1705 г.) [там же]. Кроме того, в сибирских же деловых документах есть текст, в котором употреблена уменьшительная форма от слова *невод* – *неводками*... *неводят: И в тех местех осенью запорами и малыми неводками и в зимнее время подледную рыбу неводят домовые крстьяне* (Тобол., 1704) [там же].

В изучаемых нами пермских памятниках второй половины XVI – начала XVIII в. глагол *неводить* пока не обнаружен. Обычно со словом *невод* / *неводы* использовали в Прикамье глаголы *ловить*, *вылавливать*: *В реке Вишере от Писаного камня вверх до вершины рыба руским людям неводами не ловить и вогулич не голодить* [Ш 5₁: 407], *Рыбу вылавливают большими неводами до последнего рыбного малаго зароду* [Ш 5₁: 405],

Поиски оборота *неводом неводить* в говорах Русского Севера, Урала и Сибири в диалектных словарях дали пока единственный случай употребления их в одном предложении: *Неводят-то нёводом большим*. Пинеж. Арх. [СРНГ 20: 348], хотя в текстах из нескольких предложений они употреблялись: *Стрежевой невод редкий, им осенью неводят сырка, нельму, крупную рыбу*. Том. Обь-Енис., р. Иртыш [СРНГ 20: 349], *Зимой ловят неводом – это рыбалка неводная, неводьба, а летом неводят на лодках*. Том. [СРНГ 20: 351].

Итак, слова *невод* и *неводить* отмечаются в словосочетании (*неводом неводить*) или в пределах одного предложения в сибирских источниках разных эпох и в архангельских говорах. Есть ли какая-то связь между территориями их фиксации? Изучение по данным шадринских свитков антропоники второй половины XVII в. показало, что ранние русские

поселенцы прибывали туда преимущественно с территории Русского Севера. В этих памятниках отмечаются топонимические прозвища и образующиеся от них фамилии Важенинов, Вологжанинов, Каргопольцев, Колмогорцев, Мезенцев, Тотьмянин, Южаков. Носители этих фамилий или их отцы прибыли в XVII в. в Зауралье из Каргополя, Холмогор, Вологды, Тотьмы, из бассейнов рек Вага, Мезень, Юг. Переселение шло через Прикамье, и отсюда тоже появлялись переселенцы в Шадринском уезде, ср. антропонимы Пермитин (из Перми Великой или ее главного города Чердыни), Усольцев (из Усоля Камского, ныне Соликамск; он мог быть и из Усоля Вычегодского), Чусовитин (с реки Чусовой) [Полякова 1968: 7; она же 1975: 129]. Поэтому в пермских писцовых и переписных книгах появлялись записи о живших в Прикамье ранее, но исчезнувших жителях: *Сшол в Сибирь*.

Все они были носителями севернорусских говоров. И формирующиеся в XVII столетии в Шадринской слободе и в округе говоры изначально складывались на севернорусской основе, хотя сюда переселялись и жители центральной и южной России (ср. упоминание в памятниках *московских людей* или фамилии Новосильцов). Поэтому основным источником лексики шадринских памятников и говоров (и, возможно, оборота *неводом неводить*) была поморская, архангельская, вологодская лексика.

Есть в исследуемом шадринском свитке и другие заслуживающие внимания лингвистов факты. Почти во всех анализируемых челобитных употребляются слова *половодная* и *подледная*, ср.: *велите...предником промышлять половодная и подледная промышлять* (№ 1), *велите...запором рыбы промышлять половодная и подледная* (№ 2, № 6), *велите мне на том новом месте езовом рыбы промышлять подледная* (№ 5), *велите...рыбы промышлять потледная* (№ 9), *велите гсдри на тех новых курьях неводить половодная и подледная* (№ 8).

Итак, использовалось словосочетание *промышлять* (или *неводить*) *половодная* и *подледная*. В одном из документов отмечается другой порядок слов: *половодная* и *подледная* *промышлять* (№ 4).

Остановимся на семантике слов *половодная* и *подледная*. Прилагательное *подледная* употреблялось в словосочетании *подледная ловля* ('ловля рыбы из-подо льда') и отмечалось на Белом озере (территория Русского Севера): *Околоозерские охочие ловцы которые выезжают на Бело озеро на подледную ловлю неводы ловити* [СПАСР 2: 170], *Да на Белеозере купят старцы рыбы подледной ловли* [СЛРЯ XI-XVIII вв. 15: 276]. Подледную ловлю упоминают и в пермских памятниках: *Рыбная ловля подледная в Григорове озере* [там же], *Посадских же крестьян рыбная ловля подледная в Григорове озерки* [Я: 6]. *Подледной* называли и рыбу, выловленную зимой, подо льдом, покрывавшим реку. Это значение отражается в словарях: *Велено... ловить подледных сельдей* [СЛРЯ XI-XVII вв. 15: 276].

О половодной ловле или половодной рыбе не упоминается в источниках, использованных нами для сопоставления с шадринскими материалами. Слово *половодный* образовано из словосочетания *полая вода*, которое определяется лексикографами как а) 'высокая вода от ливней или таяния снега, паводок'; б) 'вода весеннего паводка, весенний разлив на реке' [СЛРЯ XI-XVII вв. 16: 283]. Однако в шадринском памятнике слово *подледная* противопоставлено слову *половодная*. Причем половодную ловлю рыбы вели не только в половодье, но и в межень, в середине лета, когда уровень воды в реке спадал. Таким образом, под *полой водой* здесь имелась в виду вода, открытая, свободная ото льда, не покрытая льдом, в разное время года, а не только вода с высоким уровнем во время половодья. В результате возможно уточнить значение слова *по-*

ловодная в шадринском тексте – ‘относящаяся к полою (т.е. открытой, свободной от льда воде)’.

Далее обратим внимание на структуру текстов *рыбы промышлять половодная и подледная, рыбы промышлять подледная, неводить половодная и подледная* или *половодная и подледная промышлять*. Прилагательные *подледная* и *половодная* не согласуются ни с каким определяемым словом. Что же имеется в виду: рыба (*половодная* и *подледная*) или ловля (*половодная* и *подледная*)? Ведь в XVII в. *промышлять* можно было что-то (рыбу, зверя): *Яз сирота твои на краи Лены реки промышляю зверя с собакою лося и оленя* [СлРЯ XI-XVIII вв. 20: 179]]. Но *промышлять* можно было и чем (например, рыбной ловлей), ср.: *Многие промышленники всяк свои промыслы промышляют* [СлРЯ XI-XVII вв. 20: 179]. И почему прилагательные *половодная* и *подледная* в шадринском свитке всегда стоят в им. падеже?

Ответ на последний вопрос очевиден: в деловых текстах XVII в. распространено употребление им. падежа существительных жен. рода склонения на -а в значении прямого дополнения с инфинитивом, ср.: *Поплавным неводом рыба ловить* [Елизаровский 1958: 82], *Рыба руским людем неводами не ловить* [Ш 5₁: 407]. Оно было характерно и для шадринских текстов: *десятинная пашня пахать, очная ставка дать* [Полякова 1968: 13]. Выражение *половодная и подледная промышлять* вполне укладывается в эту конструкцию, и, казалось бы, в этом случае имеются в виду *половодная рыба и подледная рыба*.

Но мешают этому восприятию тексты (они преобладают), где уже имеется слово *рыбы*, которое не согласуется с прилагательным: *рыбы промышлять половодная и подледная*. Вызывает вопрос, почему нарушен порядок слов в конструкции (не *половодная промышлять*, а наоборот: *промышлять половодная*). Наконец, трудно объяснить компрессию (*половодная*

из *половодная рыба*), не характерную для делового языка, в котором обычны разного рода разъяснения и уточнения (например, *кокошник женской*, но он и так был только женским, и все-таки принято уточнить). Исходя из этого, можно предположить, что в выражении *рыбы промыслять половодная и подледная* слова *половодная* и *подледная* являются субстантиватами, называющими виды рыбной ловли. Они заслуживают введения в словари лексики XVII в. в специальных словарных статьях.

Итак, рассмотренные материалы свидетельствуют о необходимости обращения к анализу отдельных слов или выражений из вводимых в научный оборот памятников письменности, даже если эти слова были рассмотрены ранее лексикологами и лексикографами. В результате их изучения в разных аспектах появляются новые сведения о языке, и культуре жителей отдельных регионов и всей России.

Литература

Андреева Е.П. Слово рыба и его производные в промысловой лексике старорусского языка // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3.– Вологда, 2007.– С. 20-29.

Елизаровский И.А. Лексика беломорских актов XVI-XVII вв. / Арханг. пед. ин-т. – Архангельск, 1958.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена.– Пермь: «Книжный мир», 2007.

Полякова Е.Н. Краткий обзор коллекции свитков XVII-XVIII вв. Пермского краеведческого музея // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания Вып. 1 / Перм. ун-т.– Пермь, 1964.– С.161-166.

Полякова Е.Н. Шадринская рукопись 1687-88 гг. как памятник делового языка XVII века. Автореф. дис... канд. филол. наук.– Л., 1968.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий: Книга для учащихся.– М.: Просвещение, 1975.

Сокращения

ГЭС – *Географический энциклопедический словарь: Географические названия* / Гл. ред. А.Ф.Трешников.– М.: «Советская энциклопедия», 1989.

Панин – *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.* / Сост. А.Г.Панин.– Новосибирск: Наука, 1991.

СЛРЯXI-XVII вв. – *Словарь русского языка XI-XVII вв.*– М.: Наука, 1975-2008.– Вып. 1-28.

Смол. сл. – *Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)* / Отв. ред. Е.Н.Борисова / Смол. пед. ун-т.– Смоленск, 2000.

СПЛСР – *Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.* / Ред. Ю.И.Чайкина.– СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003-2005. Вып. 1-2.

СПП – *Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 6 вып.* / Сост. Е.Н.Полякова.– Пермь: Изд-во Перм. ун-та: 1993-2001.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров.*– Л.: Наука, 1985. Вып. 20.

Том. сл. – *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века* / Под ред. В.В.Палагиной, А.А.Захаровой.– Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001.

Цомакион – *Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в.* / Сост. Н.А.Цомакион / Краснояр. пед. ин-т.– Красноярск, 1971.

Ш, 5₁ – *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 5. Ч. 1.– Пермь, 1885.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Фонд. 256. Дело 308.

Л.А. Берсенева
(Вологда)

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
ГЛАГОЛОВ – НАЗВАНИЙ ТРУДОВЫХ ОПЕРАЦИЙ
В «СЛОВАРЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ
СЕВЕРНОЙ РУСИ XV-XVII ВВ.»***

Основу словарей, описывающих промысловую лексику, как правило, составляют имена существительные, поскольку становление и развитие той или иной терминосистемы осуществляется, прежде всего, за счет субстантивов. Однако без исследования глаголов-терминов восстановление объективной картины формирования определенной лексической группы невозможно.

Лексикографическое описание русской глагольной лексики – насущная задача современной лингвистики. Особенно сложные задачи стоят перед составителями исторических словарей специальной лексики. Это обусловлено тем, что старорусские терминологические глаголы нередко имеют размытую семантику, синкретичны, поэтому способны сочетаться со словами разных тематических групп. В составе промысловой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

лексики, как правило, преобладают двух- и трехвалентные глаголы, зависимое существительное при которых может обозначать объект, способ, место, цель действия и т.д. [Андреева: 180]

Важнейшим из путей пополнения глагольного класса является префиксальное глагольное образование. Приставки выполняют двоякую функцию, которая наиболее ярко проявляется в пределах категории глагола: грамматическую (как средство образования совершенного вида) и лексическую (как средство образования новых слов). При присоединении префикса к глагольному слову начинается процесс взаимодействия значения префикса и значений других словообразовательных элементов. В результате этого процесса в слове могут возникнуть новые представления. Кроме того, в формировании значения приставочного глагола большую роль играет контекст, поэтому в ряде случаев вне контекста определить значение производного глагола практически невозможно. Одна и та же приставка может участвовать в выражении многих значений, как близких друг другу, так и омонимичных, с другой стороны, разные приставки могут участвовать в выражении близких, синонимичных, а порой и тождественных значений. Еще В.В. Виноградов писал о том, что емкость и гибкость семантической структуры глагола в большой степени обусловлены «разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их со значениями слов», именно поэтому «в глаголе префиксы играют большую роль, чем суффиксы» [Виноградов, 1986: 339-340].

Все эти особенности вызывают объективные трудности при лексикографическом описании однокоренных глаголов – названий трудовых операций. Перед составителями словаря специальной лексики стоит непростая задача: не только передать семантику глагола-термина, но и показать его функционирование в составе системы.

Цель настоящей статьи – показать принципы лексикографического представления производных глаголов в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.». Объектом исследования стали глагольные префиксальные дериваты, входящие в корневое гнездо с вершиной *рубить*. Данный глагол был выбран не случайно.

Как отмечает В.Г. Гак, «действие – это понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры» [Гак: 78]. В связи с этим целесообразно выделять в составе специальной лексики донационального периода ряд групп, в которые слова объединяются на основе того или иного семантического признака.

Среди множеств, составляющих глагольную систему старорусского языка, выделяется поле глаголов строительства, архилексемой которого выступает слово *строить*. Данное поле в свою очередь можно разделить на два микрополя. Объединяющим началом их являются архисемы 'строить из дерева' и 'строить из камня'. Более многочисленным в силу объективных причин является первое микрополе. Так, по данным двух первых выпусков «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», глаголы – названия плотницких операций преобладают (53 лексемы), в то время как количество глаголов, называющих процессы, связанные со строительством из камня, – 12 лексем. Отмеченное поле обладает четкой структурой, между его членами наблюдаются обширные деривационные связи слов, выявляются родо-видовые, синонимические отношения.

Среди лексических единиц, называющих плотницкие операции, словом с наиболее общим значением является глагол *рубить* (*срубить*): семантический признак 'строить из дерева', входящий в лексическое значение всех элементов микрополя представлен здесь в чистом виде, без дополнительных сем. Также можно отметить отсутствие жанровой обусловленности

термина, его частотность. Глагол *рубить* является вершиной корневого гнезда, обладает широкой лексической сочетаемостью. По мнению ряда лингвистов, лексическая сочетаемость не зависит от грамматической характеристики слова и может быть определена «согласованием» на уровне смысла. Валентность лексемы обусловлена частичным совпадением/несовпадением семантических множителей слов в синтагме: в предметном значении содержится указание на свойства предмета, в значении действия может быть представлена тема субъекта, результата, орудия или объекта, с которым связано действие [Коссек: 97].

Рассмотрим семантику глагола *рубить* (*срубить*). По данным исторических словарей, в старорусском языке слово имело несколько значений: 1. '*рубить, срубить (деревья); заготовлять лес рубкой*'; 2. '*наносить раны, умерщвлять, ударяя с размаху чем-л. острым*'; 3. '*разрубать, размельчать рубкой*'; 4. '*вырубая в бревнах пазы и шипы, изготовлять деревянную постройку; строить, сооружать из бревен, брусьев*'; 5. '*облагать сбором*' [СлРЯ XI-XVII, 22: 227].

По мнению О.Н. Трубачева, исконным у глагола *рубить* (*срубить*) является значение 'строить (построить) из дерева' (праслав. **gabati* / **gobiti*, русск. рубить). Значение 'рубить, рассекаать вообще' – вторичное [Трубачев: 149].

Являясь многозначным, глагол способен сочетаться со словами разных тематических групп. Выделим группы существительных, управляя которыми глагол реализует свое этимологическое значение:

1. названия строений: *Плотники...рубили Пахомьеву кѣлью з сѣнми и курицы и застрѣшины желобы дѣлали дано им от дѣла 25 алтынъ*. Кн. пр.-расх. К.-Бел. м. 1605 – Ник., OCLXXVIII. *На первой срок, как он храм обложит и почнет рубить, дати пятнатцать рублей*. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415.

2. названия частей строений: *А на четверне рубить бочка четвероконечна накрест. Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 73. А на церквах четверик и осмерик рубить в замок. Рядн. Важ. у. 1666 – ИИАО II, 319.*

В редких случаях объект строительства не называется, указан только характер трудовой операции: *А до подпапертного моста рубить как пригож, а паперть на выпусках полторы сажени. Порядн. УВ 1672 – САС III, 422.*

3. названия строительных материалов: *А храм делать по сей записе: бревна рубить и скоблить вольная сторона и взнимать. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415.*

В значении 'заготавливать рубкой' глагол *рубить* выступает, сочетаясь с лексемами *лес, дрова*: *Аще кто в лѣсѣ дров рубя не постережет, но падѣ дерево и убьет вола... дастъ животину за животину. Кн. законные, 51 XV в.~ XII-XIII вв. – СлРЯ XI-XVII, 22, 227. А лишнего и на продажу лѣсу и дровѣ въ томѣ въ заповедном Солотчинском лѣсу отнюдь и никакого бѣ лѣсу не рубили. АЮБ I, 336. 1682 г. – там же.*

Наиболее последовательно терминологическое значение глагола реализуется в составных наименованиях с зависимой предложно-падежной формой существительного или наречием. В этом случае в лексическом значении глагола актуализируются различные семантические признаки: 'строить здание или его часть определенным образом' (*рубить клетушки, рубить вверх, рубить на четыре стороны, рубить на два ската и т.п.*) или 'строить, изготавливать часть (деталь) здания, используя какие-либо плотницкие приемы' (*рубить в брус, рубить в лапу, рубить в угол, рубить в замок, рубить в ус, рубить в притинь*).

Составные наименования первой группы характеризуют процесс возведения здания в целом или его верхней части: *Церковь Пророка Ильи теплая деревяная рублена клетушки. Кн. писц. УВ 1676-1683, 74. Другая церковь Рождество Хри-*

стово деревянная переделывают, рубят вверх. Кн. писц. Углич. у. 1593-1594, 24. И верх на обое лавки срубили на два ската. Кн. расх. УВ 1678-1679 –ТКМГ III, 276. А рубить верх на церкви над подволокой съ разводом на четыре стороны. Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 73.

Семантику составных наименований второй группы можно представить следующим образом:

рубить в брус (рубить брусом), рубить в лапу – «строить из дерева, не выпуская концы бревен за пределы наружной плоскости стены»;

рубить в угол – «строить из дерева, оставляя снаружи короткие концы бревен, углы»;

рубить в замок – «строить из дерева, соединяя углы, вырубая на концах бревна зубцы определенной формы, вставляя их в пазы других бревен»;

рубить в ус – «строить из дерева, соединяя бревна под углом» (Ср. *ус* – ‘угловатое соположение досок’) [Стахович: 368].

Значение составного наименования *рубить в притинь* специальными и историческими словарями не зафиксировано.

Основной дифференциальный признак, на основе которого противопоставляются значения данных составных наименований – ‘способ соединения бревен в строении, срубе’.

Следовательно, если учитывать описанные особенности глагола *рубить*, словарная статья может выглядеть следующим образом.

РУБИТИ, несов. 1. Лесн. *Рубить, срубить (дерева); заготавливать лес рубкой.* А храм делать по сей записе: бревна рубить и скоблить вольная сторона и взнимать. Поряди. Троицк. в. 1637 – САС III, 415. • А лишнего и на продажу лѣсу и дровѣ въ томѣ въ заповедном Солотчинском лѣсу отнюдь и никакого бѣ лѣсу не рубили. АЮБ I, 336. 1682 г. 2. Строит. *Вырубая в бревнах пазы и шипы, изготавливать деревянную постройку; строить, сооружать из бревен, брусьев.* Плот-

ники... рубили Пахомьеву кѣлью з сѣнми и курицы и застрѣшины желобы дѣлали дано им от дѣла 25 алтынѣ. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1605 – Ник., OCLXXVIII. Город Архангельской деревянной на реке на Двине рублен в две стены, мазан глиною. Кн. писц. Вельяминова 1622-1624 – Ясински, 191. На первой срок, как он храм обложит и почнет рубить, дати пятнатцать рублев. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415. А на четверне рубить бочка четвероконечна накрест. Рядн. У.-Вымѣ 1683 – ИИАО IV, 73. **Рубити клетцки, рубити въ клѣцки, рубити клецкимъ дѣломъ.** Сооружать четырехугольный сруб церковного здания. Церковь Пророка Ильи теплая деревяная рублена клетцки. Кн. писц. УВ 1676-1683 – МИГУВ, 74. А в нем церковь во имя преподобнаго отца нашего Сергия, рублена в клѣцки, низкая. Кн. описн. Княг. у. 1672 – ЗОРСА I, 146. А что было по записем рубить храм Клецким делом на два верха. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 416. *Названия действия по способу соединения бревен, брусѣв.* **Рубити въ брусъ, рубити брусомъ.** Строить из дерева, не выпуская концы бревен за пределы наружной плоскости стены. Настоящая церковь от полу въ верхъ рублена въ брусъ. Кн. описн. Княг. у. 1672 – ЗОРСА I, 143. Колокольня деревяная, рублена брусом, о четырех стенах, покрыта тесом. Кн. вкладн. К.-Бел. м. 1693 – Кириллов I, 167. **Рубити въ замокъ.** Строить из дерева, соединяя углы, вырубая на концах бревна зубцы определенной формы, вставляя их в пазы других бревен. А углы у колокольни рубити в замокъ. Порядн. Верхов. в. 1643 – САС III, 418. А на церквах четверик и осмерик рубить в замокъ по лавочному тесаной. Рядн. Важ. 1666 – ИИАО II, 319. **Рубити въ притинь.** (Знач.?) А внутри углы рубить до подволоки в притинь и стены тесать и выскоблить. Порядн. УВ 1672 – САС III, 422. **Рубити въ уголъ, рубити углаомъ.** Строить из дерева, оставляя снаружи короткие концы бревен, углы. Село Лубяницы, а в нем церковь... рублена в угол, низменная. Кн. описн. Княг. у. 1672 – ЗОРСА I, 156. Соборная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Михаила Малейна, деревянная, холодная, рубленая углаом. Кн. писц. Тот. 1687 – ВЕВ, 1883, № 15, 265.

По данным картотеки «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», корневое гнездо с вершиной *рубить* включает 11 глаголов: *врубить*, *вырубить*, *дорубить*, *зарубать*, *зарубить*, *нарубить*, *обрубить*, *отрубить*, *подрубить*, *прирубить*, *прорубить*, *разрубить*, *срубить*.

Памятники деловой письменности старорусского языка свидетельствуют о высокой частотности видовой пары – глагола *срубить*. Значения дериватов обусловлены семантикой приставок и лексическим значением управляемых слов.

Дорубить – результативный завершительный способ глагольного действия: *Изба, что куплена у Матфѣя Ширяева, вверху дорубити и сомшить и покрыть*. ДАИ X, 132. 1682.

Врубить – «вделать, укрепить что-либо в углублении, вставить (о деревянном строении), врубить»: *И в таможенной избе нижней пол намостили и брусье подволочное врубили*. Кн. расх. УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 244. Общее значение приставки *в* – «поместить внутри чего-нибудь».

Сходное значение имеет приставка в глаголе *прорубить* – «направить действие сквозь что-нибудь, вглубь»: *Противо сохи прорубить окно близъ потолку для сушения векошных бечев или в морозы для таенья*. Росп. труб. д., 191.

Глагол *вырубить* в зависимости от управляемых существительных выступает в двух значениях: «заготовить лес, вырубить» (значение приставки – «довести до результата действие»): *вырубить намъ подрядчикомъ въ своемъ сосновомъ добромъ ядреномъ лѣсу гладкихъ и несукватыхъ бревенъ на церковное строение*. Порядн. Вол. 1700 – ИИАО III, 281. В сочетании с существительными – названиями строений семантика глагола сужается: *вырубить избу, баню* – «срубить нужное для постройки число деревьев». *А кто явится сторонней человекъ въ монастырскомъ лѣсу вырубить избу или баню или клѣтъ, или овинъ, и съ того имать десятая жъ пошлина чего та хороми на по оцѣнке судить*. АИ V, 333. 1689 г.

Семантика глаголов *зарубать* и *зарубить* расходится в силу многозначности префикса. Глагол *зарубать* употребляется в составе устойчивого терминологического сочетания *зарубать зубцы* – «изготавливать рубкой украшение по краю кровли в виде острых выступов»: *И спуски спустить по аршину, и зубцы зарубать*. Поручн. УВ 1617 – АХУ I, 162. Значение приставки *за*, продуктивное в специальной лексике, – ‘распространить действие на часть предмета’. Оно реализуется в глаголе *зарубить* – «сделать выемку на чем-либо топором или иным рубящим орудием»: *заруби зарубки над нижними ставы, толко шесты, чтобы не замешатся, а став и догруз не снимаючи*. Росп. труб. д., 199.

Сравнивая семантику терминов *нарубить*, *подрубить*, *прирубить* со значением производящего глагола, можно выделить дополнительную сему, указывающую на место совершения действия.

Нарубить (нарубать) – ‘строить, изготавливать из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘над чем-либо, сверху’ (ср. *надстроить*): *А с стопы храмовые подвести вверх полсажени и шея новая нарубить*. Порядн. Троицк. В. 1661, 131. *Нарубал верхъ у служни избы Василеи Корѣлянин с товарищи, дал от дѣла б алтын*. Кн. прих.-расх. Ант. м., № 1, 225 об. 1588 г.

Прирубить (прирубать) – ‘строить из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘рядом, в непосредственной близости’ (ср. *пристроить*): *И к тѣм церквам прирубить две паперти*. Порядн. Вол. 1700, 281. *Ис покупного же лѣсу устюжанин Яков Прокопьев Пономарев прирубил к таможенному винному анбару и к таможене пристен двоежырной*. Кн. прих.-расх. УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 245.

Подрубить (подрубать) – ‘подводить (т. е. пристраивать снизу - Л.Ц.) новые венцы к бревенчатому строению’ (СЛРЯ XI-XVII, 16, 49; ср. *подруб* – ‘ряд новых венцов, подведенных под сруб’; там же): *Дал Якову церковному мастеру рубль денег за*

то ж за церковное дело, что церковь подрубал. Кн. пр.-расх. Ант.-Сийск. м. 1578, 104. Жытница подрубить на вебри да и покрыть дертием новым. Порядн. Важск. у. 1634 – Рус. яз. Ист., 179.

Обрубить – «сделать из бревен ограду, сруб, обвязку» (СЛРЯ XI-XVII, 12, 160). Общее значение приставки – ‘направить действие вокруг чего-нибудь’: *Круг двора обрубили обруб.* Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 2, 154 об. 1574 г.

Приставки глаголов *отрубить*, *разрубить* синонимичны – ‘отделить что-либо’, однако терминологическое значение лексем расходится: *Да под колокольню отрубити анбар надвое, да двои двери в анбары простые, а третие двери в колокольню колодные.* Порядн. Верхов. в. 1643 – САС III, 418. *И к тѣм церквам прирубить двѣ паперти, а межъ притвором и трапезою розрубить пополам.* Порядн. Вол. 1700 – ИИАО III, 281. *Лѣсъ нам крестьяномъ по чему розрубимъ, бревенъ ли, тесницъ и скаль везти и мох на носъ.* Дело Холмог. 1694 – АХУ I, 1127. Как видим из примеров, глагол *отрубить* – трехвалентный, управляет существительными со значением объекта действия, места действия, к нему примыкает наречие, обозначающее способ действия, следовательно, можно представить семантику термина так: ‘строить из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘разделяя ее на отдельные помещения’. Глагол *разрубить* имеет в первом случае сходную валентность, во втором примере сочетается с названиями строительных материалов, его значение полностью обусловлено семантикой префикса – ‘разделить на части рубкой» (ср. глагол *рубить* в знач. 4).

Необходимо отметить, что хотя семантика рассмотренных глаголов обусловлена их морфемным строением (префиксы на-, при-, под- указывают на место совершения действия; в-, про- об- – направление действия), в их лексическом значении имеются имплицитные семантические компоненты, указывающие на конкретную реалию, на которую направлено дей-

ствие. Данные семы определяют способность слова сочетаться с существительными определенных тематических групп. Сочетаемость терминов можно представить в виде нескольких моделей:

1. действие → объект действия (*рубить келью, срубить обруб, подрубить житницу, вырубить избу, прорубить окно, нарубить шею, рубить бочку, врубить брус*);

2. действие → способ действия (*рубить в лапу, рубить в замок, рубить в ус, срубить на два схода, отрубить надвое, разрубить пополам*);

3. действие → средство действия (*подрубить лесом*) – модель непродуктивна.

Таким образом, при лексикографическом описании глаголов одной тематической группы целесообразно, учитывая контекстуальные связи глагола и сопоставляя со значением производящего слова и кодериватов, установить его семантику, а также продемонстрировать семантическую валентность терминов, обусловленную значением префиксов.

Ниже приводятся примеры словарных статей разного типа, построенных с учетом данных принципов.

ЗАРУБАТИ: зарубати зубцы. Плотн. Изготовлять рубкой украшение по краю кровли в виде острых выступов. И спуски спустить по аршину, и зубцы зарубать и желобы имъ плотникомъ сделавъ класть новые все. Поручн. УВ 1617 – АХУ I, 162.

РАЗРУБИТИ (РОЗРУБИТИ), сов. 1. Лесн., дров. Рубя, разделить, рассечь на части. И всякой храмовой лѣс нам крестьянам по чему розрубим бревен ли, тесницъ и скал вести и мох на нось. Дело Верхопушем. в. 1694 – АХУ I, 1124. 2. Строит. Отделить одно помещение от другого бревенчатой стеной. И к тѣм церквам прирубить двѣ паперти, а меж притвором и трапезою розрубить пополамъ. Порядн. Вол. 1700 – ИИАО III, 281.

ОТРУБИТИ, сов. Строит. Построить, разделив на отдельные помещения. Да под колокольною отрубити анбар надвое, да двои двери

в анбары простые, а третьи двери в колокольню колодные. Порядн. Верхов. в. 1643 – САС III, 418.

Литература

Андреева Е.П. Глагольная лексика в составе промысловой терминологии старорусского языка. // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси.– Вологда, 2002.– С. 180.

Виноградов В.В. Русский. Грамматическое учение о слове –. М., 1986.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971.– М.: Наука, 1972.– С. 78.

Коссек Н.В. К вопросу о лексической сочетаемости // Вопросы языкознания, 1966, № 1.– С. 97.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. – М.: Наука, 1966.–С. 149.

Стахович М.А. Народные технические выражения // Материалы для сравнительного и объяснительно словаря и грамматики. – Т.3. – Вып. XVII-IX. – Спб., 1856.– С.–368.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРНЯ БЕЛ-
В ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКЕ
СЕВЕРНОЙ РУСИ XV-XVII вв.***

Предмет настоящего исследования – функционирование корня *бѣл-* в составе промысловой лексики старорусского языка. Слова с данным корнем используются в терминосистемах разных промыслов и ремесел на протяжении веков, нас интересует семантическая трансформация и соответственно семантический потенциал древнего колоритива. За основу берутся составные наименования, компонентом которых является прилагательное *бѣлый*, и его производные, употребляемые в качестве обозначений специальных понятий. Главный источник исследования – «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» и его картотека.

Анализируемый корень *бѣл-* восходит к общеиндоевропейскому языку [Фасмер I: 149]. За длительный период существования слова с этим корнем развивают в XV-XVII вв. ряд переносных значений, образуют обширное словообразовательное гнездо.

В древнерусском языке, судя по первым фиксациям лексемы *бѣлый*, слово имело основное значение – ‘белого цвета’. Сл РЯ XI-XVII вв. отмечает у этого значения оттенок ‘неокрашенный, светлый, бесцветный’ (в отличие от других видов это-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

го изделия, продуктов, имеющих какой-либо цвет') [Сл РЯ XI-XVII вв., вып. 1: 137]. Памятники деловой письменности Русского Севера XV-XVII вв. фиксируют составные наименования (СН), семантика которых обусловлена отмеченными значениями компонента *бѣлый*.

Так, прилагательное *бѣлый* используется для указания на окраску меха или шерсти животного: *заячина белая, нерпа бѣлая, песецъ бѣлый, шерсть бѣлая* и т.п., такие сочетания близки к свободным. Однако их частотность, употребление в составе оппозиций (*заячина бѣлая* – *заячина серая*) свидетельствуют о некоторой степени устойчивости. Это обусловлено тем, что в пушном промысле цвет меха, шкурки животного играл определенную роль, от него нередко зависели качество меха, его стоимость: *Того же дни тотъмянин Данило Гусь купил 30 кож сырых, 45 опойков, 23 телятины, 300 заечин белых, 200 заечин серых, 66 овчин, 500 белки да 1000 подпали.* Кн. там. Тот. 1633 – ТКМГ I, 528. Указание на окраску меха животного конкретизировалось и за счет употребления сложных слов, так известны следующие наименования лисьих шкур по цвету: *лисица белодушка, лисица красная, лисица красная черночеревая, лисица чернодушчатая* [СПЛ, вып. 2: 164]. Интересующее нас СН *лисица бѣлодушка* имело значение 'шкурка лисы с белым мехом на передней части шеи'.

Следует вспомнить и о том, что названия животного и его шкурки *бѣла, бѣлка* исторически восходят к прилагательному *бѣлый*, эта связь очевидна благодаря употреблению в древнерусских летописях таких словосочетаний, как *бѣла въверица* (буквально: «белая белка») [Фасмер I: 148]. В промысловой лексике Русского Севера XV-XVII вв. лексема *бѣлка* функционирует наряду со словом *въкиша*. При этом показательно использование СН *бекиша белка* в значении 'бело-серая шкурка белки, полностью сменившей мех к зиме', *бекиша зелень* 'шкурка белки, сохранившей летнюю окраску': *Генваря в 14 день яро-*

славец Федор Туруносов явил товару 7200 векош белки и зелени, 26 горностаев, одно норченко. Кн. там. Сольвыч. XVII в. – ТКМГ I, 343 [СПЛ, вып. 1: 73]. По-видимому, в отмеченный период возникают и синонимичные сочетания *векиша белка* – *бѣлка чистая*, *векиша зелень* – *белка зелень*: *Да по другой выписи явил осталого непроданного товару: 7200 белки чистые, 250 белки зелени*. Кн. там. УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 182. Появление СН *бѣлка чистая*, *белка зелень* свидетельствуют о том, что сема 'белого цвета' у компонента *бѣлка* постепенно затухает.

В лексике строительного дела также находим указание на цвет материала, СН *камень белый*, *камень серый* указывают не только на внешний вид предмета, но и на его качество: *Велѣл Государю бить челом о сѣром и бѣлом камению на колоколничной бут*. Отп. Вол. 1653 – САСК (К), 65. *Кртыяне подрядилися добыть и вытесать камени бѣлого доброго*. Кн. расх. Холмог. арх. д. № 107, 62. 1695 г. – КДРС. В производстве мыла цвет продукта также был связан с его качеством и сортом, выделялось *мыло белое* и *мыло пестрое*: *Того же дни ярославца Петра Оглодаева малой Ивашко явил осталого же товару: мыла белого 18 косяков..., 104 овчины сырых, да 57 кож телятин сырых*. Кн. там. УВ 1633-1634 – ТКМГ I, 12. *Мыла пестрово 10 кусков*. Там. кн. Тихв. м., № 1265, 54. 1626 г.

Семантическое развитие корня приводит к тому, что определение *бѣлый* в составе многих сложных номинаций начинает не столько обозначать цвет предмета, сколько указывать на определенный вид животного, сорт материала или производимого продукта. Например, в пушном промысле СН *медведѣдно бѣлое* имело значение 'шкура белого медведя', при этом оно противопоставлялось сочетанию *медведнецо бурое*.

В лексике кожевенного дела широко употреблялись составные наименования *боранъ бѣлый*, *воротъ бѣлый*, *кожа*

бѣлая, конина бѣлая, телятинка бѣлая и т. п., в их лексическом значении выделяются семы 'не подвергавшийся окрашиванию'. Возникает оппозиция: *бѣлый* 'неокрашенный' – *красный* 'окрашенный'. *Марта в 13 день Евдоким Васильев приехал с Ваги, товару важской покупки: шестьдесятеры рукавицы уресковые, юхть кож белых, 2 юхти уресковые, 4 жеребетинки, 90 сковород железных.* Кн. там. УВ 1676-1677 – ТКМГ III, 63. *Сысолятин Иван Пиминов купил на Устюге на явленные деньги... 6 боков дубленных, кожа красная.* Кн. там. УВ 1676-1677 – ТКМГ III, 15. Заметим, что в наименовании деревянной посуды, ложек также важно было подчеркнуть отсутствие – наличие окраски у изделия, однако при этом прилагательное *бѣлый* противопоставлялось определению *черный*: *Купил ложок бѣлых олифленых Н. дал четыре алтына з денгою.* Кн. прих.-расх. Корн. м. 1576 – АЛОИИ, к. 11, № 100, л. 9 об. *В той же полате... 6000 ложек шадровых, 82 ложки корелчатых, 63 ложки черных.* Оп. им. К.-Вел. м. 1601, л. 359 об.

Семантической трансформации прилагательное *бѣлый* подвергается и в составе терминологий других промыслов. Отметим в составе рыболовецкой лексики старорусского языка оппозицию *бѣлая рыба* – *красная рыба*. Составной термин *красная рыба* обозначает в отмеченный период, как и в современном русском языке, рыбу наиболее ценных сортов, хрящевую рыбу, такую, как белуга, лосось, осетр, севрюга, таймень, тогда как словосочетание *бѣлая рыба* служит для наименования простой чешуйчатой рыбы: *Да угодыя Печенского монастыря старцовъ оброчные, а не луковые: по рѣкѣ по Туломе в Муромашахъ Варламовъ ручеекъ да да Кротовъ ручеекъ и с верхотинами и с озерами, в ручейкахъ бобры бьютъ, а в озерахъ бѣлую рыбу ловят.* Гр. Кольск. 1675 г., 519. В качестве мотивировочного признака наименования

выступает цвет мяса: светлый у чешуйчатой рыбы, с красноватым оттенком у красной рыбы.

СН *бѣлая рыбаца*, как и сложное существительное *бѣлорыбица*, имело значение 'ценная промысловая рыба семейства лососевых, с серебристым телом и белым брюхом; белорыбица'. *И въ томъ же мѣстѣ... старосты и крестьяне ловятъ де рыбу блые рыбыцы и иную всякую на себя, ночною порою, многими поѣздами и съ лучемъ строгами.* А. Белоз. 1677-1682 – ДАИ VII, 176. Эти названия мотивированы светлым цветом чешуи белорыбицы. Тот же признак номинации выделяется у слова *белуга*, зафиксированного в памятниках деловой письменности Русского Севера в двух значениях: 1. 'ценная промысловая рыба, самая крупная из семейства осетровых'. *И на моей, царя и великого князя, трети того езу, чем Бог пошлетъ белугъ, и язъ, царь и великій князь тоѣ белугу своеѣ трети даль въ домъ Успенья пречистые Кирилова монастыря игумену с братею.* Жал. гр. К.-Бел. м. 1566 – Арх. Стр. I, 416. 2. 'полярный дельфин, белуха'. *Да на Чюхоцком берегу найдена белуга выметная из ней вышло сало девет пуд.* Гр. Пертомин. м. 1665 – КДРС, Арх. Он. [СПЛ, вып 1: 38]. Как видим, в качестве мотивировочного признака выступает цвет самой рыбы, а не ее мяса, поскольку белуга относится к красной рыбе. А.П. Сабанеев отмечает у нее светлую окраску чешуи: «общий цвет тела пепельно-серый, брюхо серовато-белое» [Сабанеев II: 518]. Сходная мотивировка существует у второго значения слова *белуга*.

Вернемся к составным наименованиям, включающим компонент *бѣлый*. Сочетание *лесъ бѣлый* в памятниках деловой письменности XVII в. употребляется в значении 'лиственный лес': *Явили варнишных дров мяндачу и белово лесу 19 плотов.* Там. кн. I, 304. 1635 г. Заметим, что в современной терминологии лесоводства сохраняется оппозиция: *белый лес* (лес с преобладанием лиственных деревьев: березы, осины,

липы) – *красный лес* (сосновый лес). Значение отмеченных СН опосредованно связано с цветом древесины.

У следующей группы двучленных терминов сема 'цвет' носит скрытый характер. Так, СН *желѣзо бѣлое* в старорусском языке имеет значение 'жесть': *На тои соборнои церкви... шеи и главы и кресты по чину построили, и бѣлымъ желѣзомъ кресты и главы были обиты.* Гр. УВ 1680 – АХУ I, 528 [СПЛ, вып. 1: 191]. В строительном деле употребляются СН *бѣлая изба* – *черная изба*, в основе противопоставления лежит способ отопления (наличие/ отсутствие дымохода): *А во дворѣ хоромовъ изба бѣлая с подволокою.* Гр. Белоз. 1616 – АЛОИИ, ф. 194, карт. 2, № 36. *Дворецкой Бушман в чорную избу купил 2 ступы.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581 – КСПЛ. В пекарном промысле прилагательное *бѣлый* развивает еще одно значение 'пшеничный, из высших сортов муки', в противопоставлении прилагательному *черный* 'ржаной': *Семенову прянишнику плачено за 2 бѣлые ковришки да за 2 черные 20 алт<ын>... А отнесены те пряники... владыкѣ.* АХУ II, 1046. 1682 г.

Как видим, расширение семантического объема у слова *бѣлый* приводит к тому, что в ряде производных значений сема 'цвет' не входит в число ядерных, носит скрытый характер. Сходные процессы можно отметить и в ходе анализа слов, производных от прилагательного *бѣлый*.

Прежде всего, выделим в старорусском языке термины, внутренняя форма которых создается благодаря семе 'цвет'. Многозначное слово *бѣль* употреблялось в лексике золотошвейного промысла в значении 'белая толстая льняная нить для вышивания и низания жемчугом': *Образъ... ожерелейцо жемчужное низано по беле в решетку.* Оп. Горицк. м. 1661 – ГАВО, ф. 883, оп. 1, д. 34, л. 6 об. В иконном промысле этот термин имел значение 'белый фон для иконописного изображения': *Въ церкви икона съборъ Архангела Михаила на бѣли*

поставнаа. Отписн. Горки 1499 – АЮБ II, 632. Да в том же монастырѣ церков теплая Рожество Пречистые... а в нем дѣисус, семь образов на бели. Сотн. Сольвыч. 1586 – Шум., 5. [СПЛ, вып. 1: 38-39]. Примечательно, что Сл РЯ XI-XVII вв. отмечает слово бѣль еще в одном значении 'всякая чешуйчатая мелкая рыба': Угодей и озеро владычня Кидро съ истокомъ...а рыба въ нихъ бѣль всякая. Ряз. п. кн. II, 447. 1567 г. [Сл РЯ XI-XVII вв., вып. 1: 139].

В ткацком промысле использовался производный термин бѣлье 'отбеленный холст, полотно': А старого дохода съ тоѣ деревни пряли пяток лну... уткали сто локоть полотна, а белили то белье в усть реки на погостѣ. Кн. пер. Беж. пят. 31. 1501 г. Сема 'цвет' в структуре лексического значения отмеченного термина трансформируется: не 'имеющий', а 'приобретающий белый цвет в результате специального действия'. Производное значение 'изделие из льняной ткани, белье' возникает в результате метонимического переноса, сема 'цвет' носит при этом, как видим, имплицитный характер: А белье, что осталось дочери моей Аннѣ да рубаху приказываю Овдотьи Федоровой дочери. Кн. Солов. вотч. креп., 170. XVII ~ 1571 г.

В щепном промысле слово белье употреблялось в качестве компонента СН для обозначения 'неокрашенного деревянного изделия': ложки белье. Старец Иев Челищев на Волоку купил 1383 лошки белья, денег дал 3 рубли 12 алт. Кн. прих.-расх. Кир. м., 71 об. 1582 г.

Глагол бѣлити в старорусской промысловой лексике имел два значения: 1. 'отбеливать (ткани)'; 2. 'красить белой краской, белить' [Сл РЯ XI-XVII вв., вып. 1: 133]. Данный глагол в первом значении мотивирует ряд производных специальных слов в старорусском языке: бѣлильникъ в ткацком промысле 'тот, кто моет и белит холсты' [СПЛ, вып. 1: 36], бѣлище 'ме-

сто, где расстилают холст для просушки, беления' [Сл РЯ XI-XVII вв. вып. 1: 133].

Глагол *бѣлити* во втором значении образует видовые корреляты *выбѣлити*, *отбѣлити*: *Вверху в цркве в дву полатках и нынешню ж весною... выбраны и подмазаны и выбелены*. Оп. Пертомин. м. 1690 – ГААО, ф. 60, оп. 1, д. 63, л. 10. *Да какъ сдѣлаемъ всю церковь, отбѣлимъ и лѣса опустимъ, и намъ взяти и досталь рядных денегъ в девяносто рублевъ*. Порядн. Белоз. 1552-1553 – АЮБ II, 776-777.

Второе значение слова *бѣлити* мотивирует семантику отглагольного существительного *бѣленье* 'окраска печей белилами, мелом, известью; побелка': *Куплено у Мишки Тряблого полпуда глины коломенской для беленья печей дано двѣ гривны*. Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д. № 102. 1694 г.

Существительное *бѣлила* 'белая краска, белила' широко используется в иконописи и в строительном деле: *Купил белил гривенку... на образ*. Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1575 – АЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 1, л. 38. *Семь пуд воска по смѣте шестнадцать колоколов желѣзныхъ полтретья ведра бѣлил*. А. Холмог. там. избы, № 37. 1674 г. В свою очередь от данного слова образуется *бѣлильница* 'сосуд для хранения белил', сема 'цвет' в структуре значения производной лексемы находится на периферии: *Товару явил по городской выписѣ... 5 дюжинъ бѣлильниц*. Кн. там. УВ 1676 – ТКМГ III, 13. Еще более трансформируется эта сема в значении глагола *пробеливати* 'наносить пробелы, штрихи, писанные белилами, твореным золотом или краской' [Замятина: 135-136]. Об этом процессе свидетельствуют такие контексты, как: *И тѣ намѣстные и праздничные образы писаны по празелени краски а ризы пробѣливаны творенымъ золотомъ*. Опис. Холмог. ц., № 94, л. 11. 1696 г. – ҚДРС.

Проведенный анализ показывает высокую семантическую и словообразовательную активность корня *бѣл-* в составе спе-

циальной лексики старорусского языка. В качестве компонента СН прилагательное *бѣлый* функционирует в терминосистемах ведущих промыслов и ремесел: охоты, рыболовства, строительного, кожевенного дела, мыловарения, железоделательного, щепного промыслов и др. Дериваты этого прилагательного широко используются в терминологиях иконописи, ткацкого, печного промыслов.

Показательно, что в терминологиях различных промыслов прилагательное *бѣлый* образует разные оппозиции, в составе которых новые значения развивают и другие колоритивы: например, *бѣлая рыба* – *красная рыба* (рыбол.), *бѣлая заячина* – *серая заячина*, *медвѣдно бѣлое* – *медведнецо бурое* (охот., кожев.), *бѣлая кожа* – *красная кожа* (кожев.), *бѣлая ложка* – *черная ложка* (щеп.), *бѣлый камень* – *серый камень*, *бѣлая изба* – *черная изба* (строит.), *бѣлое мыло* – *пестрое мыло* (мыловар.), *бѣлая коврижка* – *черная коврижка* (пекар.).

Специализация значения колоритива приводит к тому, что сема 'цвет' в лексическом значении одних терминов носит имплицитный характер, в значении других терминов исчезает вовсе.

Литература

Сабанеев – Сабанеев А.П. Рыбы России. Жизнь и ловля (уженья) наших пресноводных рыб. В 2 т. – СПб, 2000.

Замятина – Замятина Н.А. Терминология русской живописи. – М., 2000.

Словари

Сл РЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975. Вып. 1.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / Под ред Ю.И. Чайкиной. Вып. 1-2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000-2005.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.– М., 1986-1987.

Ю.В. Кириллов

(Псков)

О МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ XVII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ)

Лексика семантического поля «метрологическая лексика», содержащаяся в таможенных книгах XVII века, характеризуется неоднородностью по степени терминологизации. В ядерной части семантического поля, включающей общерусские метрологические наименования, с учетом традиционно выделяемых языковых черт терминов (точность понятийной семантики, однозначность, номинативность, стилистическая нейтральность, системность) [Шелов 2003: 3-28] наиболее терминологизированными представляются однозначные слова, заимствованные из других языков или образованные в системе метрологической лексики как специальные наименования мер [Быстрякова 1984]. Ср.: *взято с сорока аршин сукна простова* (ВЛТК 1670/71, л. 314). Менее терминологизированными представляются полисемичные в системе языка метрологические наименования, образованные путем метонимического переноса от названий емкости, тары или единицы штучного товара. Ср.: *взято... з бочки сельдей* (ВЛТК 1671/72 бел., л. 63). Еще менее терминологизированными представляются слова, полисемичные не только в системе языка, но и в самой системе метрологической термино-

логии. Последнее явление было обусловлено размытостью границ классификационных групп, из-за которой многие термины могли свободно переходить из одной группы в другую. Например, частыми были переходы терминов из группы наименований мер объема в группу наименований единиц измерения поверхности. Слово *четверть* служило одновременно а) наименованием двух разных мер объема – меры сыпучих тел, соответствовавшей в разное время 4-8 пудам зерна, и меры объема жидкости в 1/4 мерного ведра; ср.: *взято... з десяти четвертей ржи* (ВлТК 1671/72 бел., л. 25об.); б) наименованием меры поверхности – участка земли такого размера, что на его засев уходила *четверть* зерна [Каменцева, Устюгов 1975: 88-140]; в) наименованием 1/4 доли какой-либо меры; ср.: *взято... с трех пуд без четверти воску* (ВлТК 1671/72 бел., л. 85об.).

На периферии семантического поля «метрологическая лексика» находятся слова, обозначающие народные меры, связанные с хозяйственной деятельностью. Слово *копна*: *а мнѣ Григорью... давати... изъ сенокосу пятую копну* [ПОС 15: 209]. О низкой степени терминологизации таких слов может свидетельствовать то, что в документах они могли сопровождаться указаниями на соответствие называемой меры другим мерам. Ср.: [Явил] *четыре лагуна дехтю мерою семдесят ведрь* (ПТК 1749, л. 37об.). Слово *лагу* в приведенном примере означает не только наименование сосуда, но и счетную единицу. В его семантике, таким образом, присутствует метрологический оттенок. В Псковской таможенной книге 1670/71 г. встречается наименование счётной единицы количества льна связок: *яви^л и продал печерски^и / крѣстьяни^и Тишошка Макаровъ / дватцать два связка лнз* (ПТК 1670/71, лл. 154 об.-155). Ср. исходно однокоренное слово *вяза* у В.И. Даля: 'повязка, связка поцерекъ, поясомъ; витень из травы и с соломой, для вязки сноповъ, соломенный жгутъ, поясъ'

– *снопы мерою по связслу пяти, семи четвертей* [Даль IV: 160-161].

Другую категорию слов, находящихся на периферии метрологических наименований, составляют названия местных метрологических единиц. Известно, что диалектное членение в XVII веке было еще достаточно сильным. Применительно к метрологии можно выстроить для разных диалектов свои системы наименований, отличающихся от общерусской [Быстрякова 1987]. В разных диалектах различные местные метрологические названия могли иметь разную степень терминологизации. Например, слова *полуваря* как наименование меры соли и дров; *плот*, *творило* как наименования мер дров; *бурак* как наименование меры меда встречаются преимущественно в памятниках севернорусской деловой письменности [Быстрякова 1986].

Рассмотрим некоторые наименования мер объема жидких и сырых тел на материале псковских памятников XVII в.

Историки отмечают, что в XVI-XVII вв. добыча рыбы была одним из важнейших промыслов в Русском государстве. По данным А.Г. Манькова, в то время насчитывалось не менее 35 разновидностей промысловой рыбы. Обширной была группа метрологических наименований, связанных с измерением рыбы. Исследователь отмечает: «...причиной значительного отсева материала послужил и крайний разнобой в мерах. Рыба продавалась *штуками, пудами, бочками, возами, пучками, беременами, косяками, мотками, рогожами, четвертями*» [Маньков 1951: 53]. Е. Каменцева и Н. Устюгов предлагают классификацию мер рыбы на основании способа ее обработки: «...сырые треска, палтус, семга продавались поштучно; сушеные треска и палтус – на вес; соленая рыба – бочками разной вместимости. Вялая, как и сушеная, рыба покупалась на вес» [Каменцева, Устюгов 1975: 148]. Данные таможенных книг позволяют эту классификацию уточнить. По-видимому,

для классификации единиц измерения рыбы, кроме способа ее обработки, важны были также размер и ценность.

В связи с рыбой отмечаются такие наименования единиц измерения, как *воз*, *подвода* и *телега*, образованные по модели 'вместилище' → 'мера' от названия транспортного средства. Чаще всего эти слова употреблялись в сочетании с обобщенным названием рыбы разных видов (со словом *рыба* [ср.: СЛРЯ XI-XVII вв. 22: 268]), а также с названиями видов не крупной и недорогой рыбы (*окунь*, *плотва*, *селява*, *снеток*, *язь*). Ср.: *взято на луцком стрельце на Федаре Лешилке с трех возов рыбе мелкой по продаже з дву рублев три алтына две денге* (ВЛТК 1670/71, л. 274); *явил лучанин посадкой человек Иван Родин два возы снетков... двенацать бочек сизов.* (ВЛТК 1671/72 черн., л. 31об.); *взято на луцком стрельце на Игнатъе Гагрине з дву телег рыб по продаже с трех рублев пять алтын* (ВЛТК 1670/71, л. 300). Примечательно, что в немногих случаях употребления указанных слов в сочетании с названиями ценных разновидностей рыбы речь идет о таможенных действиях, связанных не с *явкой*, *покупкой* или *продажей* товара, а с его *провозом*. Возможно, в таких случаях делопроизводственным порядком допускались менее подробные просмотр и описание товара. Ср. пример из таможенной книги Великого Устюга: *галичанин Иван Игнатъев с товарищем Дмитреем приехали на 10-ти лошадех от Соли Вычегоцкой привезли 2 воза рыб семги... купили на Устюге трески 140 п. и рыбу цольского привозу семгу и треску повезли с Устюга на 10-ти лошадех...* (ВУТК 1633/34, л. 44).

Своеобразные термины, образованные от наименований транспортных средств, имеют разную частотность: в памятниках в значении единицы измерения наиболее употребительно слово *воз*; наименее частотное – слово *телега*.

Метрологическое значение отмечается словарями только у слова *воз* – 'количество чего-либо, уместяющегося на возу как

мера' [СлРЯ XI-XVII вв. 2: 265; СлОРЯ XVI-XVII вв. 2: 277-278; СлПП XVI-XVIII вв. 1: 95-96; СлПЛ XV-XVII вв. 1: 95-96; ПОС 4: 85].

В различных контекстах слова *воз*, *подвода* и *телега* могли иметь разную степень терминологизации. Выделяется группа контекстов, в которых указанные слова выступают в неметрологических значениях, ср.: *ба^лховитинъ Романъ Бердунико^о Еви^л на трех^х воза^х двѣхте восемьде^и | се^т сз^д красны^х... шесть асетро^о, кзль сне^тко^о* (КТК 1646/47, л. 16об.-17). Слово *воз* в аналогичных употреблениях обнаруживает значение 'повозка для клади или с кладью' [СлРЯ XI-XVII вв. 2: 265; ПОС 4: 85].

О.И. Быстрыкова выделяет ряд условий, употребление в которых позволяет подтвердить наличие у слов значения метрологического термина. В частности, это такие контексты, в которых а) наименование меры сочетается с другими наименованиями мер, обозначающими её точные деления (ср.: *куплено дегтю бочка 29 ведр с полуведром*); б) наименование меры употребляется в качестве эталона вместимости чего-либо (ср.: *котель медной, ведръ въ 20, другой – ведра въ 4*); в) наименование меры употребляется одновременно со словом, называющим тару или емкость, в которой хранится товар (ср.: *масла коровя в у коровника в ызваре ведра з два*) [Быстрыкова 1986].¹ Слова *подвода* и *телега* в подобных контекстах не встречаются. В КСлОРЯ XVI-XVII вв. зафиксирован один контекст на слово *сани*, в котором наименование *воз* как будто употребляется в качестве эталона вместимости: *а повежут ту соль на санех полтора^{ста} возов или лете в пяти струзах* (АФЗХ II, л. 82, с. 80, 1518). Этот контекст может быть и ранней фиксацией слова *воз* в значении счетной единицы санных повозок (ср. значение, отмечаемое СлРЯ XVIII в.: 'повозка (телега, сани) для перевозки груза' [СлРЯ XVIII в. 3: 270]).

Можно выделить группу примеров, в которых слова *воз*,

подвода, телега выступают в качестве названий народных счетных единиц с невысокой степенью терминологизации. Можно предположить, что для выделения таких контекстов актуальны такие критерии, как наличие пояснений с указанием соответствий в других единицах измерения. Ср. пример из Курской таможенной книги: *курченин А*тонъ Беляевъ яви^л на возу пятьсо^т рыбы щжкы сухой* (КТК 1646/47, л. 69). Еще одним критерием являлась, вероятно, частотность употребления метрологического наименования с соответствующим наименованием товара. Например, употребление лексемы *воз* для обозначения меры объема *меда* нетипично, отмечаются лишь единичные примеры (*Бил челом на меня... кадашевеуъ же Иван Степанов в чуж[о]м товарном животе в дву возах меду ложн[о]* – 200. МДБП, 2.46, 65 [КСЛОРЯ XVI-XVII вв.]). Поэтому можно с большой долей достоверности предположить, что в них слово *воз* означает не специальную меру меда, а народную счетную единицу. Названия счетных единиц, образованные метонимическим переносом от названий транспортных средств, в случае низкой степени терминологизации могли употребляться в форме местного падежа с определенным (по месту) значением [РГ 2: 452; § 2734]. Ср.: *яви^л курченин Юя Ивано^в Софоно^в дворник Нечаева на шти подвода^х рыба щуки и плот^{ва}* (КТК 1628/29, л. 35об.).

На наш взгляд, может быть выделена также и группа контекстов, в которых слово *телега* имеет относительно более высокую степень терминологизации, чем народные счетные единицы. Это такие контексты, в которых отсутствуют пояснения с указанием соответствий в других единицах измерения. Высокая частотность в рамках Великолукских таможенных книг позволяет предположить и объем меры относительно постоянный и известный таможенному чиновнику и проверяющему, и высокую степень терминологизации слова. Интересно, что в этом случае слово использовалось обычно не в ме-

стном, а в винительном или родительном падежах, ср.: *Взято на луцком стрельце на Василье Костине с трех телег рыб по продаже с трех рублей пять алтын* (ВлТК 1670/71, л. 303). Экстралингвистические данные позволяют, несмотря на колебания цен, вызванные разновидностями рыбы, говорить о примерном равенстве мер *воз* и *телега* (соответственно цена в среднем – 1,3 и 1,09 рубля).²

В памятниках встречаются также названия единиц измерения рыбы, образованные от наименований различных видов мешков метонимическим переносом по модели 'вместилище' → 'мера' (слова *куль* и *рогоза*). Примечательно, что эти слова в значении 'наименования мер объема рыбы' часто встречаются в сочетании с названием промысловой рыбы *снеток*.³ Можно предположить, что их употребление связано с рыболовной промысловой терминологией. Ср.: *взято на луцком пушкоре на Овдакиме Пучковском с четырех кулев снетков по продаже з дву рублей три алтына две денге* (ВлТК 1670/71, л. 289 об.); *взято на луцком стрельце на Говриле Велесуцком со шти рогоз снетков по продаже с трех рублей з дватцати алтын шесть алтын* (ВлТК 1670/71, л. 303 об.). Ср. также: *но^егородеч Ива^н Меле^нтыѡвъ // о^тмери^а во Пскове снету сухово з Куземки / Полосухина сто пятьдесятъ шесть / осмако^е ... з иетки Степанова / вешняку два куля* (ПТКРТ 1670/71, лл. 534 об.-535).

Метрологическое значение словарями отмечается только у слова *куль* – 'емкость, тара и мера сыпучих тел, имевшая разное весовое содержание применительно к разным видам товара' [СлРЯ XI-XVII вв. 8: 116; СлПЛ XV-XVII вв. 2: 141-142; ПОС 16: 353]. У слов *рогоза* и *рогожа* словарями фиксируется только значение 'рогожный куль' [СлРЯ XI-XVII вв. 22: 178; СлПП XVI-XVIII вв. 5: 42]. Но среди примеров, приводимых в СлРЯ XI-XVII вв., есть такие, в которых слова *рогоза* и *рогожа* явно употребляются в значении 'единица измерения'. Ср.: *ку-*

плена рогожа снетков четвертная (Кн. прих.-расх. Волокол. м. 6, 91об. 1588 г.); куплено 13 рогозъ снетков сухих (Кн. прих.-расх. Волокол. м. 2, 199об. 1574 г.) [СЛРЯ XI-XVII вв. 22: 178]. Из приводившегося контекста в Великолукских таможенных книгах для слова *рогоза* также можно определить значение 'рогожный куль как торговая мера сыпучих тел' (по аналогии со словом *куль*).

Примеры из исторической картотеки ПОС позволяют вычислить объем *куля* снетков. Ср.: куплено четыре куля снетов мѣрою сорок восим четвериков (Кн. Прих.-расх. Пск. Печ. м., л. 64, 1674/75). Таким образом, объем одного *куля* равнялся 12 *четверикам*. Экстралингвистические данные Великолукских таможенных книг дают другое соотношение: 1 *куль* = 4 *четверика*. Объем меры *куль*, следовательно, не был постоянным и жестко фиксированным, что подчеркивает народный характер метрологической единицы. Привлечение сведений о средних ценах на *куль* и *рогозу* снетков (0,6 рубля для *рогозы* и 0,545 рубля для *куля*), по данным Великолукских таможенных книг, дает возможность утверждать примерное равенство этих мер.

Рассмотренные некоторые закономерности в области старорусских метрологических наименований, несомненно, требуют специального углубленного исследования.

Примечания

¹ Аналогичные примеры отмечены и в псковских памятниках. Ср.: ведро – взято на луцком ямщике на Григорье Лекореве з дватцати с одного ведра и с полуведра вина (ВЛТК 1670/71, л. 255 об.); ушат – в мукосечни котелъ мѣною в шесть ушато* (Кн. пер. Пск. Печ. м. 1652, л. 201 об.).

² Сравнение проводилось на материале полной выборки контекстов из Великолукской таможенной книги 1670/71 г.

³ Необходимо добавить, что мерами *куль* и *рогоза* изме-

рялись и другие сыпучие тела: толокна три куля с полукулемь – Кн. зап. Моск. ст. II, 484. 1649 г. [СлРЯ XI-XVII вв.8: 116]; а повезеть... рогожу соли или пошевъ соли, и имъ у нихъ имати со всего того по полудензе – Арх. Стр. I, 95. 1497 г. [СлРЯ XI-XVII вв. 22: 178].

Источники

Псковские источники:

ВЛТК 1670/71 – Таможенная книга города Великие Луки 1670/71 гг. (беловой вариант) // Юрасов А.В. Таможенные книги города Великие Луки 1669-1676 гг.– М., 1999. С. 55-96.

ВЛТК 1671/72 черн. – Таможенная книга города Великие Луки 1671/72 г. (черновой вариант) // Юрасов А.В. Таможенные книги города Великие Луки 1669-1676 гг.– М., 1999. С. 159-206.

ВЛТК 1671/72 бел. – Таможенная книга города Великие Луки 1671/72 гг. (беловой вариант) // Юрасов А.В. Таможенные книги города Великие Луки 1669-1676 гг.– М., 1999. С. 99-156.

Кн. пер. пск. Печ. м. 1652 – Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 года // Научно-практический, историко-краеведческий журнал Псков. №№ 4-5, 1996; № 6, 1997; № 8, 1998; №№ 10-11, 1999; №№ 14-15, 2001; №№ 16-17, 2002.

КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». (Хранится в МСК имени проф. Б.А. Ларина при СПбГУ и на кафедре русского языка ПГПУ).

ПТК 1670/71 – Приходно-расходная книга псковской таможи 1670/71 г. Древлехранилище ПГОИАХМЗ, ф. 607, он. 65, № 28330/7. Лл. 131-381 об.

ПТКРТ 1670/71 – Таможенная книга Псковской рыбной таможи 1670/71 г. Древлехранилище ПГОИАХМЗ, ф. 607, оп. 65, № 28330/7. Лл. 461-628 об.

ПТК 1749 – Псковская таможенная книга 1749 г. (Отрывки опубликованы в статье: *Мальшева И.А.* Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 2.– М., 2003.– С. 245-250.)

Другие источники для примеров:

ВУТК 1633/34 – Таможенная книга г. Устюг 1633/34 // Таможенные книги Московского государства XVII века / Под ред. *А.И. Яковлева*. Тт. 1-3.– М.-Л., 1951.– С. 11-154.

КСЛОРЯ XVI-XVII вв. – Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (Хранится в МСК имени проф. Б.А. Ларина при СПбГУ). При цитировании названия источников указываются в сокращениях, принятых в КСЛОРЯ XVI-XVII вв.

КТК 1628/29 – Курская таможенная книга за время с ноября 1628 по ноябрь 1629 г. // Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Подгот. *С.И. Котков*. М., 1982.– С. 160-194.

КТК 1646/47 – Курская таможенная книга за время с января 1646 по декабрь 1647 г. // Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Подгот. *С.И. Котков*.– М., 1982.– С. 212-246.

Литература

Быстрыкова О.И. Метрологическая лексика деловых документов Спасо-Прилуцкого монастыря XVI-XVIII вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров.– Вологда, 1984.– С. 101-102.

Быстрыкова О.И. Из истории местных метрологических терминов русского Севера // Лексика и грамматика севернорусских говоров.– Киров, 1986.– С. 110-116.

Быстрыкова О.И. Названия мер жидкостей в русском языке XVII в. (К вопросу о системности в лексике) // Дialeктное

и просторечное слово в диахронии и синхронии.– Вологда, 1987.– С. 10-21.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Тт. I-IV.– М., 2000.

Каменцева Е., Устюгов Н. Русская метрология.– М., 1975.

Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в.– М.-А., 1951.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-18... –А.(СПб.), 1967-2006...

РГ – Русская грамматика. В 2 тт.– М., 1982.

СЛОРЯ XVI-XVII вв. – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Вып. 1-2...– СПб., 2004-2006...

СЛПЛ XV-XVII вв. – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. Вып. 1-2.– М., 2003-2005.

СЛПП XVI-XVIII вв. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. Вып. 1-6.– Пермь, 1993-2001.

СЛРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28...– М., 1975-2008...

СЛРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-16.– А. (СПб), 1984-2006.

Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения.– СПб., 2003.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ИКОНОПИСИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Серьёзное изучение иконописи началось в XX веке, когда культурная общественность открыла для себя древнерусское искусство, и было прервано революцией, а за ней семью десятилетиями атеизма. Пожалуй, только в 90-е годы икона стала объектом лингвистических исследований. Словари иконописных терминов переживают, на наш взгляд, период становления, когда налицо многообразие подходов: в отборе лексических единиц, способе толкования, расположении материала.

Могли ли словари XIX века послужить основой для будущих описаний терминов иконописи? Словари древнерусского языка (труды И. Срезневского, А. Дювернуа) не дают возможности получить полное представление о названной лексике. В церковных лексиконах XIX века, составленных священниками (А. Маловым, В. Михайловским, Г. Дьяченко), уделено должное внимание иконе, но лишь одной её стороне – сакральной. Авторы рассматривают икону исключительно как предмет культа.

Вероятно, первым, кто открыл другое направление в лексикографическом описании лексики иконописи, был В.И. Даль. Он поместил в словарь ремесленные термины: «В торговле иконы бывают: *по величине*: полномерные, маломерки, десятерик, девятерик, осьмерик, листоушки (1–4 вершка); *по работе*: живописные, цветные, чеканные, подстаринные, красные, подризные, подуборные, подфолежные; *по числу ликов*: одиночка или розница; людница; в четвертях (клетках); трерядница (три полосы) и пр. [Даль II: 40].

Любопытно, что эти же названия с подробным толкованием значений мы можем найти в книге И. Голышева (1865), посвящённой слободе Мстёре [Голышев: 97–103]. Иконописный промысел в посёлке возник в XVII веке, и им занималось всё мужское население. Скорее всего, В. Даль именно из этой книги заимствовал названия икон (они воспроизводятся слово в слово). В первом издании Словаря этих наименований нет [Даль 1865, II: 661]. Во втором издании, «исправленном и значительно умноженном по рукописи автора», они появляются [Даль 1881, II: 38].

Очевидно, в исследовании И. Голышева мы наблюдаем лишь верхушку айсберга – массива богатейшей лексики русских центров иконописания, большей частью утраченного. Слишком узок был круг профессионалов, общающихся на своём языке, и слишком жёсткими были рамки, установленные для нормативных церковных словарей.

Традиции церковных нормативных словарей в целом придерживается автор современного «Словаря изографа» – известный специалист по реставрации русской темперной живописи В. Филатов. Вынесенное в заглавие устаревшее ныне наименование иконописца – «изограф» – уже говорит о стремлении автора придерживаться религиозных канонов.

Для человека, изучающего технику иконописи, этот труд может стать главным пособием. Словарные статьи носят энциклопедический характер и снабжены рисунками. Автор даёт толкование ключевых понятий православия: **агнец**, **ад**, **альфа и омега**, **апостол** и т.д. и в рамках словарной статьи упоминает иконописные сюжеты, связанные с этими понятиями.

Способ подачи материала приводит к тому, что остаются «за кадром» любые отступления от канона. К примеру, автор трактует слово **венец** как ‘часть оклада, украшение вокруг головы на месте изображения нимба на иконе’, а **венчик**

только как 'ленту на лбу усопшего христианина'. Но слово **венчик** употреблялось и как синоним слова «венец»: «*вѣнчик образной серебрян с финифтом золочен*» [Книга приходо-расходная Спасо-Прилуцкого монастыря, 1630 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 31, л. 71 об. – 72]. Есть составное наименование **аналойная икона**, но отсутствует «неправильное», хотя и распространённое выражение «налойная икона».

В словарь включены и собственно ремесленные термины: **голубец** (краска), **карасик**, **ласточка**, **шип** (разные деревянные планки), **движки** (светлые штрихи), **краснушка** (икона-примитив), **подокладница** (икона, на которой нарисованы только головы, руки и ноги) и другие, но, как и все лексемы словаря, они даются без примеров.

Историку языка будет особо интересен словарь Н. Замятиной «Терминология русской иконописи». Он содержит богатейший материал. Возможно, здесь впервые была поставлена цель наиболее полно охватить всю лексику, имеющую отношение к иконописи. Но, хотя в аннотации сказано, что перед нами «первый опыт строго научного лексикографического описания специальной лексики русских иконописцев», думается, этой работе не хватает как раз строгости лингвистического словаря.

Дефиниции нередко представляют собой цитаты из различных руководств по технике иконописи, и для внимательного читателя многое остаётся непонятным. Например, составное наименование **вап чистый** толкуется таким образом: «*Хорошо промытый (отмученный) вапъ*» [Замятина: 36]. Глаголы «мучить» и «отмучить» в словаре отсутствуют. В примере на слово **горбылёк** [Замятина: 52] появляется выражение «подфолежные иконы» (речь идёт об иконах, покрытых фольгой). Само слово «подфолежный» не удостоивается отдельной статьи. Не раз в толковании упоминается «дикий» оттенок. Автор каждый раз берёт его в кавычки, но не выносит в заго-

ловок отдельной статьи. В то же время составитель считает необходимым включить в словарь статьи типа «**Дуть**. Согреть дыханием высохший клейкий состав [Замятина: 59]; **Добрый**. Хорошего качества [Замятина: 58]; **Запас**. Набор материалов [Замятина: 63]. Определение слова **свет** вообще начинается с цитаты из П. Флоренского: «Замечательный термин».

Н. Замятина строит некоторые статьи по принципу энциклопедического словаря. К примеру, определение понятия **вохра** скорее представляет собой заметку, включающую даже сведения о том, что это одна их красок, найденных во время раскопок в Киеве [Замятина: 40].

Остаётся только сожалеть, что некоторые статьи просто оставлены без примеров, без фактического материала.

Иные задачи стояли перед авторами Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв., где терминология иконописи соответствующего периода и ареала – лишь часть описываемой лексики.

Автор этих строк является одним из составителей словаря. Обратим внимание лишь на один существенный момент, а именно принцип поиска слов в словаре.

Возьмём один пример. Как «расписать для словаря» такой отрывок: *Да над тѣмъ же образомъ три образы осмилистовые: образ Спасовъ, да образъ Николы чудотворца плечные, да образъ Иванна Предтечи поясной обложенъ серебромъ* [Оп. Усп. с., нач. XVII в., 304]?

Если оставить за скобками имена собственные – Спас, Иван Предтеча, перед нами потенциальный материал для словаря: **образ, осмилистовой, плечной, поясной**.

Путь первый – разнести по разным словарным статьям, как в Словаре русского языка XI–XVII вв. Путь второй – признать сочетания слов **образ осмилистовой, образ плечной, образ поясной** составными наименованиями и поместить их в словарной статье на слово **образ**. У такого подхода есть

плюсы и минусы. К плюсам можно отнести то, что читателю, интересующемуся иконами, достаточно прочесть несколько словарных статей (**икона, образ, деисус** и др.), а не весь словарь. Составные наименования систематизируются по признакам номинации (практически тот же подход, что и у В. Даля).

В Словаре промысловой лексики пошли этому пути. Статья на слово **образ** занимает 6 страниц (**икона** – 2,5). В рамках словарной статьи чётко выделяются группы наименований по признакам номинации: по основе, на которой выполнено изображение, по способу оформления фона, по размеру (сюда попал **образ осмилистовой**), по объёму изображений фигуры святого (**образ плечной, поясной**), по месту в иконостасе и т.д.

Термины создавались по определённым правилам, которые проявляются именно в том случае, когда составные наименования собраны вместе. Какой виделась икона человеку старорусской эпохи, какие признаки считались существенными, а какие нет, – выяснению этих вопросов способствует именно такое расположение материала.

С другой стороны, очевидна и спорность такого подхода. В словаре отражён период формирования терминологии, поэтому в статью попадает и часто воспроизводимое словосочетание **образ поясной**, и фразовое наименование в номинативной функции: **образ писан на кипарисной доскѣ**.

Новыми публикациями исторических документов («подлинников», технических руководств) позволяют расширить базу словарей иконописи, точнее определить значения слов, снабдить статьи примерами. Как представляется, создание исторического словаря терминов иконописи – задача будущего.

Литература

Гольишев И. А. Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда: История ее древности, статистика и этнография. – Владимир, 1865.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М., 1978–1982.

Дьячвнко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М., 1993.

Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1894.

Замятина Н. А. Терминология русской иконописи. – 2-е изд. – М., 2000. – 272 с.

Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. – М.; Л., 1937.

Малов А. Краткий священный словарь. – СПб., 1835.

Михайловский В. Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов. – СПб, 1866.

Оп. Усп. с., нач. XVII в – Опись Московского Успенского собора, составленная в начале XVII века // Русская историческая библиотека. – СПб., 1876. – Т. 3. – С. 295–372.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. – Выпуск 1. А–И. – СПб., 2003. – Выпуск 2. К–О. – СПб., 2005.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2006.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – Т. 1–3. Репринтное издание. – М., 1989.

Филатов В. В. Словарь изографа. – М., 1997. – 277 с.

Ю.И. Чайкина

(Вологда)

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИМЕНОВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ г. ВОЛОГДЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ СТОЛЕТИЯ (XVII ВЕК)*

Исследование ведется на материале дозорной, а также двух переписных книг г. Вологды середины XVII в. и начала XVIII в.¹

Начнем с самого раннего источника.

В Дозорной книге 1616-1617 гг. приводятся именованя горожан, проживавших в разных сороках (сорок – район города). В статье рассматриваются имена жителей следующих сороков – Федоровского, Кирилловского, Козленского, Богословского, Никольского, Васильевского, Леонтьевского, Мирносицкого, Дмитриевского, а также сорока Владычной слободы и Широкой улицы.

Всего в данных сороках насчитывается 370 именованй жителей, причем все они, за редким исключением, двучленные.

Рассмотрим вначале первый компонент именования. Из 370 имен 250 являются календарными личными именами (67%), 127 выражены некалендарными внутрисемейными именами (33%); подчеркнем, что прозвищные некалендарные имена в составе первого компонента отсутствуют вовсе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

Календарные имена, как и внутрисемейные, выступают в форме модификатов. Среди календарных имен самым активным является именование *Ивашко*. Ср., например: *Ивашко Сапожник* – 33, *Ивашко Глазунов* – 335, *Ивашко Драница* – 336, *Ивашко Обалта* – 336, *Ивашко Мичюра* – 334, *Ивашко Жужгин* – 336, *Ивашко Козулин* – 343, *Ивашко Росторгуй* – 343, *Ивашко Галибин* – 340, *Ивашко Фарутин* – 313, *Ивашко Белорук* – 352 и мн. др.

Чаще других употребляются такие календарные модификаты, как *Гришка* (*Гришка Скулябин* – 334, *Гришка Корела* – 336, *Гришка Батошков* – 339 и др.), *Михалко* (*Михалко Онушкин* 341, *Михалко Холщевник* – 354 и др.), *Фетка* (*Фетка Суворов* 352, *Фетка Сухорук* – 349 и др.), *Васко*, *Гаврилко* и др. К редким календарным именам в Дозорной книге относятся *Исак Ворошилов* – 336, *Абрамко Зобенкин* – 341, *Юда Савельев* – 359, *Олумпейко Пономарев* – 348 и др.

Обратимся к некалендарным внутрисемейным именам, являющимся первым компонентом именованья вологжан. Самой многочисленной является группа имен, отражающих порядок рождения ребенка (*Первушка Крысин* – 346, *Вторунка Наумов* – 358, *Тренка Зеленщик* – 352, *Пятунка Мурзин* – 341, *Шастунка Изюм* – 330, *Семейко Дияков* – 339, *Девятко Павлов* – 335, *Десятко* – 337 и мн. др.). Значительны также группы имен, вскрывающих отношение родителей к появлению ребенка (*Богдашко Киров* – 335, *Жданко Горбунов* – 342, *Нечайко Извощик* – 338, *Дружинка Овчинник* – 338, *Томилко портной мастер* – 342, *Поздейка Холщевник* – 350 и др.), указывающих на внешний вид ребенка, его характер и поведение (*Худяк Холщевник* – 346, *Тонкушка Веселой* – 382, *Суханко Замошник* – 350, *Грязка Овчинник* – 338, *Рычко мясник* 330, *Безсонко сапожник* 352, *Суетка хлебник* 352, *Ушак сторож* – 349 и др.).

По степени активности выделяется пять имен : 1) *Богдашко* (18), 2) *Семейка* (15), 3) *Тренка* (13), 4) *Первушка* (10), 5) *Жданко* (8):

1) *Богдашко* Киров – 335, *Богдашко* Первова сын – 334, *Богдашка* Захарин – 335, *Богдашко* Попов – 340, *Богдашко* Кудреватой – 334, *Богдашко* Тютя – 347, *Богдашко* Мыльник – 349, *Богдашко* Гагара – 349, *Богдашко* Коковин – 352 и др.;

2) *Семейка* Коробов – 330, *Семейка* Тишин – 340 и др.;

3) *Третьяк* Сарафанов – 336, *Тренка* Овчинник – 349 и др.;

4) *Первушка* Мережник – 338, *Первушка* Лукин – 341, *Первушка* Духоня – 349 и др.

В чем причины наличия в качестве первого (главного) компонента не только календарных, но и некалендарных внутрисемейных имен? Почему отсутствуют прозвищные имена? Наличие некоторых календарных имен вполне объяснимо: это имя давалось ребенку при крещении священником, причем все эти имена неславянского происхождения, внутренняя форма их была непонятна славянам (*Иван*, *Михаил*, *Петр* и др.). Наличие некалендарных внутрисемейных имен в качестве первого компонента объясняется, на наш взгляд, двумя причинами: а) имя дается самыми главными людьми для новорожденного – родителями; б) далеко не все внутрисемейные имена выступают в качестве первого компонента именования. Выделяем две группы внутрисемейных имен: а) имена, нейтральные по семантике, главным образом это именования ребенка по порядку рождения (*Первушка*, *Вторушка*, *Треня*, *Пятунка* и др.); б) имена, вызывающие положительные эмоции (*Богдашка* < *Богом дан*, *Баженко*, *Жданко*, *Дружинка*, *Любимко*, *Нечайко*, *Тороканко* и др.). Отсутствие в составе первого компонента прозвищных некалендарных имен легко объяснимо, поскольку они в большинстве случаев вызывают отрицательные эмоции.

Таким образом, в традициях вологодской писцовой школы в начале XVII в. за первым компонентом именования закрепляются календарные и некоторые некалендарные имена.

Некалендарные прозвищные имена также отмечены в составе ряда именований, но они являются вторым компонентом – прозвищем. Ср., например, Богдашко *Тютя* – 347, Богдашко *Привал* – 347, Богдашка *Гогара* – 349, Первушка *Мора* – 347, Ивашко *Росторгуй* – 347, Якунка *Лом* – 347, Якушко *Долгой* – 347 и др. Как правило, прозвище выражается одним словом, как исключения встречаются прозвищасловосочетания: Левка *Широкая Подпояска* – 354, Семейка *Неполные четвертки* – 357 и др. Чаще всего прозвища характеризуют именуемого по особенностям внешнего вида, характера и поведения: Федка *Сухорук* – 328, Олешка *Косой* – 351, Ивашко *Белорук* – 352, Якушко *Долгой* – 347, Баженко *Кудреватой* – 339, Терешка *Быструня* – 341, Климка *Маленькой* – 356, Ивашко *Глушок* – 379, Ивашко *Тужилка* – 351, Ивашко *Драница* – 336 и др.

Помимо прозвищ (их 53), в качестве второго компонента именования могли выступать патронимы, восходящие к календарным личным именам (их 77), патронимы, восходящие к некалендарным личным именам (их 114), а также названия профессий (68).

Начнем с самой значительной группы – патронимов, восходящих к некалендарным личным именам: большинство их образовано от некалендарных прозвищных имен типа *Первой Сарафанов* – 336, *Гришка Скулябин* – 358, *Терешка Кочютин* – 330, *Дениско Кошечев* – 339, *Тимошка Сычугов* – 331, *Семейка Зобенкин* – 349, *Первушка Крысин* – 346, *Ивашко Новоселов* – 353 и др. Как видно, в более ранний период первый компонент именования (речь идет об именах отцов) мог быть выражен не только внутрисемейным, но и прозвищным некалендарным именем (*Сарафан*, *Скуляба*, *Кошей* и др.). Вместе с

тем отмечаем в качестве второго компонента прозвищные имена, образованные от названий профессий отца: *Нечайко Извоищиков* – 334, *Семейка Дьяконов* – 339, *Васка Пономарев* – 348 и др.

Патронимы от календарных имен во всех без исключения случаях образованы от полных форм имени отца: *Пятунка Тарасов* – 321, *Богдашко Захарын* – 335, *Пронка Семенов* – 339, *Богдашко Онтипин* – 348, *Демка Иванов* – 348 и др.

И наконец, у ряда именований второй компонент восходит к названиям профессий: *Поздейка Холицевник* – 350, *Семка Кузнец* – 350, *Микитка Плотник* – 346, *Савка Ратник* – 348, *Еремка Харчевник* – 335, *Суханко Замошник* – 350 и др.

Среди сотен двучленных именований выделяется всего с десяток трехчленных. Например: *Алексей Иванов с. Дияков* – 334, *Оверка Микитин с. Дедкина* – 332, *Ивашка Матфеев с. Фуников* – 340, *Богдашка Первова с. Пологузин* – 335, *Олешка Мартынов с. Драницын* – 339 и др.

В двух случаях третий компонент является названием профессии: *Офонка Осипов с. Серебреник* – 338, *Тараско Ермолин с. Солоденик* – 334.

В ряде случаев в составе именований выделяется уже фамильные прозвания, объединяющие братьев: *Борис да Козьма Фроловы дети Меншикова* – 344, *Дружинка да Посничко Стодкины* – 344, *Богдан да Пятой да Гаврило Самохваловы* – 343, *Жданка да Демка Костоусовы* – 346, *Первушка да Пашка Васильевы* – 312, *Дружинка да Шумилка Семеновы дети Трясогорова* – 335, *Тимофей да Василь Досадины* – 345.

По данным деловой письменности середины XVII в., в Переписной книге г. Вологды 1646 г. – часть улицы Рошенье с переулками – отмечено 146 именований, в составе их первый компонент выражен календарным личным именем – 125 (86%), некалендарным – 21 (14%), что свидетельствует о значительном снижении активности некалендарных имен. Среди

некалендарных некоторую активность сохраняют имена, характеризующие именуемого по порядку рождения (*Вторушка* – 24, *Шестунка* Ортемьев – 23, *Пятунка* Ступин – 26, *Тренка* – 21, *Первушка* Семенов – 26, *Десятка* Потапов – 22), свидетельствующие об отношении родителей к ребенку (*Дружинка* Яковлев – 23, *Жданко* Исаков – 27, *Баженко* Семенов с. Мякишев – 24). Самым активным именем продолжает оставаться *Богдашко* (*Богдашко* Ильин – 26, *Богдашко* Кузмин – 24, *Богдашко* Ортемьев – 24). Следует отметить также редкие для первой половины XVII в. имена, такие, как *Замятенка* Овдокимов – 23, *Неведалка* Васильев – 23 и др.

Среди календарных самыми активными остаются *Ивашко* (16 употреблений), а также *Карпунка*, *Мишка*, *Гришка* и некоторые другие. Среди редких имен, отмеченных единожды, *Феоктистка* – 23, *Фифилка* Гришин – 24, *Василиск* – 24, *Евстифейко* – 25.

В большинстве случаев именованья горожан двучленные. Методом сплошной выборки отмечено 134 именованья, из них 104 двучленные, 30 – трехчленные, т. е. трехчленные составляют четвертую часть именованний (стр. 22-24).

Рассмотрим вначале второй компонент двучленных именованний. В редких случаях второй компонент является прозвищем именуемого (*Ивашко Таскан* – 25, *Ивашко Мелкий* – 27 и др.), повсеместно второй компонент – патроним, образованный от календарного имени отца (*Феоктистка Васильев* – 23, *Сенка Мартынов* – 23, *Ермолка Галактионов* – 23, *Панка Ефимов* – 23, *Матюшка Лукьянов* – 23 и мн. др.). Отмечены единичные примеры, где патроним образован от некалендарного имени отца (бобыли *Самсонко* да *Исачко Девятовы* – 24).

Что касается трехчленных именованний, то второй элемент их – патроним, образованный от календарного имени отца, а третий – фамильное прозвание, восходящее к именованию отца или деда именуемого (*Васка Оникиев с. Карнавина* – 23,

Якимко Семенов с. *Городчиков* – 24, Макарка Игнатъев с. *Шумилов* – 24, бобыль Игнашка Микитин с. *Вострухин* – 25 и мн. др.).

Изредка третий компонент является родовым прозвищем: Якунка Тимофеев *Щука* – 23, Ортюшка Семенов с. *Гнус* – 23, Ивашко Фомин *Бедка* – 27, Харка Дементьев с. *Костоус* – 27, Евтаф Симонов *Розслабленово* – 25.

Отмечено также использование в качестве третьего компонента название профессии: Ульянко Кузьмин с. *Иконник* – 23, Ивашко Иванов с. *Серебреник* – 23, Ивашко Федоров с. *Портной мастер* – 23, Онешка Иванов с. *Лапотник* – 24 и др.

Обратимся к материалам Переписной книги г. Вологда 1711-1712 гг. (начало XVIII). Анализу подвергаются 100 имений жителей на улице Рощенье с переулками. Все именованья в данном источнике трехкомпонентные, как исключение отметим всего два двучленных именованья: *Гаврило Комаров* – 37, *Никифор Хлебников* – 28. Двухкомпонентными являются названия духовных лиц: пономарь *Илья Иванов* – 34, староста церкви *Андрей Шапкин* – 34, дьякон *Иван Антипин* – 34, певчий *Тимофей Варфоломеев* – 32 и др.

Первый компонент именованний представлен только календарным именем в полной форме (*Иван* Васильев с. Неподставов – 37, *Василей* Осипов с. Мошонкин – 32, *Михайло* Дементьев с. Колчин – 34 и др.).

Самым активным именем остается *Иван* (20 имен из 100), активными в тот период являются имена *Михайло* (6), *Федор* (5), *Андрей* (5) и др.; редкими, употребленными единожды – *Борис*, *Емельян*, *Спиридон*, *Фирс*.

Во всех трехчленных именованьях второй компонент является патронимом, образованным от календарного имени отца (*Андрей Михайлов* с. Жукова, *Матвей Филиппов* с. Колчин – 33 и др.).

Третий компонент последовательно образуется от некалендарного имени или прозвища отца или деда: Иван Васильев *Неподставов* – 37, Иван Сергеев сын *Обуховский* – 37, Данила Евсеев с. *Носков* – 38, Терентей Иванов с. *Корольков* – 38, Алексей Иван с. *Глушков* (65 из 100 именований).

Третий компонент активно образуется от названия профессии отца или деда: Офонасей Осипов с. *Пшенишников* – 37, Иван Денисов с. *Хлебников* – 37, Афонасей Дмитриев с. *Солодеников* – 37, Петр Михайлов сын *Квасников* – 31, Михайло Данилов с. *Свешников* – 36 и др. (25 из 100 именований).

По всей вероятности, материал писцовой книги начала XVIII в. свидетельствует уже о формировании фамилий. Особенно убедительны следующие примеры: Иван, Никула, Алексей Степановы дети *Плотниковы* – 27, Андрей да Михайла Конановы *Митрополовы* – 35 и др.

Подводя некоторые итоги, отметим, что наиболее существенные изменения в системе именовании вологжан произошли во второй половине XVII в. – начале XVIII в. В этот период отмечено полное исчезновение в составе первого компонента некалендарных внутрисемейных и прозвищных имен, которые не исчезли бесследно, а легли в основу формирования последнего компонентов трехчленной модели именования, поскольку именно в этот период происходит переход к трехчленной формуле именования горожан. Именно в этот период формируются фамилии. Неслучайно, что в основе современных севернорусских фамилий лежат обычно старые прозвищные или внутрисемейные имена, а не календарные, как в центральных и других районах Русского государства.

Таким образом, именования вологжан во второй половине XVII в. – начале XVIII в. по структуре и способам выражения компонентов приблизились к современным. Все эти процессы определяются складыванием русской нации, усилением объединительных тенденций, идущих из центра Московской Руси.

Примечания

¹Дозорная книга г. Вологды 1616-1617 гг. Составлена П. Б. Волконским и подьячим Л. Софоновым // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994; Переписная книга г. Вологды 1646 г. // Писцовые и переписные книги г. Вологды XVII – начала XVIII вв. Т.1. М., 2008; Переписная книга г. Вологды 1711-1712 гг. // Писцовые и переписные книги г. Вологды XVII – начала XVIII вв. Т.2. М., 2008.

Н.В. Комлева

(Вологда)

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ФАМИЛИЙ*

Учитывая социальный характер русских фамилий, С.И. Зинин выделил пять периодов в истории их образования, характерных для центральной части России: 1) в XIV – XVI вв. появляются княжеские и боярские фамилии; 2) в XVI – XVII вв. – дворянские и купеческие; 3) в XVII – XVIII вв. – фамильные прозвания в среде городских мещан и зажиточных крестьян; 4) в XVIII – XIX вв. – в среде русского духовенства; 5) в XIX в. – фамилии у оставшейся части крестьянства, слуг и солдат [Зинин 1969:229]. В работах других исследователей его периодизация неоднократно подвергалась значительной корректировке с учетом узколокальных особенностей процесса образования русских фамилий. Разноречивые мнения высказывались относительно времени формирования фамилий го-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

родского населения, но особенно по поводу крестьянских фамилий. Совершенно очевидно, что процесс образования русских фамилий носил разновременный характер не только применительно к различным сословиям, но и в отношении различных регионов Российского государства.

Определяющую роль в образовании фамилий того или иного сословия в конкретное историческое время играет такой экстралингвистический фактор, как социально-экономические особенности развития изучаемого региона.

В XVI – начале XVII вв. Вологодский край – один из наиболее развитых в экономическом отношении районов и играет значительную роль в жизни страны. Сухоно-Двинской водный путь является важнейшей торговой артерией страны, проходит он из Архангельска в Москву через Устюг, Тотьму и Вологду. Вологда служит перевалочным пунктом всех грузопотоков, местопребыванием многих европейских и русских торговых фирм. Кроме того, реки Вологда и Тошня являлись путями для «внутреннего», земледельческого освоения региона.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что к середине XVII века повсеместно сформировались дворянские фамилии, т.к. к этому времени «дворянство господствовало уже экономически и политически» [Никонов 1974:168]. В вологодских деловых документах второй половины XVII в. 83 % именованных людей *высшего служилого сословия* построены по трехкомпонентной модели, включающей в свой состав уже сформировавшиеся фамилии.

В начале XVII века служилые люди щедро наделялись вотчинами и поместьями за «верную службу». Среди землевладельцев Вологодского уезда – князья, стольники, думные советники, окольничьи и другие представители верхнего слоя феодалов. По писцовой книге Заозерской половины Вологодского уезда 1627-1630 гг. только за помещиками Плещеевыми – Леонтей Степановъ сынъ *Плещеевъ* (ПОВу, 1630, № 1, 3) – в

разных волостях числилось около 2 тыс. крестьян и бобылей обоего пола [Крестьянство Европейского Севера... 1984:175]. За стольниками Иваном и Василием Бутурлиными – Иванъ *Бутурлин* (ПОВу, 1630, № 1, 170), Василей Кирилов сынъ *Бутурлин* да сынъ ево Степан (Пам., 1625, С-1, № 9, 158); а также за братьями Головиными – Иванъ Никитинъ сынъ *Головин* (ПОВу, 1630, № 7, 175) – было около 3 тыс. крестьян обоего пола.

Среди вотчинников и помещиков упоминаемые в документах князя Б.И. Бабичев, И.П. Вадбальский, Ю.Г. Вяземский, Д.Г. Гагарин, П.Н. Звенигородский, И.И. Лобанов-Ростовский, князя Мосальские, Черкасские, Мезенские, Ухтомские, Хилковы и др.

Многие ученые приходят к выводу о более раннем становлении фамилий у северных крестьян и горожан, чем во всей средней полосе России: см. работы В.А. Никонова [1974], Ю.И. Чайкиной [1982], С.Н. Смольникова [2000] и др.

Ю.И. Чайкина на основе изучения топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв. пришла к выводу о том, что ареал трехкомпонентных фамильных именований *крестьян* охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Северной Двины: Устюжский, Двинской, Усольский уезды, а также Устьяновские волости [Чайкина 1982: 53]. Тотемские памятники, напротив, свидетельствуют о том, что «только в редких случаях фамильные именования крестьян в XVII в. передавались от поколения к поколению» [Чайкина 1982: 52].

С.Н. Смольников, изучая фамилии устюжан в памятниках деловой письменности XVII века, установил, что «в документах далеко не всегда, но достаточно часто в именованиях представителей трех поколений одной семьи можно обнаружить устойчивые фамилии» [Смольников 2000: 276]. Кроме

того, процесс закрепления фамилии в качестве самостоятельного компонента в официальном именовании на территории Верхнего Подвинья имел свою специфику: «Сравнение именований горожан и крестьян показывает, что крестьяне в это время более последовательно называются фамилией, нежели горожане» [Смольников 2000: 285].

Вологодский уезд является самым северным из районов России, где преобладало поместно-вотчинное землевладение. Далее к северу располагались уезды, населенные в основном государственными крестьянами, тогда как фактически все черные волости Вологодского уезда (кроме него, еще Устюжно-Железопольского и Белозерского) к 30-м годам XVII века были поглощены помещичьими и монастырскими владениями [Данилова 1984:162]. Ср. данные, приводимые П.А. Колесниковым, по соотношению различных категорий земель и крестьян (по данным дворового числа в %) за первую половину XVII века: Вологодский уезд в 1628-30 гг. имеет 19,9 % монастырских и церковных земель, 80,1 % – частновладельческих, черносошные земли отсутствуют; соседний Тотемский уезд в 1623-25 гг. составляют 96,0 % черносошных земель и 4,0 % монастырских, отсутствуют частные владения. Черносошные земли преобладают также в Устюжском и Сольвычегодском уездах, Устьянские волости на период 1645 года полностью охвачены черносошным землевладением [Колесников 1976: 41].

В Вологодском уезде на 1678 год проживало 122, 8 тыс. крестьян мужского пола, из них помещичьих крестьян – 95,5 тыс.; крестьян, принадлежащих духовенству – 26,4 тыс.; дворцовых – 0,9 тыс.; государственные крестьяне отсутствуют [Водарский 1977: 173].

Крестьяне Вологодского уезда обрабатывали полные наделы и платили с них полные оклады поземельного тягла. Фамильные прозвания у вологодских крепостных крестьян

встречаются крайне редко в документах конца XVI – XVII вв. Появление официального статуса у крестьянских фамильных прозваний наблюдается в документах частно-делового характера. В этом случае именование крестьянина употребляется без упоминания имени помещика, его владельца, и поэтому для точной идентификации личности человека становится необходимым использование антропонимических средств, имеющих большую различительную силу, нежели личное имя и отчество: Ивашко Поликарпов с. *Ключарев* (Пам., 1629, ГАВО, ф. 1260; оп. 10; № 50); Осташко Ивановъ с. *Чебунинъ* (Челоб., 1629, С-1, № 18, 270).

Ср. именованія крестьян в переписной книге Устюжского уезда второй половины XVII в., где последовательно фиксируется третий компонент модели именованія: «Дер. Заозерье на рѣчкѣ Уфтыгѣ, а въ ней крестьянъ: во дв. Матюшко Лукьяновъ *Трапезниковъ*, у него половникъ Амелка Степановъ *Корняковъ*» (ПКУу, 1676 – 83, л. 665); «Дер. Сысоевская на рѣчкѣ Ракулькѣ: во дв. Титко, Стенка, Ивашко Савельевы *Трапезниковыхъ*, у нихъ подворникъ Аазарко Ивановъ *Калининыхъ*» (ПКУу, 1677, л. 317).

В Кубенской трети Вологодского уезда располагались крупные архиерейские вотчины Досифея епископа Ростовского и Ярославского, Павла епископа Вологодского и Белозерского. После них шли владения монастырей: Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Спасо-Каменного, Корнильево-Комельского, Сямского, Песошного.

Спасо-Прилуцкий монастырь уже в XVI веке становится одним из самых богатых и известных монастырей на Севере России. Ему принадлежали 12 вотчин в Вологодском и Московском уездах, кроме того, монастырь имел соляные варницы, мукомольные мельницы, рыбные ловли и монастырские подворья в Вологде и Москве [Соколов 1977: 39].

В вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в XVII веке было две категории тяглого населения – крестьяне и пашенные бо- были. Кроме них монастырскую пашню обрабатывали *мона- стырские детеныши* – монастырские работники, нанятые под поручительство и получавшие обычно годовичную заработную плату. Зависимость «детеныша» от монастыря прекращалась по выполнении срочного обязательства, если «детеныш» ухо- дил из монастыря до срока, то тогда он или его поручитель должны были выплатить монастырю известную сумму денег [Греков 1954: 54].

В моделях именования монастырских детенышей как ме- нее закрепощенной части крестьянства нередко встречаются фамильные прозвания, ср.: «бежали детеныши крестьянские дѣти живущие в монастыре поблизости и работающие найму казенного ... Аничка Григорьев сынъ Зиновьевской *мухинъ*, Ивашко Оедоровъ с. Прозвание *раковъ*» (КПВу, I, 1678, 396).

Крепостные крестьяне длительное время находились в значительно более тяжелых условиях жизни и труда, нежели крестьяне свободные. Между тем историки утверждают, что «общественное сознание черносошного крестьянства оказало заметное воздействие на проживающих в регионе монастыр- ских, дворцовых и частновладельческих крестьян» [Камкин 1987: 47]. Изучение антропонимической системы двух проти- вопоставленных друг другу крестьянских миров с опорой на экстралингвистические факторы ее развития могло бы стать немаловажным этапом на пути к познанию менталитета рус- ского крестьянства в целом.

В науке существуют разные мнения по поводу того, в ка- кой период возникают фамилии *городского населения* Русско- го государства. В.К. Чичагов считал, что процесс образования фамилий закончился к началу XVIII в. [Чичагов 1959:124]. С.И. Зинин пришел к выводу о том, что основная масса насе- ления, проживавшего в городе, в XVIII в. еще не имела фами-

лий и писалась по имени и отчеству [Зинин 1969:80]. В.А. Никонов допускал возможность возникновения фамилий горожан в быту, которые, «не признаваемые официально, ... сменялись и исчезали также стихийно, как и возникали», в связи с этим документы представляют собой «пеструю» картину, в них «можно встретить фамилии у горожан в XVII в. и бесфамильных горожан в середине XIX в.» [Никонов 1974:170].

С середины XVI и до конца XVIII века город Вологда располагался по обоим берегам реки Вологды на протяжении пяти километров. Он состоял из кремля и трех посадов: Верхнего, Нижнего и Заречного. К городу примыкали дворцовые села: Фрязиново (принадлежавшее великим московским боярам Борису и Глебу Ивановичам Морозовым), Турундаево (принадлежавшее московскому боярину Василию Ивановичу Стрешневу), Кобылино, Сорочнево.

Численность населения г. Вологды по переписи 1678 г. равнялась 4102 человекам [Водарский 1970: 257].

Основную массу городского населения составляли *посадские тяглые* люди, т.е. люди, несущие тягло (платящие различные налоги).

По данным вологодских памятников деловой письменности именования горожан, построенные по трехкомпонентной модели, в первой половине XVII в. составляли 5,92 % от всех других отмеченных моделей именования, во второй половине XVII в. их доля равнялась уже 39,58 %. Кроме того, многие двучленные модели именования включают в себя фамильные прозвания, ср.: Корнилко *Сверчков* (ПКВ, 1629, 26) и Корнилко Офонасьев с. *Сверчков* (ПКВ, 1629, 107); Микитка *Тушин* (ДКВ, 1616-1617, 362) и Микитка Семеновъ с. *Тушин* (ПКВ, 1629, 176).

Некоторые фамильные прозвания вологжан фиксируются на страницах писцовых и переписных книг с начала XVII и до первой половины XVIII в. Учитывая, что «могут считаться род-

ственниками люди, жившие в XVII и начале XVIII вв. в одном районе города и имевшие одинаковый последний компонент именования» [Попова 2002:122], приведем несколько примеров фамильных прозваний вологжан, отмеченных переписчиками в первой половине XVII в., во второй половине XVII в. и в начале XVIII в.:

Ул. Богородская: Гришка *Бобошин* (ПКВ, 1629, 173) – Ивашка Федоровъ с. *Бобошинъ* (КПВ, 1678, 168) – Иван Семенов *Бобошин* (ПКВ, 1711, 133 об.-134)*.

Заречье: Ивашка *Козулин* (ПКВ, 1629, 183) – Якушко Оедоровъ с. *Козулинъ* (КПВ, 1678, 259) – Иван и Борис Яковлевы дети *Козулины* (ПКВ, 1711, 162); Пятунка *Плюгин* (ПКВ, 1629, 178) – Ивашко Пандиловъ с. *Плюгинъ* (КПВ, 1678, 225) – Андрей Гаврилов *Плюгин* (ПКВ, 1711, 169).

Верхний Дол: Петрушка *Тебенков* (ПКВ, 1629, 175) – Серешка Оалеевъ с. *Тебенковъ* (КПВ, 1678, 181) – Елфим Алексеев *Тебенков* (ПКВ, 1711, 142 об.).

Вологодские посадские люди по своему имущественному положению в терминологии того времени подразделялись на *лучших*, *средних*, *молодых* и *худых* людей, а также на *бобылей* и *нищих*. Ср.: в. Пятой Самойлов, лутчий (ДКВ, 1616-1617, 345); в. Будаико Иванов, молотчен (ДКВ, 1616-1617, 337); Д. пусть Михалка Мосеева въ дл. 8 с., ... Михалко ходить по міру (ПКВ, 1629, 108); М. дворовое пусто нищеву старца Тихонка Микитина (ПКВ, 1629, 170); Д. бобыля Ларки иконника Кривошеи ... (ПКВ, 1629, 157). Фамильные прозвания чаще отмечаются в моделях именования *лучших* и *средних*

* Данные по переписной книге г. Вологды XVIII в. (Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 года // ГАВО, ф. 652, оп. 1, № 37) приводятся из диссертации И.Н. Поповой [2002].

жителей посада, ср.: «Д. лутчих посацких людей Мишки да Алешки Ивановых детей *Лупариных*» (КПВ, 1678, 174).

Средствами жизни у посадских людей были ремесло и мелкая торговля. Город славился своими мастерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, иконописцами. Профессии передавались из поколения в поколение, появлялись потомственные мастера, ремесленники. На страницах Писцовой книги Вологды 1629 года и Переписной книги 1678 года содержится множество указаний на род занятий посадских людей. Ср.: Д. тяглой *сапожника* Терешки Семенова сына Быструни, да *пирожника* Нестерка Гаврилова, да *масленика* Гришки Ерохова ... (ПКВ, 1629, 177); Д. тяглой *рыбниковъ* Якушки да Тренки Федоровыхъ дѣтей Воробьевыхъ (ПКВ, 1629, 182); Д. вологодского *каменищика* Андрюшки Аверкиева сына Бабушкина (КПВ, 1678, 97 об.) и др.

В XVII в. в Вологде идет сложный процесс становления профессионально-должностных семей, функционировавших в среде ремесленников и торговцев: Захарко Васильевъ с. *прядильщикъ* (ПКВ, 1629, 114) и Куземка Потаповъ с. *Прядильщиков* (ПКВ, 1629, 183); Патрекейка *квасник*, бобыль (ПКВ, 1629, 107) и Захарко Патрекѣевъ с. *Квасников* (КПВ, 1678, 287).

Первую категорию посадских людей составляли *купцы*: гости и члены гостиной и суконной сотен. *Гостями* назывались крупные оптовые торговцы, ведущие дела с другими городами и даже с другими странами. Отмечается, что у купцов фамилии начали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших (Строгановы) [Никонов 1974:169].

В Вологде XVII в. купеческое сословие было достаточно многочисленным. Писцовая и переписная книги г. Вологды в большом количестве фиксируют дворы московских гостей и иностранцев. Ср.: «Отъ рѣчки Золотухи по берегу, внизъ рѣки Вологды. Д. Московскихъ гостей Ивана да Василья Юдиныхъ

въ дл. 60 с., ...Д. Московскихъ гостей Меньшого да Семена да Бахтеяра Булгаковыхъ въ дл. 56 саж.» (ПКВ, 1629, 118); «Д. нѣмецкихъ гостей Марка Маркова сына Девогеларда да Юрья Иванова сына Клинкина» (ПКВ, 1629, 121); «Д. московского торгового иноземца Ивана Иванова сына Веднера» (КПВ, 1678, 58 об.); «Д. галанские земли иноземца Андрѣя Микулаева сына Петелѣса» (КПВ, 1678, 49 об.).

Немало купцов было и среди коренных вологжан.

Гаврила Мартынович *Фетиев* – «Гаврилко Мартьяновъ сын *Фетиевъ*» (КПВ, 1678, 57), носивший звание «торгового гостя», был одним из самых богатых горожан и вел обширную торговлю со странами запада и востока. О величине состояния Фетиева можно судить по описи имущества в его завещании: «кафтанъ подъ оберью осиновою...опушенъ собольи хвосты съ запанами червчатая да алмазныя... шапка съ соболемъ вершокъ бархатный вишневый петли троинныя жемчужныя, ...шапка съ соболемъ вершокъ суконный дикогвоздичной петли двойныя жемчужныя съ городами» (Завещ. Фетиева 1684 – ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 88, л. 7 об.).

Кроме Фетиева, в Вологде были купцы рангом ниже – члены *гостиной* и *суконной* сотен, торговавшие кожей, салом, мехом, солью, железом.

Известны целые династии крупных вологодских купцов XVII века: Алачугины, Верещагины, Гладышевы, Велавинские, Глазуновы, Желвунцовы, Сычуговы и др. Ср.: Пол.-л. п. ч. Лазарка *Алачугина* (ПКВ, 1629, 38); Двѣ лавки п. ч. Лазарька *Алачугина*, по лицу въ сапожной рядъ 5 сажень съ третью (ПКВ, 1629, 35); Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ, 1629, 178); Д. гостиной сотни Микифора Константинова сына *Парвеньева* (КПВ, 1678, 280 об.).

В Вологодском уезде достаточно рано стала развиваться рыночная торговля и сформировалась прослойка людей, профессионально занимающихся торговлей. Данные по первой

четверти XVII века свидетельствуют о развитой крестьянской торговле и заметном дворовладении в городе. Под торговыми или торгующими крестьянами в законодательных памятниках XVI-XVII вв. подразумевались крестьяне, торговля для которых являлась главным занятием и источником дохода [Гуслистова 2009:159]. В основном торговые крестьяне покупали соль, причем крупными партиями, по всей видимости, для дальнейшей засолки рыбы. Также крестьяне торговали салом, прутovým железом, пенькой, зерном. Наиболее зажиточные крестьяне – братья Казаковы, Игнатий Белавинский, Дружина Григорьев, Петр Лихачев, Первой Михайлов: «Села Фрязинова Петр Лихачев явил на 2 санех ... 5 клубов светилen» (ТКВ 1633-1634, 380); «Села Бруснишново Первой Михайлов явил в проезд 6 бочек питья ренсково» (ТКВ 1634-1635, 614).

Большинство лиц купеческого сословия, зафиксированные в вологодских писцовых документах, имеют сформировавшиеся фамильные прозвания. Таким образом, определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именовании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого.

И.А. Королева высказала предположение об изначальном существовании антропонимов, выполняющих функции фамилий: «Бытовали неофициальные фамилии, которые не имели обязательной наследственной передачи, не всегда строго оформлялись грамматически, но тем не менее выполняли фамильные функции» [Королева 2000:19].

О возможности существования семейных, а быть может, и наследственных «неофициальных фамилий» в живой речи Белозерья в конце XVII – начале XVIII вв. говорит и Т.В. Бахвалова, ссылаясь на памятники неофициальной письменности (отписные книги личного имущества), для которых типичны именованья типа: Давыдко Дмитриевъ прозвище *Киселевъ*, Назарко Павлов прозвище *Молочковы* [Бахвалова 1970:161].

Действительно, велика вероятность существования в «неофициальном» антропонимиконе крестьян или посадских людей антропонимов, по своей функции приближающихся к фамильным прозваниям. Но говорить о процессе формирования официальной антропонимической категории *фамильное прозвание* или *фамилия* можно только с опорой на письменные документы делового стиля.

Литература

Бахвалова Т.В. К вопросу о происхождении фамилий в Белозерье (Личные имена крестьян в памятниках письменности во второй половине XVII – начале XVIII вв.) // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. – Череповец, 1970. – С. 157 – 162.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М.: Наука, 1977. – 265 с.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. – Кн. 2. – М., 1954. – 468 с.

Гуслистова А. Купечество Вологодского уезда в XVII-XIX веках // Мой родной Вологодский район. К 80-летию Вологодского муниципального района Вологодской области. Сб. / Вологда: 2009. – С. 158-165.

Данилова Л.В., Е.И. Индова, П.А. Колесников и др. История северного крестьянства: в 4-х т. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. – Архангельск, 1984. – 432 с.

Зинин С.И. Русская антропонимия XVII – XVIII веков (на материале переписных книг городов). – Ташкент. – Дис. канд. филол. наук, 1969.

Камкин А.В. Эволюция общественного сознания северного крестьянства в позднефеодальную эпоху: итоги и перспекти-

вы исследования // Октябрь и северное крестьянство: Агро-промышленный комплекс на современном этапе; Европейский Север как памятник отечественной и мировой культуры / Тез. докл. и сообщ. к научно-практич. конф. – Вологда, 16 – 17 октября 1987 г. – Вологда, 1987. – С. 46 – 49.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. – Вологда, 1976. – 416 с.

Королева И.А. Становление русской антропонимической системы // Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2000.

Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974. – 278 с.

Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник. – Дис. канд. филол. наук. – Вологда, 2002. – 19 с.

Смольников С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века // Великий Устюг: Краеведч. альманах. – Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 271 – 292.

Соколов В. Вологда: История возникновения, застройки и благоустройства. – Архангельск, 1977. – 159 с. Соколов 1977 : 39

Чайкина Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв.) // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1982. – С. 48 – 56.

Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV – XVII вв.). – М., 1959. – 128 с.

Сокращения

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова. 1616-1617 г. (Публикация Ю.С. Ва-

сильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах.- Вып. I. – Вологда: Русь, 1994.

КПВ, 1678 – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу, I – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

Пам. – память

ПКВ 1629 – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.

ПКУу, 1676 – 83, л. 665 – Переписная книга Устюжского уезда 1677-78 гг. – РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15047.

ПМКВУ – Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1 – 259.

ПОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроградъ, 1918.

С-I – Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. I, – С-Петербург, 1906.

САСК(К) – Кольчев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1927.

ТКВ – Таможенная книга Вологды 1634-1635 гг. – М., 1983.

Челоб. – Челобитная.

СОСТАВ ИМЕНОВАНИЙ В ПАМЯТНИКАХ ТОТЕМСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.

При описании тотемской антропонимии конца XVI – начала XVII вв. мы обращались к памятникам письменности разных типов: документам массовой переписи, памятникам таможенного делопроизводства, монастырской хозяйственной документации. Среди них – Писцовая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом 1623-1625 гг. (ПКТ), Таможенная книга Тотьмы 1627 г. (ТКТ), Хозяйственные книги тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1581-1600 гг. (ВХК I, ВХК II).

Как известно, язык деловых документов того времени был неоднороден, требования к содержанию и структуре официального именования варьировались в зависимости от характера деловой письменности (официальный / менее официальный) и назначения документа (для московских приказов/ для внутреннего пользования). Стилистические особенности отдельных жанров документов (одни тяготели к разговорному языку, другие соответствовали нормам официально-деловой речи Московского государства) определяли необходимый компонентный состав именования для того или иного типа документа.

Адресатом писцовых книг был московский Поместный Приказ, что требовало особой тщательности и соблюдения соответствующих языковых норм от их составителей. В отношении антропонимии это означало стремление к унификации системы именований, исключению однокомпонентных антропонимов и снижению числа некалендарных имен. В тотемской Писцовой книге 1623-25 гг. односоставные именования встречаются крайне редко (0,82 %) и называют только опре-

деленные группы лиц (близких родственников (родных братьев и детей), например). Стандартной для писцовой книги (как, впрочем, и для целого ряда документов того времени) является двухкомпонентная формула именования (личное имя + патроним). Среди антропонимов, выявленных в описании тотемского уезда, ею выражено 47,3 % единиц. К ним примыкает также группа онимов с т. н. «сложным» патронимом: *худой человек Дорофейко Кирилов с. Ворошилова* [ПКТ, 78], *середние люди Михейка да Микитка Сергеевы д. Илина Момота* [ПКТ, 5] и др. Они составляют 7,3 % всех имен. В ряде случаев (например, *дворище Окологородней волости крестьянина Куземки Русинова с. Фирсова* [ПКТ, 43об]) мы не можем сказать, является ли третий компонент частью патронима или самостоятельным членом именования. Подобная омонимичность возникает тогда, когда антропоним входит в состав посессивной конструкции (предмет владения (И. П.) + имя владельца (Р. П.)), охватывающих 0,5 % имен в нашем источнике.

В целом порядка 55% антропонимов в Писцовой книге состоят из личного имени и патронима. Но даже для тех онимов, которые имеют «полноценный» трехкомпонентный состав, в тексте документа находятся двусоставные дублиеты. 6 % имен имеют два (реже три) варианта: *Фторышка Булгаков* [ПКТ, 76об] и *молотчей человек площадной дьячок Фторышка Степанов с. Булгаков* [ПКТ, 73об]; *лавка Ивашка Потемы* [ПКТ, 2об] и *середней человек Иванко Сидоров с. Потема* [ПКТ, 78] и др. Как правило, в тексте книги первым упоминается более полный вариант имени, как более приемлемый, т. е. официальный.

О различении составителями документа строго официального / менее официального способов именования лица свидетельствует достаточное системное появление онимов того или иного компонентного состава в тексте книги. Так, порядка 55% двухкомпонентных именований появляются в качестве

имен бывших владельцев дворов, т. е. в качестве сведений, потерявших былую актуальность (менее важных), как для составителя, так и для адресата документа. Например, *в. лутчей человек Ефтифейка Иванов с. Брудачев соловар, что бывал Жданка да Грязки Тырыгиных двора, а после Второво Каплина* [ПТК, 51об]. Еще 6 % двучленных именовании – имена бобылей. Для именовании бобылей и бывших владельцев дворов (хотя и в силу разных причин) не требовалось точной идентификации лица: и те, и другие не представляли для государства такого интереса (бобыли по причине льготного положения в качестве налогоплательщиков), как основная масса податного населения.

Говоря о трехкомпонентных именовании, нельзя не отметить, как велика (31,4 % – в описании посада, 20 % (в среднем) – в описании волостей) их доля среди антропонимов в тексте писцовой книги Тотмы 20-х годов. *В. средней человек Максимко Кипрянов с. Кубасов, <...> двор его стоит изстари по конец посаду, на посадкуой тяглоу земле з братом его двуродным с Ыванком Кубасовым об одну изгородь. И порука по Максимке в том вся та, что ему всякие государевы подати платить с посадскими людьми в ряд <...>. А порука по Максимке – Петр Герасимов с. Брагин, Дружина Первого с. Кубасов, Еремей Тихонов с. Глызин, Алексей Олексеев с. Добрышин, Фома Васильев с. Овдокимов, Селиван Овдотьев с. Чекалев, Соли Тотемские посадские люди; Максим Иванов с. Литвинов, Кирило Третьяков с. Двойнишников, Окологородней волости крестьяне* [ПКТ, 41об., 42об.-43].

Для сравнения, в Вологодском уезде в тот же исторический период этот коэффициент был равен 5,65 % [Комлева 2004: 167]. На наш взгляд, раннему появлению фамильных прозваний на территории города Тотмы мог способствовать ярко выраженный промысловый, торговый характер поселения, особенно развитие соляных промыслов (зародились в XIV

или XV веке), которые были семейным делом, передававшимся из поколения в поколение, из рода в род. Что касается уезда в целом, то, как известно, крестьянство Тотьмы было в основном государственным, а не помещичьим, что и отразилось на структуре именования (более сложной, распространенной, требующей третьего компонента для более точной идентификации лица).

А если вернуться к жанровой дифференциации документов, показательным будет то, что в таможенной книге Тотьмы первой половины XVII века 3-компонентные структуры охватывают не более 3 % именований. Это приводит к мысли о том, что именно писцовые книги (шире документы массовой переписи) способствовали внедрению трехкомпонентных антропонимических формул в деловую письменность, еще до того как они были официально закреплены указами в середине XVII века.

Обратимся к книге Тотемской таможи 1627 г. Здесь доминируют двусоставные именования (85 %). Принципы употребления антропонимов в таможенной книге несколько отличаются от тех, что мы могли наблюдать в предыдущем источнике. Для данного документа регулярно использование при антропониме апеллятива. (В писцовой книге мы тоже можем наблюдать такое явление, однако не всегда и не везде; как правило, только в именовании жителей посада, живших более активной торговой, хозяйственной жизнью, чем волостные крестьяне). Причем, в таможенной книге апеллятив, указывающий на место жительства, профессию, социальное положение, посессионные характеристики именуемого, всегда стоит перед именем собственным (что подтверждает его значимость): *московского немчика Еремея Пантелеева прикащик Ондрей Ондреев* [14]; *носники Иван Щетинин, Дмитрий Мазаное* [л. 24]; *таможенный целовалник Корел Еримиев* [л. 41]; *Галанские земли иноземец Давыд Микулаев* [172 об.]; сын бо-

ярсукый Лука Шарапов; Окологородный крестьянин Ермола Иванов продал тое ж волости Кондратью Иванову [л.415об]; сольвыгодские старец Онтоней, старец Олександр [л.49]; Старые Тотмы поп Костыл [406 об.]; вологжанин Ермола Третьяков с. Меринов [л.15].

Важнейшим и самым частотным было указание на местность, откуда был родом проезжающий. Именно оно имело первостепенное значение для установления размера пошлины и было обязательной характеристикой лица, вне зависимости от структуры именования (1-, 2- или 3- компонентное), которое оно дополняло.

В тотемских писцовой и таможенной книгах 20-х годов однокомпонентные имена называют близких родственников именуемых, священнослужителей (что было традиционно) или употребляются как вариант более полного имени при неоднократном его повторении внутри статьи документа (клаузулы). *Пустошь Фряниха <...> а пашет ту пустошь Никольской поп Самсон да дрвни Терентиевской Гришка Огафонов <...> а как им лготные лета отойдут и попу Самсону и Гришке указано в мирской лготнай <...> и поп Самсон и Гришка Огафоноф да ни на новую поруку [ПКТ, 907-907об]*.

Иную функцию выполняют однокомпонентные именования в книгах соляного тотемского промысла Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVI в. Здесь они доминируют и составляют половину именника. Личного имени, реже прозвища, было достаточно для идентификации лица в хозяйственных книгах внутреннего пользования монастыря [Смольников 2005: 101]. Заметна такая тенденция: однокомпонентное именование часто называет работников монастыря, солеваров, монастырских слуг: *бадейщик Томила [ВХК I, 89], казачок Утка [ВХК I, 24], малой поворок Серга [ВХК II, 230], плотник Исаак [ВХК I, 90], наняли Митрофана лодью одолбити [ВХК I, 43], месник Дрягал [ВХК II, 226] , казак Новичок*

[ВХК I, 24] , *Андрей слуга* [ВХК I, 19] . В 87 % процентах случаев при личном имени есть указание на профессию или род занятий именуемого, это дополнение компенсирует отсутствие регулярного второго состава у данных антропонимов. Такую же функцию выполняет катойконим или топоним при личном имени: *чюхлоцм Бесону с товарищи* [ВХК II, 224] , *шуянину Мине* [ВХК II, 223] , *у Семена с Нижние Еденьги* [ВХК II, 232] , *у слуги Вахромья на Тотъме* [ВХК II, 32].

Многокомпонентные антропонимы, как правило, служат для именования лиц, с которыми монастырь имел какие-то экономические отношения, но отношения внешнего характера: *борана несли к наместнику несли к Василью Непчицыну* [ВХК I, 31]; *взяли долгу на Первуше Шимрине рубль* [ВХК II, 224]; *наняли Зуя Потанина бадей делати трубных* [ВХК II, 227]; *куплено дров у Михаила Скоборына* [ВХК II, 230]. Своеобразие тотемского промысла заключалось в том, что у монастыря не было штата постоянных работников и поэтому устройство цренов и варниц приходилось сдавать в работу посадским кузнецам и другим работникам [Гейман 1958: 79-80].

Хозяйственно-экономический характер книг тотемского соляного промысла определил некоторые особенности именования лица: с помощью определенной антропонимической формулы писцы могли маркировать работников, своих и наемных, и, как правило, антропоним дополнялся апеллятивом, который указывал на занятие именуемого или вид исполняемых им работ, составляющих статью расходов монастыря.

Тем не менее систематизировать употребление односоставных / многосоставных именований в последнем источнике не всегда представляется возможным. *Купили дров <...> с Нижнего починка у Васьки, <...> у Первого Федорова с. Каплина, <...> Печенгские волости у Никиты, <...> у Нестройка, <...> у Ларьки, <...> у Митроши, <...> у Первуши у Никитина, <...> у Меньши у Созонова, <...> у Матфея у Долгово да у Ти-*

моши <...> [ВХК, 232-233]. Очевидно, антропонимы в тексте записаны составителем документа достаточно беспорядочно. Полуофициальный характер памятника определил отсутствие конкретных антропонимических норм, четкого формуляра, смешение элементов официально-делового и разговорного стилей.

В целом особенности антропонимии каждого памятника могут рассматриваться как проявление его жанрово-стилистической специфики. Хотя колебания стиля в памятниках старорусской деловой письменности были довольно незначительны, они проявлялись на всех уровнях языка, в том числе лексическом, антропонимическом. Это вело к закреплению определенных антропонимических формул (и некоторых других особенностей антропонимической системы) за определенным документным жанром.

Сравнивая антропонимию наших источников, мы можем говорить о том, что если принципы именования лица в таможенной и хозяйственных книгах подразумевали использование как антропонимических, так и вспомогательных апеллятивных средств, то в писцовой книге именование уже начинало принимать те очертания, которые станут впоследствии для него нормой – трехчленная структура и оформление фамилии.

Литература

Гейман В. Г. Материалы по истории русской соляной промышленности (Тотемский соляной промысел 1622-1625 гг.) // Труды ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Т. 5, Л., 1958. – С. 71-104.

Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2004.

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Северной Руси XVI-XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб., 2005.

Источники

ВХК I – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 гг. I. – М.; Л., 1979.

ВХК II – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 гг. II. – М.; Л., 1979.

ПКТ – Писцовая и межевая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1623-1625 гг. – РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. №480.

ТКТ – Таможенная книга города Тотьмы 1627 года. – РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. № 2.

СЛОВА СЛУДА, СЛУДКА В ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ТОПОНИМИИ*

В центральной части города Перми с 1849 г. находится Свято-Троицкая церковь, являющаяся в настоящее время кафедральным собором. Однако в живой речи жителей она обычно называется Слудской церковью, причем люди, не связанные с религией, даже не знают ее официального именования. Вместе с тем подавляющее большинство современных горожан, как правило, не может объяснить происхождение определения Слудская. Был проведен опрос более 200 человек разного возраста и различных профессий (от профессоров и инженеров до уборщиц), и оказалось, что лишь несколько опрошенных могли связать его с названием горы Слудка. И это, несмотря на то, что в справочной литературе есть указание на место расположения этой церкви – Слудка или Слудская гора [Спешилова 1999: 505], что на многих сайтах в Интернете, например, на сайте «Вид на Эспланаду с горы Слудка» [Вид] есть упоминание об этой пермской горе, что о ней пишут в научно-популярных статьях, ср.: «...поднявшись от грохочущих трамвайных путей по круто уходящей вверх улице Осинской, мы стоим на высоком камском берегу. Это гора Слудка. Справа виден автодорожный мост и подальше – стройные ла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № РНП 2.1.3.3440 и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 08-04-82408 а/У «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края»

зоровые объемы Свято-Троицкого кафедрального собора» [Абашев 2002: 11]. Но и название горы практически мало известно современным жителям Перми, в своей речи они используют другие ориентиры (названия улиц, остановки транспорта). Более того, отдельные лица, все-таки знающие название горы, не могут объяснить, как оно появилось, а некоторые полагают, что ее именуют по церкви.

Как же и почему возникло определение Слудская? Какова его основа? Что дает его исследование лексикологии и ономастике?

В основе слова *слудский* лежит географический апеллятив *слуда*, изучению которого в разных аспектах посвящено немало страниц в работах лингвистов и географов.

В словарях литературного языка слово *слуда* фиксируется как областное в значении 'высокий гористый берег реки' [ССРЛЯ 13: 1268] или не отмечается совсем. Однако оно встречается в художественной литературе, ср.: у П.И. Мельникова-Печерского «...высокая зеленая *слуда* [здесь и далее в цитатах выделение курсивом исследуемых слов наше. – Е. П.] нагорного берега, отражаясь в прибрежных струях, кажется нескончаемой, ровно смоль черною полосой» [НКРЯ: 126], «*Слуда* – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки» [ССРЛЯ 13: 1268] или у М. М. Пришвина «Высокий берег северной реки иногда называется *слудой*» [там же]. Словом *слуда* пользуются в географической литературе, о чем свидетельствует, например, словарь Э. М. Мурзаева [Мурзаев: 509], в котором ему посвящена большая статья, где представлены разные значения народных географических терминов *слуда* и *слудка* и образованные от них топонимы, существующие на различной территории. Здесь рассматриваются также одно-коренные к апеллятиву *слуда* слова *слуд*, *наслуд*, *подслуд*.

Большой материал по поводу слова *слуда* и территории его распространения отмечается в «Словаре русских народных

говоров» [СРНГ 38: 306-307]. В нем фиксируются омонимы *слуда*, представленные тремя семантическими группами: 1) названиями чего-либо прозрачного, гладкого скользкого (слюды, стекала, тонкого слоя льда, гололедицы) в говорах новгородских, архангельских, вологодских, пермских; 2) географическими апеллятивами в разных значениях на широкой севернорусской территории – в говорах архангельских, вологодских, беломорских, вятских, ярославских, петербургских; настоящее исследование пополняет эту группу пермским словом *слуда*; 3) названием кушанья – ‘густо приготовленное кушанье из кваса и толокна’ в вятских говорах. Кроме того, словарь содержит ряд однокоренных слов. Среди них омонимы *слудка* двух семантических групп: 1) названия слюды и оконного стекла в архангельских, заонежских, карельских говорах и 2) географические термины в архангельских, вологодских, вятских, пермских и удмуртских говорах. С корнем *слуд-* образованы также другие названия слюды и стекла: *слуденка* (онежский фольклор), *слудинка* и *слудья* (олонецкое), *слудочка* (беломорский фольклор), а также прилагательные *слуденой*, *слуденый*, *слудний*, *слудяной* ‘слюдяной’.

Эти данные дополняются сведениями из региональных диалектных словарей. Так, в новгородских говорах зафиксированы слова *слуд* ‘крутой берег реки’ и *слуда* в разных значениях: 1) спрессовавшийся светлый слой песка, 2) крутой берег из известняка, 3) штабель сложенного леса, 4) стопа блинов [Новг. сл. 10: 91]. В современных вологодских говорах употребляются слова *слуда* и *слудка*. Первое отмечается с семантикой ‘высокий, обрывистый каменистый берег реки’ и ‘пористый камень красного цвета, используемый для полировки, чистки чего-либо’; второе – в значении ‘возвышенное место, горка’ [СВГ 10: 52].

Слова *слуда* и *слудка* зафиксированы и в сибирских словарях, но для рассмотрения вопросов их происхождения и

функционирования в Пермском крае имеют значение данные русских европейских говоров, поэтому сибирские материалы в настоящей статье не приводятся.

Исторические данные свидетельствуют о появлении в севернорусских памятниках письменности слова *слуда* в XV в. с семантикой 'высокое место, гора; скала, утес' ('А к тому селу... пожна от оврашка до *слуды*', двинская грамота) [здесь и ниже СЛРЯ XI-XVII вв. 25: 119], а также об употреблении его далее, в XVI в. («Повелением великого князя... заложиша град на Немецком рубеже на Норове, на Девичии горе, на *слуде*, четверуголен, и нарече ему имя Иванъградъ»). Зафиксировано и образованное от него прилагательное *слудный* 'скалистый, утесистый' («Взыди на верх горы *слудныя*»). В текстах церковно-книжного типа языка с XII-XIII вв. употреблялись слова *слудва* («...в *слудвы* въбегнет и врьжет себе с высоты») и *слудвений* («метины на *слудвеных* живуща горахъ»), а также *слудба* («Устремися все стадо свиное по *слудбам* в мори»).

Как омонимы XVII в. к географическому апеллятиву *слуда* и прилагательному от него в историческом словаре рассматриваются слова *слуда* в значении 'слюда' («Надобеть на церковное и на городовое строение и на башни гвоздей и железа и на окончины *слуды*»), *слудный* («Одиннатчет окончин *слудных*») и *слудяной* 'сделанный из слюды' («Фонарь *слудяной* у келаря»). Существительное *слудва* 'слюда' составителям СЛРЯ XI-XVII вв. не встретилось, но отмечено прилагательное *слудвений* 'сделанный из слюды' («четыре оконницы *слудвеныя* да две стеколчетыя болшия»).

Таким образом, те две семантические группы слов (географические апеллятивы и названия слюды), которые отмечаются в говорах XX в., имеют многовековую историю. Судя по лексикографическим данным, можно предположить, что более ранними, нежели *слуда*, были слово *слудва* и прилагательное, образованное от него. Однако они фиксируются в

церковных текстах, а их сохранилось значительно большее количество, чем деловых памятников, для которых характерно отражение не только официальной, но и живой речи и употребление в ней слова *слуда*. Так что не исключено, что и последнее было тоже древним, но по разным причинам не попало в древнерусские тексты.

Трудно сказать что-либо о более глубокой истории слова *слуда*.

Этимологи не раз обращались к исследованию его образования как географического названия. Так, М. Фасмер сообщает ряд гипотез различных ученых о происхождении слов *слуда*, *слудка*, в частности пишет об их связи со словами *слюда*, а также *слуд* 'наледь, наст' [Фасмер 3: 677]. П. Я. Черных полагал возможным возводить их к индоевропейской основе *k^hleu-d- (: *k^hlou-d-) 'делать чистым, прозрачным, промывать' [Черных 2: 178]. Слюда – чистый, прозрачный материал, который добывали в горах. Ср. текст XVII в.: «В тех горах среди твердого камня лежат что поясы, зовома *слюда* предивная и чистая, ту *слюду* тамошние жители, на то искуснии, добывают с великим трудом» [СлРЯ XI-XVII вв. 25: 150.]. Гора в результате метонимии могла получить то же название, что и находящийся в ней материал. А далее шло развитие семантики появившегося географического термина. Но если слово *слюда* как название материала и прилагательные от него были известны Московской Руси и затем России, то географический апеллятив формировался и употреблялся на относительно ограниченной, севернорусской территории, являлся диалектным и продолжает оставаться таковым.

О том, что слова *слуда* и *слюда* (а также *слудка* и *слюдка*) как географические термины в прошлом были абсолютными синонимами, свидетельствуют пермские памятники XVII в. Один и тот же объект иногда в них назван обоими словами: «А межа тое деревни Красные Слудки с государственными кре-

стьяны Косвинского погоста что была деревня Винигорт на реке Косве вверх ис-под Кормановы *слуды* а направе против Кормановы *слуды* починка Корманова дворища», 1623 г. [РГАДА, 1278, 46].

Однако слова *слуда* и *слудка* отмечаются в первой четверти XVII в.: «Деревня Пермская на *слудке* на реке на Очере», 1614 г. [РГАДА, 1278, 24], тогда как *слуда* и *слудка* – на протяжении всего века. Их фиксировали в пермских памятниках гораздо чаще, чем термины *слуда* и *слудка*: «Камень ломать под Абрамовым камнем да по Яйве-реке под *слудкою*... под Сергиевым камнем» [Ш 2: 299], «От Патрина городища подле материк и до *слудки* и с сограми что подле кряж» [Ш 2: 297], «Пожня Переволока а межа от конец *слудки* до устья Яйвинского [Ш 2: 298], «Вверх по Кондасу до *слудки* до черного лесу» [Ш 2: 319], «Заложили они... вотчину свою... по Сылве-реке выше Барды-реки от перебору горы Мечина от Каменной *слуды* вверх по Сылве-реке» [Ш 51: 295].

Географический апеллятив *слудка* переходит в топонимы, которые отмечаются в пермских памятниках с XVII в. В переписных актах упоминаются ойконимы: в писцовых книгах 1623 г. – «починок *Слудка* на речке на Усолке» [притоке Яйвы], «починок Коротаев *Слудка* тож на реке на Чусовой», «деревня *Слудка* на реке на Ин(ь)ве», «слободка *Слудка* на реке на Каме», «деревня Пермская *Слудка* тож на реке на Очере», «пуст[ошь] что была деревня *Слудка* на реке на Очере», в переписных книгах 1647 г. – «село *Слудка* на реке на Каме», «деревня Запольская от *Слудки*». В пермских документах отмечаются гидронимы *Слудка* – приток Сылвы [Ш 2: 259] и приток Северного Тылая, впадающего в Косьву [Ш 53: 260]. В ороним перешел географический апеллятив *слуда*: «Нижний конец того луку с наволоком и с истоком до тое ж горы до *Слуды*» [Ш 52: 227].

В Прикамье образуются топонимы-словосочетания, в которых определение характеризует особенности горы, называемой *слудой* или *слудкой*: *Каменная слудка*, *Красная слудка*. Последнее название отмечается в разных районах Пермского края, на берегах различных рек: на Колве – «Пожня вверх по Колве-реке на Ныробской стороне против *Красные слуды*» [ЧМ 2558: 19], на Косье – «А от того починка вниз шесть верст плувучи по Кос(ь)ве-реке на левой стороне *Красная слудка*» [РСС 2 а: 49], на Каме – «Вниз Камою-рекою до *Красной слудки*» [Ш 52: 616]. Глинистые обрывы береговых гор издали кажутся красными.

Источниками географических апеллятивов *слуда* и *слудка* в русских диалектах Пермского края, формирующихся с XIV-XVI вв., послужили говоры Русского Севера, в основном архангельские и вологодские, так как именно их носители осваивали первоначально север края (современные Гаинский, Чердынский, часть Красновишерского и Соликамский районы). Особенно активно проходила стихийная русская крестьянская колонизация Пермского региона в конце XVI – XVII в. В дошедших до нас пермских документах XVI в., например, в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 г., постоянно упоминались переселенцы, но называли их просто *приходцами* без обозначения места, с которого они переселились: «В городе Усолья Камского... Гаврилко *приходец*... Андрюша *приходец*» [Я, 4 об.], «Деревня Нижнее Поле на реке на Яйве... Фомка *приходец*» [Я, 42 об.]. В XVII в. уже обычно указывалось, с какой территории прибыл новый житель.

Это делалось разными способами.

Иногда называлась территория (река или большой населенный пункт), на которой ранее проживал человек: «Бондюжского стана...Ивашка *Вага*» [РСЧ, 4, 36], «Деревня Шайтанова... Калинка Иванов сын *Варзуга*» [КЧ, 65 об.], «Орелгородок... Ивашко Карпов сын *Вологда*» [Е, 95], «В Чердыни...

Афонка Афонасьев сын *Вологжанин*» [КЧ, 48], «Крестьянин деревни Новое сельцо на реке на Сылве Иванко Терентьев сын *Луза*» [К, 179], «В слободе Новое Усолъе... Васка Мокеев сын прозвище *Сия*» [Е, 106]. Ср. названия северных рек Вага, Варзуга, Вологда, Ауза, Сия и города Вологда. Топонимы в этих случаях без всяких изменений становились прозвищами.

Чаще использовались катойконимы, переходившие в индивидуальные прозвища людей по месту их проживания до переселения в Прикамье: «Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын *Белозер*» [Е, 140], «Чердынец Алешка Васильев сын *Важенья*» [РСЧ, 4, 27], «Сельцо Никольское на речке Муловке... Ивашко Васильев сын *Верхолалец*» [К, 121], «В слободе Новое Усолъе... Вориско Елизарьев сын *Вяляженин*» [Е, 106], «В Чусовском Нижнем городке... Павлик Парфенов сын *Вондокурец*» [К, 140], «В Орле-городке... Марчко Мартемьянов сын Вerezин *Вондокурец*» [Е, 107], «В Чердыни... Васка Васильев сын *Вычегжанин*» [КЧ, 49], «В Новом Усолъе... Ивашка Иванов сын Потеряха *Двинянин*» [Е, 87], «В слободе Новое Усолъе... Анашка Иванов сын *Заонежанин*... Ивашко Мартемьянов сын мясник *Каргополец*» [Е, 106], «В Пыскорской монастырской слободке... Васка Давыдов сын *Кокшар*» [К, 187], «В Чердыни... Федотко Микитин сын *Колмогорец*» [КЧ, 47 об.], «Крестьянин деревни выше реки Ус(ь)вы на реке на Чусовой Мосейко Иванов сын Мясников *Лалета*» [Е, 118], «Погост Вильгорт на реке на Колве... Меншичко Степанов сын *Мезенец*» [КЧ, 75 об.], «Деревня Сосновка... Никифор *Мезенья*» [КСАУ, 114], «Деревня Чудское Городище на реке на Усолке... Гаврилко Денисов сын *Моржегорец*» [К, 142], «Починок Коипт... Якушко Федоров сын *Новгородец*» [КЧ, 105 об.], «В слободе Новое Усолъе... Левка Андреев сын Кубасов *Пиняженин*... Самсон Дмитриев сын *Тотьмянин*» [Е, 106], «В Чердыни... Юшка Титов сын *Устюжанин*» [КЧ, 50], «В Новом Усолъе... Мишка Юрьев сын *Южанин*» [Е, 87]. Далее от этих именований образовывали про-

звищные отчества и затем фамилии (Белозеров, Важенин, Верхолальцев и Верхоланцев и т.д.).

В Пермский край переселялись не только жители Русского Севера, прозвища из катойконимов которого показаны выше в отрывках из текстов документов XVII в., новые поселенцы приходили и с других территорий: с Вятки, с Волги, из центральных и даже южных районов России того времени, многим из них были знакомы слова *слуда* и *слудка*. Однако самым ранним и самым массовым было переселение с Русского Севера, где в говорах употреблялись эти слова. Так, слово *слуда* зафиксировано в двинских грамотах XVI в. (см. выше), *slu'da* (правда, без толкования, но с ударением на *и*) – в русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618-1619 гг. [Р.Джемс: 79], составленном по записям речи в Холмогорах [там же, 7]. Ряд топонимов от слова *слуда* отмечается в XVII в. на севере России, ср. название архангельской деревни Белая Слуда или деревни Слуда (ныне Большая Слуда) на территории Республики Коми, которая значится в переписи 1646 г.: «Пустошь что была деревня того ж Зеленца, *Слуда* тож на реке на Вычегде» [Туркин 1986: 105].

В переписной книге 1647 г. Прокопия Елизарова по Великопермским вотчинам Строгановых отмечаются жители Орлогородка на реке Каме, переселившиеся в Прикамье из архангельской Белой Слуды: «В Орлогородке... бобыль Лучка Дмитриев сын Кузнец – *Белослудец* с Двины... бобыль Степанко Игнатьев сын Рогатова, у него дети: Ивашка, да Андрюшка, да Кирилко, у него ж подворник шурин его Ромашко Лукин сын Шибан, у Ромашки сын Петрушка – все Двиняна с *Белыя Слуды*» [Е, 90]. Такие переселенцы, конечно, несли свою лексику и топонимию и переносили ее на местность в Прикамье. Были прибывшие из Белой Слуды и в других районах Прикамья, о чем свидетельствует фамилия Белослудцев, ср.: «Крестьянин села Тазовское Федор *Белослудцов*» [Кун, 162]. Нема-

ло Белослудцевых проживает сейчас в Пермском крае и в городе Перми [ср. Список абонентов, 55].

Указание на то, что все упомянутые в пермских документах XVII в. белослудцы прибыли именно с Двины, вероятно, было необходимо, так как тогда были известны и другие Белые Слуды, например, берег на Печоре, ниже устья реки Цильмы. Оттуда также прибывали жители в Прикамье, о чем свидетельствует фамилия Устьцилемов: «Чердынец Ивашко Устьцилемов» [РСЧ, 4, 70].

Итак, исследуемая лексика и топонимия функционировала в Верхнем Прикамье со времени формирования здесь русских говоров и зафиксирована с начала XVII в.

За прошедшие с той поры четыре столетия в ней произошли некоторые изменения. Так, в записях диалектной речи, сделанных во второй половине XX в., в качестве географического апеллятива отмечается преимущественно слово *слуда*, редко – *слудка*, и совсем отсутствуют географические термины *слюда* и *слюдка*, записанные в Прикамье в XVII в.

Слудой здесь называют высокую гору с крутыми склонами, находящуюся на берегу реки между двумя ее притоками с одной стороны: «Слудку [село на реке Каме] так и зовут, на *слуде* потому что» (деревня Новая Каменка), «По Сылве-речке их, *слуд-то*» (рабочий поселок Сылва), «*Слуда* резко выделяется на местности, возвышенность такая с лесом, я на *слуду* по грибы часто хожу. *Слуда* – крупная гора, далеко видать» (рабочий поселок Ныроби) [СГТ, 353]. Обычно *слуда* резко обрывается крутым берегом к реке, и этот берег в пермских говорах тоже получил название *слуда*: «Крутой каменистый берег реки – *слуда*, не подлезешь, не зацепишься» (село Буб), «Песчаный крутой берег *слуда* называется, лес там растет небольшой» (с. Романово) [СГТ, 353]. В чердынских говорах слово *слуда* отмечено в отличном от других значении – «низкая береговая полоса, заливаемая во время половодья»: «*Слуду-то* топит всё,

только борчик не топит, на бор-от ты с реки заедешь в курью» [деревня Усть-Уролка].

Следует отметить, что географический апеллятив *слуда* весьма редко отмечался в пермских диалектных записях. Он не попал в полный «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», что вполне объяснимо: на Вишере, где расположен Акчим, в ходу другие названия берегов: *камень*, *чурок* 'береговая скала', *степь* 'возвышенность на водоразделе, поросшая глухим, непроходимым лесом'. Нет слова *слуда* (или *слудка*) и в «Словаре пермских говоров», при сборе материала в различных районах края он не попал в поле зрения диалектологов. Однако апеллятив *слуда* не раз встретился при специальном сборе материала для словаря географических терминов [СГТ].

Топонимы, возникшие из нарицательного слова *слуда*, зафиксированы преимущественно в Прикамье в первой половине XX в., ср.: «бывший починок *Слуда* в Сивинском районе» [СНПУО 8: 324], «гора *Городищенская слуда* на правом берегу Язьвы» [Кривошеков: 326], «*Медвежья слуда* – круткое место» [КЧС]. В основном же пермские топонимы образованы от апеллятива *слудка*.

На данный момент карта Пермского края очень изменилась по сравнению со старыми картами, на ней осталось лишь три официальных ойконима от слова *слудка* (*Слудка* – село в Ильинском и деревня в Чернушинском районе, *Красная Слудка* – село в Добрянском районе), тогда как полвека назад существовало 5 населенных пунктов *Слудка*, а также деревни *Слудина*, *Слудино*, *Дворцовая Слудка*, *Красная Слудка* [Пермская область, 1963]. Но и к тому времени уже исчезли некоторые ойконимы, отмечаемые в «Списках населенных мест Пермской губернии» 1908-1909 гг.: село *Краснослудское* на Чусовой [СНМПГ, Перм., 56], починок *Слудский* на реке Уньве

[СНМПГ, Соликам., 39], деревня Красная Слудка на Очере [СНМПГ, Охан., 70].

Вместе с тем в микропонимии обнаруживаются старые названия тянувшегося вдоль реки высокого и крутого берега Слуда или Слудка, по которым были наименованы связанные с ними объекты. Так, именование протянувшейся по левому берегу Березовой (притоку Колвы) более чем на 100 м. Слуды с крутым обрывом высотой до 8 м. мотивировало несколько микропонимов: речки Слудинка – левое притока Березовой (ее устье выше Слуды), урочища Слудинский Луг, на левом берегу Березовой (выше устья Слудинки), переката Слудинский, начинающегося сразу за Слудой [По реке Березовой, 2004, 161].

К сожалению, многие микропонимы постепенно уходят из речи населения и забываются, как это происходит в Перми с апеллятивом *слуда* и микропонимом *Слудка*, использовавшимися в прошлом жителями города. С ними связано название Слудской церкви, о котором мы писали в начале статьи. Этот храм расположен, можно сказать, на классической слуде – горе, тянувшейся по левому берегу Камы на протяжении почти трех километров от устья небольшой речки Медведки (давно убрана в трубу под землей) до устья реки Данилихи. Со стороны Камы склон очень крутой, подняться на гору от реки (или спуститься к ней) можно было только по специально построенным лестницам.

С противоположной от Камы стороны слуды также идет длинный спуск к речке Пермьнке, текущей параллельно Каме (в трубе под землей). Такой спуск с прибрежной горы – тоже признак слуды. По ее верху параллельно Каме проходят три улицы, и ширина ее высокой и ровной части в разных местах – от одного до трех-четырех кварталов. Свято-Троицкая церковь находится по отношению к другим районам Перми высоко, в самой широкой части слуды, от которой и получила

название Слудской. Сама гора же в старой, а иногда и в современной литературе называется Слудкой и реже Слудской горой.

Рассмотрение судьбы слов *слуда* и *слудка*, относительно редких в памятниках письменности и в современных говорах Пермского края, позволяет проследить основные источники формирования русской речи его жителей, особенности развития семантики, связи между географическими апеллятивами и топонимами, уточнить происхождение конкретного топонима, а также обратить внимание диалектологов на поиски во время экспедиций этих слов или их следов в современной диалектной речи.

Литература

Абашев В., Фирсова А. Берегом Камы от дома Люверс...// Филолог: Научно-методический журнал. 2002. № 1.

Источники и сокращения

Вид – Вид на Эспланаду с горы Слудка // <http://www.panoramio.com/photo/9537884>

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623-1624 гг. // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. С. 110-194.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1015. Опись 1.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. Государственный архив Пермского края. Фонд 111. Опись 3. № 374.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623-1624 гг. Рукопись. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 256. Дело 308.

КЧС – Картотека Чердынского словаря. Хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Мурзаев – *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: «Мысль», 1984.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>

Новг. сл. – Новгородский областной словарь. Новгород, 1995. Вып. 10.

По реке Березовой от истока до устья: Туристско-краеведческий путеводитель / Сост. С. В. Котельников, А. А. Чернышов. Пермь: Изд-во «Мобиле», 2004.

РГАДА, 1278 – Фонд Строгановых. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1278. Опись 1. Единицы хранения 24, 46.

РСС – Расписные списки. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 137. Опись «г. Соликамск».

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 137. Опись «г. Чердынь».

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда: Изд-во «Русь». 2005. Вып. 10.

СГТ – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. ун-т. Пермь, 2007.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Перм. ун-т. Пермь, 2003. Вып. 5, Р-С.

Словарь пермских говоров. Пермь: «Книжный мир», 2002. Т. 2, О-Я.

Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. Пермь: Изд-во «Курсив», 1999.

Список абонентов Пермской городской телефонной сети. Квартирные телефоны. Пермь: Изд-во «Звезда», 1980.

СНМПГ, Охан. – Список населенных мест Пермской губернии. Оханский уезд. Пермь, 1909.

СНМПГ, Перм. – Список населенных мест Пермской губернии. Пермский уезд. Пермь, 1908.

СНМПГ, Соликам. – Список населенных мест Пермской губернии. Соликамский уезд. Пермь, 1909.

СНПУО – Список населенных пунктов Уральской области. Т. 8. Пермский округ. Свердловск, 1928.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2004. Вып. 38.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 13.

Туркин – Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1986

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во «Прогресс», 1971. Т. 3.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 2002. Т. 2.

Ш, 2 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 2. Пермь, 1881.

Ш, 5₁ – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1. Пермь, 1885.

Ш, 5₂ – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 2. Пермь, 1887.

Ш, 5₃ – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 3. Пермь, 1889.

МЕСТНАЯ ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МИКРОТОПОНИМИИ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ

Во вводной части своего Словаря Э.М. Мурзаев отмечает различную степень «топонимообразующей активности» разных групп географических терминов (СНГТ, 7). Одной из активно участвующих в топонимообразовании является группа наименований гидрографических объектов. Особенно широко гидрографическая терминология представлена в микротопонимии, которая, как известно, характеризуется богатством и разнообразием своей лексической базы и тесной связью с диалектной лексикой. Массовое отражение гидрографических терминов в микротопонимии позволяет наиболее полно представить данное множество в говорах той или иной местности.

Проследим отражение местной гидрографической терминологии в названиях сенокосных и пахотных угодий на территории Среднего Посухонья.

Наименования, возникшие по соотнесенности с объектами гидрографии, многочисленны в микротопонимии края: *Берег*, сен. (Тотем. Ратчино, Манылово), *Бережок*, сен. (Тотем. Топо-риха), *Мыс*, паш. (Тотем. Рязанка, Зуиха), *Мысы*, сен. (Тотем. Галицкая, Предтеча), *Мысовые*, паш. (Тотем. Федоровская), *Исток*, сен. (Тотем. Исаково), *Устье*, сен. (Тотем. Ратчино), *Стрелки*, паш. (Тотем. Лодыгино), *Стрелочные*, паш. (Тотем. Конушинское), *Островок*, сен. (Тотем. Лесниково) и др.

Большая часть таких названий восходит к диалектной лексике.

Пабережа, сен. (Тотем. Тихониха). В современных тотемских говорах слово *пабережа* записать не удалось, однако оно отмечено в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в.: «сѣна

... на пожне на Детинце и на *пабережахъ* ... пятнатцать копень» (ПКТУ 1623-25, 420). Словарь вологодских говоров фиксирует термин *паберега* с исходным значением 'низкая узкая полоса земли вдоль берега' в смежных с тотемскими кичменгскогородецких и великоустюгских диалектах (СВГ 6, 116). В Словаре В.И. Даля и в Дополнении к Опыту областного великорусского словаря содержится слово *пабережье* с вторичным значением 'пожня, луг, покос на берегу реки' (Д. 2, 5; ДООВС, 171). По данным СРНГ, термины *паберег*, *паберега*, *пабережки*, *пабережье* отмечены в архангельских, кировских, пермских, иркутских диалектах в основном в двух значениях 'берег реки' и 'луг, прилегающий к реке' (СРНГ 25, 107). Связь микропонима с гидрографическим термином подтверждается географической характеристикой именуемого объекта: сенокос *Пабережа* расположен на берегу реки Старой Тотьмы.

Слово славянского происхождения, ср.: *берег* (Ф. 1, 153).

Наволоок, сен. (Тотем. Ярцево), *Наволоки*, сен. (Тотем. Исаево, Тимонинское), *Наволоки*, паш. (Тотем. Рязанка, Купеково), *Наволочные*, паш. (Тотем. Давыдково) и мн. др. – *наволоок*. Первичное значение этого термина – 'низменное поемное место на берегу реки' Новг., Прионеж., Олон., КАССР, Мурман., Арх., Верховаж. Волог., Волог., Вожегод. Волог., Ярен. Волог., Яросл., Костром., Твер., Шадр. Перм., Приоб., Хакас., Краснояр., Иркут. Сиб. Среди вторичных его значений отмечается семема 'заливной луг' с такими же географическими пометами (СРНГ 19, 178-179). В этом значении слово широко распространено в вологодских говорах: Тарн., В-У., Верх., Влгд., Межд., Ник., Нюкс., Сок., Сямж., Тот., Хар. (СВГ 5, 28-29).

Существительное славянского происхождения (Ф. 1, 342).

Бечева, сен. (Тотем. Чешинское), *Бечевы*, сен. (Тотем. Исаево), *Бечевы*, паш., *Бечевка*, сен. (Тотем. Лесниково, Мосеево) – *бечева*, *бичева*. Основное значение термина – 'берег ре-

ки', среди оттенков этого значения отмечаются 'берег реки, занятый лугами или засеянный чем-либо' Пошех., Молог. Яросл., Охан. Перм., 'высокое место между двумя ручьями при впадении их в реку' Волог. (СРНГ 2, 285). Словарь вологодских говоров фиксирует слово *бечева* с исходным значением 'берег реки, занятый лугами' в грязовецких диалектах (СВГ 1, 31). О связи микротопонимов с гидрографическими терминами в некоторых случаях свидетельствуют географические данные, однако не исключено, что названия сенокосов *Бечева* могут быть соотнесены с геоботаническим термином *бечевка* 'травянистое растение болиголов' Холм. Арх. (АОС 2, 21).

Этимология слова *бечева* неясна (Ф. 1, 162).

Осыпь, паш. (Тотем. Филинская) – *осыпь* 'обрывистый, осыпающийся берег, подмытый водой' Тот., В-У., Тарн. (СВГ 6, 83). В этом значении слово фиксируется также в СРНГ с пометами Арх., Волог., Вадин. Пенз. (СРНГ 24, 100).

Апеллятив славянского происхождения, см.: *сыпать* (Ф. 3, 818).

Слуда, сен. (Тотем. Манылово), *Слудка*, сен. (Тотем. Исаково, Паново, Шулево), *Слудницы*, паш. (Тотем. Ивановская) – *слуда* 'высокий, обрывистый каменистый берег реки' Тот. Маныл., К-Г. Сар., Ньюкс., Баб., В-У., Тарн. (СВГ 10, 52). Гидрографический термин *слуда* известен также архангельским, нижегородским и вятским говорам, его деминутив *слудка* – вологодским, вятским и пермским (СРНГ 38, 306-307).

Этимология слова неясна (Ф. 3, 677).

Толстики, сен. (Тотем. Купеково, Конушинское) – *толстик* 'крутой высокий берег или мыс' Арх. Беломор., Перм. Краснояр. (КСРНГ; СНГТ, 556). Связь микротопонимов с гидрографическим термином *толстик* подтверждается экстралингвистическими данными: сенокосы *Толстики* расположены на берегах рек Толшмы и Синьгомы.

Лексема славянского происхождения, см.: *толстый* (Ф. 4, 74).

Исадница, сен. (Тотем. Черепаниха) – *исада* ‘отлогий, покрытый наносным песком берег’ и ‘заливное место около реки, обычно используемое под луг’ (СРНГ 12, 211-212). В последнем значении слово фиксируется в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в.: «сѣна в поляхъ по реке по Вожабу на исадѣхъ и отхожихъ сѣнь по реке по Вожабу ... сто копень» (ПКТУ 1676, 59 об.- 60). Употребление термина *исада* в данном значении подтверждает слово *исадина* ‘сено с заливного луга – исады’ Тотем. Волог., Сев.-Двин. (СРНГ 12, 212). В вологодских говорах отмечены и другие значения этого термина: 1. ‘берег реки’ Арх. Вельск. Сельм. // ‘низкий берег реки, обычно затопляемый во время половодья’ Тарн. 2. ‘луг в пойме реки’ Тарн., Верх., Вожега, Межд. 3. ‘отмель’ Тарн. Баб., В-У. 4. ‘островок’ Тарн. (СВГ 3, 19).

Ареал распространения термина *исад* – «псковско-новгородские земли, север и северо-восточные области, владими́ро-сузда́льский район, Горьковская область, Поволжье (до Астрахани)» [Филин, 582].

Происхождение слова до конца не выяснено (Ф. 2, 139).

Прилуки, сен. (Тотем. Кудринская) – *прилук* ‘внешняя большая дуга при изгибе реки’ Влгд., Сок., Ник. (СВГ 8, 52). В СРНГ приводятся родовые варианты *прилук* 1. ‘берег речной излучины (напротив мыса)’ Арх., Печор. Север., Костром., Киров., Перм., Енис. // ‘крутой, высокий берег, обрыв в излучине реки’ Якут., Прикамье, Коми АССР, Арх., Волог., Новг., Яросл. // ‘часть песчаного берега, заливаемая в половодье’ Перм. // ‘сенокосный луг по берегу реки’ Пинеж. Арх. 2. ‘крутой поворот, излучина реки’ Якут., Иркут., Коми АССР // ‘речной мыс, где обычно косили сено’ Север, Арх., Перм., Иркут. Приангарье 3. ‘омут у крутого берега’ Никол. Волог., Костром. и *прилука* 1. ‘берег речной излучины (напротив мыса,

обычно крутой и высокий)' Север, Арх., Коми АССР, Киров., Сиб. 2. 'крутой поворот, излучина реки, лука' Никол. Волог., Сиб., Иркут. 3. 'самое глубокое место в излучине реки' Забайкалье (СРНГ 31, 280).

Слово славянского происхождения, ср.: *лука* (Ф. 2, 531-532).

Плесо, сен. (Тотем. Семенково, Лодыгино) – *плесо* (литературное *плес*). Семантическая структура слова *плесо* в вологодских говорах довольно сложна. В СВГ отмечается шесть его значений: 1. 'участок реки от одного изгиба до другого' Сямж. 2. 'широкий и глубокий со спокойным и медленным течением участок реки' Сямж., К-Г., Нюкс., Гряз., Сок., Тарн., Шексн. 3. 'перегороженная запрудой часть реки' Тот. 4. 'небольшое озеро' Тот. 5. 'пастбище на берегу реки' Арх. 6. 'большой участок земли' Тот. (СВГ 7, 67). В СРНГ фиксируется четырнадцать значений этого слова (СРНГ 27, 116-118), примерно столько же – в СНГТ (СНГТ, 439-440). В качестве исходного во всех диалектных словарях, как и в литературном *плес*, дается значение 'участок реки от одного изгиба или переката до другого'. В этом значении термин записан нами и в тотемских говорах (Тотем. Фоминское).

Термин славянского происхождения (Ф. 3, 280).

Верхотина, сен. (Тотем. Горбово) – *верхотина* 'верховье реки' Сямж., Ник. (СВГ 1, 63). Покос *Верхотина* расположен в верховьях реки Вотчи.

Слово славянского происхождения, ср.: *верх* (Ф. 1, 301).

Запесок, сен., (Тотем. Красное), *Запесочье*, сен. (Тотем. Рязанка, Великий Двор) – *запесок* 'песчаная отмель' Нюкс. (СВГ 2, 139). В таком же значении термин записан нами и в тотемских говорах (Тотем. Манылово, Трызново, Рязанка). В СРНГ в качестве основного значения этого слова дается семема 'песчаный откос' с пометой Тотем. Волог. (СРНГ 10, 312).

Однако сведения об именуемых объектах подтверждают связь с гидрографическим термином.

Существительное *запесок* славянского происхождения, ср.: *песок* (Ф. 3, 249-250).

Курья, паш. (Тотем. Зуиха), *Курьи*, сен. (Тотем. Ярцево), *Курейная*, сен. (Тотем. Хороброво), *Курейные*, (Тотем. Ярцево) – *курья*. Все значения этого слова, отмечаемые СВГ, связаны с гидрографией: 1. 'заводь, речной залив' Сок., Хар., В-У., Влгд., К-Г., Межд., Ник., Нюкс., Сямж., Тарн., Тот., У-К. 2. 'низкий берег реки, затопляемый водой' Вож., В-У., Сок. 3. 'старое русло реки, где сохранилась вода' Влгд. 4. 'рукав реки' Нюкс., Баб., В-У., Вож. 5. 'устье реки' В-У. 6. 'глубокое место в реке, озере, омут' Сямж., К-Г., Ник., Арх. (СВГ 4, 23). В СРНГ указывается десять значений местного термина *курья* (СРНГ 16, 151-152), в СНГТ уточняется специфика значений на разных территориях (СНГТ, 321-322). «Слово распространено в русских говорах Севера Европейской части СССР, Урала и Сибири» [Востриков, 98]. Наши полевые материалы не позволяют определить, к каким значениям этого слова восходят приведенные микропонимы. Некоторые из них фиксируются в исторических документах конца XVIII в.: «Пожня *Курья* общаго владения Вожболской волости ...» (ЭПГМ, 44).

Существительное *курья* обычно объясняют как заимствование из коми *kuŋja* 'залив' и сближают с финским *kuigi* 'борозда' (Ф. 2, 431). По мнению А.К. Матвеева, рассматриваемый термин восходит к какому-то неизвестному субстратному финно-угорскому языку [Матвеев, 502].

Лакhta, сен. (Тотем. Комарица) – *лакhta*. Аппелятив *лакhta* не зафиксирован в Посухонье. В СРНГ *лакhta* – 1. 'небольшой морской залив' (обычно мелководный) Арх. Коми АССР, Веломор., Петерб., Север // 'небольшой залив в реке или озере' Олон., Арх. // 'широкий большой залив озера, реке реки' Каргоп. Арх. // 'заболоченный, заросший камышом мелководный

залив' Онеж. Арх. 2. 'тихое, огороженное заколом место в реке для лова рыбы' Пек. 3. 'пруд, в котором мочат лен' Вытегор. Олон. 4. 'не заросшее травой место водоема, окно в болоте или среди луга' Каргоп. Арх. 5. 'болотистое место в лесу' Пинеж. Арх., Новг. 6. 'сенокосное угодье у озера или залива' Вытегор. Олон. // 'клин леса или покоса у озера' Каргоп. 7. 'клин леса, выходящий на пожню' Каргоп. Арх. 8 'сенокосная пожня, вдающаяся в лес' Каргоп. Арх. (СРНГ 16, 296).

«Зона бытования данного термина – Европейский Север» [Гусева, 49].

Лексема прибалтийско-финского происхождения [Kalima, 151].

Саломщицы, паш. (Тотем. Нефедиха) – *салма*. Термин не отмечен в говорах Посухонья. В СРНГ *салма* – 1. 'пролив, протока' Арх., Помор. Беломор., Волог., Олон., Мурман. // 'протока, соединяющая два озера' Каргоп. Арх. // 'течение воды между островами' Пинеж. Арх. // 'пролив между островами' Медвежьегор. КАССР 2. 'залив, губа' Олон., Беломор. 3. 'глубокое место в море, реке' Пинеж. Арх., Обск. 4. 'промоина, полынья' Медвежьегор. КАССР 5. 'подводный камень' Тобол. (СРНГ 36, 63).

Слово *салма* восходит к финскому *salmi* 'морской пролив, канал' (Ф. 3, 550).

Холуи, сен. (Тотем. Пустошь) – *холуй* 'островок на реке' Баб. (СВГ 11, 202). В картотеке СРНГ фиксируются и другое значение термина: 'нанос из древесных пней и всякого сора, загромождающий реку' Никол. Волог. (КСРНГ). Это значение подтверждается в СНГТ: 'завалы в реках из упавших стволов деревьев, бревен' Коми АССР, Приуралье, Сибирь. Кроме того, отмечается *холуй* – 'наносный материал, остающийся на лугах после половодья' Волог., Киров., Приурал. и 'подводный камень на реке в Северном крае' (СНГТ, 595-596). Наричатель-

ное *холуй* отмечено в псковских, архангельских, вологодских, ирковских и пермских говорах (КСРНГ).

В одном из значений термин *холуй* соотносится с финским *kolui* 'хлам' (Ф. 4, 259).

Таким образом, в результате анализа микропонимии Среднего Посухонья восстанавливается группа местных гидрографических терминов в тотемских говорах: *пабережа, наволоок, бечева, осыпь, слуда, толстик, исада, прилук, плесо, верхотина, запесок, курья, лахта, салма, холуй*.

Большую часть рассмотренной группы составляют славянские по происхождению слова: *пабережа, наволоок, осыпь, толстик, прилук, плесо, верхотина, запесок*. Термины *курья, лахта, салма, холуй* являются субстратными. Этимология слов *бечева, исада* и *слуда* окончательно не выяснена.

Среди местных гидрографических терминов, участвующих в образовании микропонимии, преобладают названия береговой части рек, что, по-видимому, не случайно, так как припойменные территории обычно и отводятся под сенокосение – большую часть микропонимов составляют названия лугов. Данное обстоятельство предопределяет развитие семантической структуры этих терминов: многие из них имеют вторичное значение, возникшее на метонимической основе, 'заливной луг' (*пабережа, наволоок, бечева, исада, прилук*).

Анализ названий рассмотренной группы позволяет подчеркнуть еще раз, что микропонимия играет важную роль при изучении «географии географического термина» [Толстой, 49]: данные микропонимии помогают восстановить лексемы, бытовавшие в прошлом на определенной территории (*пабережа*), уточнить семантику функционирующих апеллятивов (*слуда, верхотина*); в некоторых случаях микропонимия дает новые сведения об ареалах диалектных слов (так, названия *Толстик, Лахта*, по-видимому, могут свидетельствовать о бытовании в Среднем Посухонье нарицательных *толстик, лах-*

та, зафиксированных словарями в смежных архангельских говорах).

Литература

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. – Дис. канд. филол. наук. – Свердловск, 1979.

Гусева Л.Г. Географическая терминология Каргопольского края и ее отражение в топонимике // Вопросы топониматики. – Свердловск, 1971. – № 5. – С. 86 – 97.

Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. – Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1970.

Толстой Н.И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Местные географические термины. – М., 1970. – С. 46 – 53. – (Вопросы географии; сб. 81).

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. – Л.: Наука, 1972.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. – Helsinki, 1919.

Сокращения

АОС – Архангельский областной словарь: Т. 1 – 5. – М.: Изд-во МГУ, 1980 – 1987.

Д. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

ДООВС – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб., 1858.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (Санкт-Петербург, Институт русского языка РАН).

ПКТУ 1623-25 – Писцовая книга Тотемского уезда 1623-25 гг. – РГАДА, ф. 1209, к. 480.

ПКТУ 1676 – Писцовая книга Тотемского уезда 1676 г. – РГАДА, ф. 1209, к. 485.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1 – 12. – Вологда, 1983 – 2007.

СНГТ – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1 – 40. – Л.; СПб.: Наука, 1965 – 2006.

Ф. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004.

ЭПГМ – Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда. – РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 87.

Р.М. Козлова

(Гомель, Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

Бел. *Піна*, русск. *Пинозеро*, *Пінега*

(этимологический комментарий)

В бассейне Припяти на правом берегу Днепра 2 реки носят название *Піна*: 1) бел. *Піна* – п.п. Припяти на ее левобережье (БКВ 288; ПВ 208), в других источниках эта *Пина* подается как левый приток *Ясолды/ Ясельды* – л.п. Припяти (МаштДн 143; ЭС XXIII, 610), течет в Брестской обл.; 2) укр. *Піна* – л.п. Струменя – левого рукава Припяти в самом ее верховье (МаштДн 142), течет в Ровенской обл. Бел. *Піна* в памятниках письменности зафиксирована довольно поздно, в “Писцовых книгах Пинского староства” – в форме *Пина* (ПКПС I, 9), в этой же форме – в других древнебелорусских источниках. Ср. Просиль насъ... панъ Иванъ Васильевичъ Владычычъ *Пінскіи*, абых ему дозволили заробити езь на ловенье рыбъ на рѣцѣ

Пинѣ (1552 г.; РПП 283).

Скорее всего, корневого вокализм гидронима заставил М. Фасмера игнорировать мнение о связи *Пины* с апеллятивом *пѣна* < **rĕna*. Предложенная этимологом (на правах возможной) связь полесского гидронима с др.-инд. *rīnás* 'жирный, плотный, толстый', *ráyatē* 'наполняется, изобилует', *rájas* 'сок, вода' (Фасм. III, 263) не может являться решением вопроса ее генезиса.

Обратим внимание на название *Пинск* – города на реке Пине, одного из древнейших городов белорусского Полесья и восточного славянства. Оно представлено в самых ранних списках летописей в формах *Пинескъ*, *Пиньскъ*. Для этой формы обнаруживается параллель в польском ойконимиконе – *Pińsk* в Шубинском, *Pińsko* в Кцинском поветах. Но не только и-вокализм отражен в названии исследуемого названия. Для нас важна фиксация *Пенескъ*. Ср. Отьць же дасть ему волюсть: Туровъ и *Пенескъ* и Дорогобуж и Пересопницу (Моск. лет. свод конца XV в. // ПСРЛ XXV, 48) и др. *Пѣньскимъ* назывался и мужской монастырь в Пинске, известный с XVI в. (ЭС XXIII, 626). Это дает возможность возвести к исходному *Пѣньскъ* < **Rĕньскъ* и соотнести на правах параллелей с *Пенске* (2 поселения) в Белостокском у. Гродненской губ. (СпГр 16), *Pieńsk* на правом берегу Нысы Лужицкой в системе Одры (DA 119), а также гидронимами *Пенской* – правый ручей реки Шерны, *Пенской* – правый овраг Шимахты (Смолицкая 201, 204), польск. *Pieński Potok* – приток Дунайца на правобережье Вислы (SG I, 222) и др. Таким образом, *Пинскъ*/*Пеньскъ* (< **Rĕньскъ*) отражает лишь диалектную реализацию (либо *e*, либо *u*) исходного корневого *ĕ* (*ѣ*), подобно **Mĕn-ьскъ* > *Минск* и огромному количеству иных фактов с этимологическим *ĕ*. Анализируя бел. *Пінск*, польск. *Pińsk*, *Pińsko*, подчеркивая невыясненность их этимологии, С. Роспонд склонен связывать их с праслав. **rĕna* [6, с. 23]. Сказанное о *Пинске* равным об-

разом относится и к бел. *Пине*, на левом берегу которой при впадении в Припять размещается порт *Пинск*, и к укр. *Пине* в верховье Припяти, которые следует интерпретировать как континуанты исходного **Рѣна*.

Известно, что звуковые рефлексy праслав. *ě* в современных славянских языках очень многообразны – *e, i, iě, éi* и др. При типичности реализации *ě(ǣ) > e* в восточнославянских языках имеется *i* в украинском (фонетическая норма), в юго-западном ареале белорусского языка (зона течения *Пинь*), в северорусских, новгородских, смоленских (согласно Л.Л. Васильеву), костромских, московских и других говорах русского языка [о судьбе *ě* см. 9, с. 160-178], причем изменение этимологического *ě > i* фиксируется самыми ранними памятниками, например, в Четье-Минее 1096 г. и др. Это явление отражено и в собственных именах. Ср. ст.-русск. *Цилополе* (1496 г.) в пределах Никольского погоста в Шунге (ПКОП 2) < **Sĕlopolē*, *Било озерко*: деревня на *Билом озерке* (ПКОП 51) < **Bĕlo ezerĕko*, русск. *Почип* в Санкт-Петербургской губ. < **Rosĕrĕ* и др. Отражение *ě > i* находим в чешском (ср. *Meziříčí* (ŠmilOČ 39) < **Medjerĕčje*, *Bilina* < **Bĕlina*), нижнелужицком [4, с. 25] и др. Учет данного явления позволяет объединить под реконструкциями **Рѣна*, **Рѣно* большую группу гидронимов обширного славянского пространства. Имеются в виду, кроме бел. и укр. *Піна* бассейна Припяти, *Піна* (у Маштакова *Пѣна*) – л.п. *Псла* на левобережье Днепра (МаштДн 66; СГУ 425), *Большая Пѣна* – л.п. Сейма, *Пѣна* – л.п. *Большой Пѣны* также на левобережье Днепра (МаштДн 218), *Пено* – озеро, через которое протекает Волга, в Осташковском у. Тверской губ. (Твер. 298, ЭС VII, 9), *Пиени-ярви* – озеро (КатОК 41), *Пен* (*Пинне*-) в составе *Пингъявр* (*Пиннеявр*) – название 2-х озер, *Пенйок* – река на Кольском полуострове, *Пенниёки* – река бассейна Ботнического залива, ассимилированные карелами с помощью присоединения апеллятивов *ярв* ‘озеро’, *йок* ‘река’, *Пи-*

еннилухт – губа на Кольском полуострове, второй компонент которого – видоизменение русск. *olkъть > локъть > локт > лохт после падения редуцированного ъ в суффиксальной морфеме и диссимиляции группы *кт* > *хт*, *Пинóзеро* – озеро, через которое протекает река Нива, в котором отражено *ě* > *i*, бел. *Пено* (*Пѣно*) – озеро в бассейне Западной Двины (Сапуноа 34), *Piēna* – приток Вилии, *Piēnē* – река в бассейне Немана близ Каварска на территории Литвы, южнослав. *Рена* (она же *Penja*, *Penavica*, *Penjavica*, *Penjušica*) – л.п. Вардара, *Penna* – река в бассейне Дуная в комитате Баранья в Венгрии (территория славянского субстрата) < **Pĕn-ъna* [13, с. 199], западнаслав. *Piēna* (в документе 968 г. *fluvium Pene*) – река правобережной Аабы/Эльбы в ее низовье, река славян Вагрии (восточная часть Голштинии), рано утративших свою политическую самостоятельность (SSS VI, 186), *Penna* в регионе города Rochlitz в средней Саксонии, *Piana* – западная оттока Одры, *Piana* (лат. *Penes*, *Pena*, нем. *Peena*) – самый большой левый приток Одры (SG VIII, 42), впадающий в Шетинскую затоку, река многочисленных западнославянских племен Поморья и Мекленбургии – лютичей, хижан, чрезпеняи, ротарей, доленчан и др., которые размещались по обе стороны *Пены*, *Mała Piana*, *Wschodnia Piana* (*Ostpeene*) – реки племени *Dolężan*, входящего в Белетский союз ((SSS VIII(1), 64), *Tetrower Peene* – приток *Peene* (DA 23), польск. *Pienia* – приток Чарной Велькой в бассейне правобережной Одры (НО п. 120), *Piane* – урочище под Канёвом (SG III, 808), к которым присоединяется *Пени-Сари* – остров Финского залива, и др. Таким образом, **Pĕna* относится к гидронимии общеславянского ареала.

К континуантам праслав. **Pĕna* принадлежит большая группа населенных пунктов, которые, как правило, располагаются на берегах или близ рек. Ср. русск. *Пѣна* в Львовском, *Пѣна*, *Пѣны* на реке *Пѣна* в Обоянском уу. Курской губ.

(Курск. 70, 89, 90), *Вышние Пены, Нижние Пены* в нынешней Белгородской обл. (Ященко 71), *Пени-Путил (Малое Путилово)* в Олонецкой губ., западнослав. *Penne* на правом берегу реки Wickauer Mulde в повете Rochlitz в средней Саксонии (DA 115), *Peenehäuser* на берегу *Ostpeene* (DA 36), *Pennewitt* на восток от Висмара (DA 21), чеш. *Dolní Pěna, Horní Pěna* на юг от города Индрихов Градец (ČR) и др.

Русск. *Пено*, бел. *Пено*, польск. *Piane* грамматически оформились под влиянием форм среднего рода номенклатурных слов *озеро, урочище*, хотя не исключается и иное истолкование морфолого-словообразовательной структуры, если учесть отражение в ономастике адъективов типа ст.-русс. *Дубое* в пределах Деревской пятины (НПК 635), бел. полеск. *Дубае* в Пинском районе Брестской обл. (РапБр 48) < **Dobo(je)*, ст.-бел. *Лукъш* – ручей в Полоцком у. (ПК 430) < **Lokъ(jь)*, *Лукое* – населенный пункт в Столинском районе Брестской обл. (РапБр 77) < **Loko(je)* и под.

Большинство исследователей объясняет генезис приведенных гидронимов в их отношении к апеллятиву *пéна* > **rěna* – О. Н. Трубачев, анализировавший *Пену* – приток *Псла* [8, с. 143], И. Дуриданов, анализировавший *Пену* бассейна Вардара [11, с. 47-48], Я. Станислав, анализировавший *Penn'y* бассейна Дуная [13, с. 199], и др. Русские ономасты, не соотнеся севернорусские собственные названия с остальными славянскими, настаивают на их финском происхождении, ориентируя их на фин. *пъенне, riēppe* ‘собака’. ‘Собачьими’ оказались озёра *Пеньъявр (Пиннеявр)*, губа *Пиеннелухт* [см. 3, с. 40,42]. *Пинóзеро* [6, с. 103], даже при очевидности фактов: через *Пинозеро* течет Нива длиной всего 32,5 км, имеющая 150 порогов, в зоне Кандалакши представляет собой “сплошной поток пены”, но, оказывается, “пена тут ни при чем” [цитировала А. К. Минкина, 6, с. 40, 103]. Трудно объяснить, почему столь яркие гидрографические особенности гидрообъектов не при-

нимаются в расчет при этимологизации их наименований. Русск. *Пено* – озеро в бассейне Волги (в Осташковском у. Тверской губ.) отнесено к субстратным, причем предполагается балтийский субстрат, поскольку “есть соответствия и в латышской и в литовской топонимии” [см. 1, с. 106; 2, с. 95]. Но и инославянские соответствия имеются для русск. *Пено*.

Онимы, в основе которых лежат деминутивы от **rēna*:

**Rēnica*: бел. *Пэніца, Пэніцкая Слабада* в Калинковичском районе Гомельской (РапГом 134), *Пяніца* в Шумилинском районе Витебской (РапВіц 319) областей – населенные пункты и др. Ср. укр. *пініця* ‘пена’, словен. *rēnica*, слов. *penice* ‘то же’ и др.;

**Rēpъkъ* м., **Rēpъka* ж., **Rēpъko* ср.: русск. *Пѣнка* – л.п. *Пѣны* (МаштДн 66), *Пенка* – л.п. Сейма в Курской обл., *Чернопенка* – речка в Васильском у. Нижегородской губ. (Нгор. 78) < **Сѣторѣпъка*, *Пенки* – река на правобережье Шуструя (Смолицкая 243), *Пенков* – гидроним в бассейне реки Рог в Орловской губ. (Смолицкая 26), *Пенковой* – ручей на левобережье реки Лусицы в бассейне правобережной Москвы (Смолицкая 712), *Пенки* в Костромской, *Пѣнка* в Львовском, *Пѣнка* в Обоянском уу. Курской губ. (Курск. 70, 87), бел. *Пэнчыца* в Дятловском районе Гродненской обл. (РапГр. 191), ранее отмечались *Пинчицы* в Слонимском у. Гродненской губ. (СпГр 26), *Пэначка* близ города Высокое, *Пянчын* в Барановичском, *Пінкавічы* в Пинском районах Брестской (РапБр 102, 104, 107), *Пянчын* в Буда-Кошелевском районе Гомельской (РапГом 142) областей – населенные пункты, укр. *Пінка* – река в Ивано-Франковской обл. (СГУ 425), *Пінковци* под Ужгородом, *Pinka* – река паннонских славян < **Rēpъka* [13, с. 139], *Pinkós* близ реки Рабы, *Torna-Pinkós* в Веспримском округе, слов. *Pinkovce* в регионе Sobrance < **Rēpъkovъсь* [13, с. 156, 213], чеш. *Pěncín* западнее города Turnova, *Rěpěcín* южнее Яблонец над Нисой (ČR) – населенные пункты, польск. *Pi-*

aneka Struga – приток озера Сайно (HW п. 484), которая начинается близ веси *Pianek* в Писском пов. (Leyd. II, 268), *Pi-anka* в Радомском, *Pianki* в Колненском, *Pianki* в Серпецком, *Pianki* (2 поселения) в Техановском, *Pinki* в Велюнском, *Pinki* в Лэнчицком, *Pinki* (несколько поселений) в Пётрковском поветах (SG VIII, 42, 167) – населенные пункты и др. Праслав. *Рѣпъкъ м., *Рѣпъка ж., *Рѣпъко ср. отражены и в антропонимии славян. Ср. ст.-русс. *Пенка*, *Пенко* (Веселовский 241), ст.-укр. *Пѣнко* (1369 г.) – антропоним (ССУМ II, 280) и др. Относительно соответствующих апеллятивов ср. русск. *пѣнка* ‘пленка или корка на остывающей поверхности, на молоке’, *пенка* на пиве, бел. *пенка*, укр. *пінка* ‘то же’, чеш. *рѣnek*, *рѣnka* ‘морская пена’ (Machek 443), польск. *rianka* ‘малая пена’ и др.;

*Рѣпъсь: *Penc* – населенный пункт на левобережье реки Ипель < *Рѣпъсь [13, с. 320], бел. *Пінчўк* – болото в Житковичском районе Гомельской обл. (БМ XVIII, 168) – производное от *Пинец* < *Пиньць* и др.

Как онимизацию апеллятива *рѣп’ане – название жителей по географическому объекту *Рѣпа – правомерно воспринимать бел. *Пеняны* – озеро, *Пеняны* (2 поселения) в Витебской губ. (СпВит 133), *Піняны* в Пружанском районе Брестской обл. (РапБр 104), к которым примыкают *Пеняны* (3 поселения), *Пеняны-Покаркли*, *Пенянки* (3 поселения) в Вилкомирском у. Ковенской губ. (СК 131), укр. *Пінянка* в Краснопольском районе Сумской обл., *Piniąny* в Самборском у. (SG X, 243) – населенные пункты, *Пінянка* – п.п. Днепра, генетически ориентированное на апеллятив *рѣпа [5, с. 96], – производные от *піняне и др.

Гидроним *Пінега* – п.п. Северной Двины (течет в Архангельской и Вологодской областях), а также *Пинега* – наименование города на правом берегу *Пинеги* М. Фасмером интерпретированы как *неясные по происхождению*. Предлагавшие

ся финскими ономастами объяснения этимолог не принял, на наш взгляд, справедливо. Связь с фин. *peni*, *penikka* ‘собака’ и *joki* ‘река’ он счел недостоверной, объяснение из первоначального значения ‘малая река’ (от фин. *pieni* ‘маленький’) – неоправданным с точки зрения реалий (Фасм. III, 263). Русские ономасты считают *Пинегу* прибалтийско-финским гидронимом, в котором конечное *-га* воспринимается как формант, “речной суффикс” [см., например, 10, с. 25 и др.].

Для включения *Пинеги* в гидронимическую микросистему **Rēn-* имеются веские причины фонетического порядка – многократные факты фиксации названия в формах *Пѣнега* либо *Пенега* (с корневым вокализмом *ѣ* *e*) в различных памятниках севернорусской письменности. Ср. И с *Пенег* с *обеих* собрали нашу дань... (1557 г.); А на *Пѣнеги* въ Пермскомъ съ отписокъ и с памяти бы еста списокъ... для вѣданыа (1613 г.); Тот ручей шель з горы и на нижней горѣ палъ тотъ ручей пономоромъ в землю, а в *Пенегу* рѣку не прошелъ (1648 г.); Отпущены... вниз до *Пѣнеги* х Колмогорам (1674 г.); Толко с того дощеника тѣ запасы от усть *Пѣнегъ*-реки до Холмогоръ везены были в дву карбасахъ (1696 г.) и др. Корневой *e* из - < *ě* исследуемого названия обнаруживается в ст.-русск. *Пенега* – населенный пункт в Тверском у. (ПК 164), в современных *Пенежка* – приток Ваги, *Пенежский городок* (ЭС V, 529) и др., хотя имеются варианты типа *Большая Пинежка* – река в Шенкурском у. Архангельской губ. (Арх. 97). Это значит, что речь может идти о диалектной рефлексии этимологического *ě* (*ě* > *e* и *ě* > *i*), и для русск. *Пинега* следует восстановить архетип **Rēn-ega*.

Русск. *Пинега* (*Пенега*, *Пѣнега*) < **Rēn-ega* входит в дери-вационный ряд родственных онимов, объединенных вариан-ными суффиксами с опорным консонантом *g* [система суф-фиксов с опорным *g* в праславянском и славянских языках представлена акад. Франтишком Славским в его “Zarys’e

сłowotwórstwa prasłowiańskiego”, см. 12, с. 65-69]:

**Pēn'ugъ, *Pēn'uga*: ст.-русск. *Пенюга* – антропоним (Веселовский 241), русск. *Пинюга* – река в Никольском у. (Волог. 217), *Пинюга* – река в Орловском у. Вятской губ. (Вят. 552), от которых нами не отделяются *Большой Пенюг* (варианты *Большой Пенюх, Большой Пених*), *Малый Пенюг* (варианты *Малый Пенюх, Малый Пиних*) – левые притоки реки Лух на левобережье Клязьмы (Смолицкая 223) – гидронимы с очень сложной, но вполне объяснимой фонетикой: вариант *Пенюх* – результат оглушения *г* после падения конечного редуцированного (*Пѣнюгъ > Пенюг > Пенюх*), вариант *Пених* – результат делабиализации гласного *ю* (*ю > и*), бел. *Пянюгі* в Выховском районе Могилевской (РапМаг 147), *Пянюга* в Зэльвенском районе Гродненской (РапГр 201) областей – населенные пункты и др.;

**Pēn'aga*: русск. *Пенягино* (вариант *Пинягино*) – населенный пункт в Московском у. (Моск. 13), *Пенягина* – населенный пункт, *Пенягинский Дол* – микрогидроним в бассейне Сходни на левобережье Москвы (Смолицкая 107), укр. *Піняжко* – антропоним (РедькоДУП 181) и др.

Аналогичное развитие корневого вокализма наблюдается в гидрониме *Пѣнейка* (она же *Пинейка*) – п.п. Титвы на правом берегу Десны в бассейне Днепра (МаштДн 208), который правомерно квалифицировать как суффиксальное производное (суффикс *-ьк(а)*) от *Пѣнья* < **Рѣньја*, *Пенья* в Старицком, *Пенье* в Зубцовском, *Пѣнье* (2 поселения) в Калязинском уу. Тверской губ. (Твер. 140, 167, 174, 389) – населенные пункты < **Рѣньје* и др.

В отношении к *пена* объясняется русск. *Пенинга* – озеро на территории Карелии (КатОК 68), в котором отражается незакономерное озвончение глухого суффиксального согласного, которое возводится нами к первоначальному *Пенинка* < *Пѣнинька*¹ – производному от **Пенина*, польск. *Pieniny* – насе-

ленный пункт в регионе Нового Тарга (SG I, 222), генезис которого А. Брюкнер связывал с **rěna* (Brückner 404), *pieniny* ‘сильный поток, быстрь’ (Jurk. 89) и др.

Из адъективов от **rěna*, закрепившихся в ономастике, следует назвать:

**Rěnpъjъ(-aja,-oje)*: русск. *Пѣнная* – п.п. Великой (Семенов I, 414), *Пѣнная* – п.п. Днепра (течет на Смоленщине) (МаштДн 13), бел. *Пѣнный* – гидроним в Гомельском у., локализацию которого определить не удалось (МаштДн 228), *Репна* – река в бассейне Дуная < **Rěnpa* [13, с. 199], к которым примыкает группа ойконимов, расширяющих ареал исходного **Rěnpъjъ(-aja,-oje)*: русск. *Пѣнное* в Карачевском у. Орловской губ. (Орл. 110), бел. *Пѣнное* в Витебском у. (СпВит 37), *Пянное* в Добрушском районе Гомельской (РапГом 142), *Пенная* в составе *Пенная Гара* в Новогрудском районе Гродненской (РапГр 191), *Пенная Ніва* в Ушачском районе Витебской (РапВіц 302) областей, и др.

Бел. *Пенная Гара* позволяет этимологически упорядочить русские факты без общепринятой этимологии: *Пиногорье* – мыс в Кольском заливе (ЭС XV, 797) < **Rěnogoъje*, *Пиногорь* – п.п. Воймиги в бассейне Нерли, течет близ села *Пиногор* (Смолицкая 217) < **Rěnogora* и др.;

**Rěnovъ(-a,-o)*: польск. *Pianowo* в Пултусском, *Pianowice* в Самборском, *Pianówka* (вариант *Pianówko*) над речкой Notecią в Чарнковском поветах (SG VIII, 42-43) и др.

Примечания

¹ Реальность озвончения глухих согласных в позициях неозвончения на восточнославянской территории подтверждается множеством фактов. Вот некоторые из них: ст.-русск. *Завѣка* = *Савѣка* – имя берестяной грамоты, *волокида* = *волокиита* ‘длительный переход, переезд’ (СлРЯ III, 6), русск. *волог.* *загибеньга* = *загибенька* ‘пирог с начинкой, имеющий вид по-

лукруга, с защищенными по овальной стороне краями' (СВГ 107), пск. *вояга* = *войка* (ПОС V, 9), *віга* бот. = *віка* (ПОС IV, 6), бел. диал. *віга* бот. = *віка* (СВГ I, 306), *вѣргні* = *вѣрхний* (СВГ I, 300), *пáжа* = *паша* (Янк. I, 136), укр. диал. *бóлоз* = *пóлоз* 'змея, полоз' (ЕСУМ I, 226) и др.

Литература

1. Агеева Р. А. Субстратная гидронимия западной части Калининской области (в границах исторической Деревской пятины) // Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С. 104-111.
2. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2001.
3. Керт Г. М. Адаптация саамской топонимии Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 38-43.
4. Калнынь Л. Э. Из истории древнелужицкого вокализма // Исследования по древнелужицким языкам. М.: Наука, 1970. С. 3-43.
5. Карпенко О. П. Назви річок Ніжньої Правобережної Наддніпрянщини. Київ: Наукова думка, 1989.
6. Минкин А. К. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976.
7. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9-89.
8. Трубочев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968.
9. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972. С. 160-178.
10. Чайкина Ю. И., Л. Н. Монзикова, Е. Н. Варникова. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда, 2004.
11. Duridanov I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln-Wien, 1975.

12. *Słowski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1974. T.I. S. 65-69.*

13. *Stanislav Ján. Slovenský juh v stredoveku. I diel. Bratislava: Národné literárne centrum, 1999.*

Сокращения

Арх – I. Архангельская губерния. СПб., 1861

Волог. – VII. Вологодская губерния. СПб., 1866

Вят. – X. Вятская губерния. СПб., 1863

Курск. – XX. Курская губерния. СПб., 1863

Моск. – XXIV. Московская губерния. СПб., 1862

Нгор. – XXV. Нижегородская губерния. СПб., 1863

Орл. – XXIX. Орловская губерния. СПб., 1871

Ряз. – XXXV. Рязанская губерния. СПб., 1862

Твер. – XLIII. Тверская губерния. СПб., 1862

Черниг. – XLVII. Черниговская губерния. СПб., 1866

БКБ – Блакітная кніга Беларусі. Водныя аб'екты Беларусі. Эцыклапедыя. Мн.: БЭ імя П.Броўкі, 1994;

БМ – Беларуская мова. Мн.: Універсітэцкае, 1989. Вып. XVII;

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т.IV;

КатОК – Григорьев С.В., Грицевская Г.А. Каталог озёр Карелии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959;

МаштДн – Маштаков П.А. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913;

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т.I. Переписная оброчная книга Деревской пятины (около 1495 г.). СПб., 1859;

ПБ – Природа Белоруссии. Популярная энциклопедия. Мн.: Изд-во БелСЭ, 1989;

ПК – Писцовые книги XVI века /Под ред. Н.В.Калачова.

СПб., 1877;

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1930;

ПКПС – Писцовые книги Пинского староства, составленные по велению короля Сигизмунда Августа в 1561-1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною. Вильна, 1874. Ч.І;

ПСРА – Полное собрание русских летописей. М., 1949.Т. XXV;

РапБр – Рапановіч Я.Н.Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1980;

РапВіц – Рапановіч Я.Н.Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1977;

РапГом – Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1986;

РапГр – Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1982;

РапМаг – Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілёўскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1983;

РапМн – Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мн.: Навука і тэхніка, 1981;

Редько ДУП – Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969;

РПП – Ревизия пуцц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве литовском. Вильна, 1867;

Сапунов – Сапунов А. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893;

СГУ – Словник гідронімів України. Ред. колегія: Непокупний А.П., Стрижак О.С., Цілуйко К.К. Київ, 1979;

Семенов – Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб., 1863. Т. І;

Смолицкая – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) /Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука,

1976;

СПВит – Список населенных мест Витебской губернии / Под ред. А.П.Сапунова. Витебск, 1906;

СПГр – Список населенных мест Гродненской губ. Гродно;

Списки населенных мест Российской Империи (по сведениям 1859, 1864, 1870, 1872-1877 гг.), изданные Центральным статистическим комитетом МВД:

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1971. Т. III; ЭС – Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1890-1898. Т. I.-XXIII;

Ященко – Ященко А.И. Гидронимический словарь Посемья //Проблемы ономастики. Вологда, 1974;

Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974;

ČR – Česká Republika (атлас);

DA – Deutschland Atlas;

НО – Hydronimia Odry. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym /Pod red. Borka H. Opole, 1983;

HW – Hydronimia Wisły. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym /Pod red. Zwolińskiego P. Wrocław etc., 1965;

Jurkowski – Jurkowski M. Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław etc.: Zakł. Narodowy im. Ossolińskich, 1971;

Leyd. – Leyding G. Słownik nazw miejscowych okręgu mazurskiego. Poznań: PWN, 1959. Cz. II;

Machek – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Nakl. ČSAV, 1971;

SG – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880-1895. T.I-XIV;

SSS – Słownik starożytności słowiańskich /Pod red. Kowalenki W., Labudy G., Lehra-Spławińskiego. Wrocław etc., 1961-1977. Zakł. Narodowy im. Ossolińskich. TT. VI(1); VIII(1);

ŠmilOČ – Šmilauer V. Osídlení Čech ve svitlí místních jmén.
Praha: Nakl. ČAV, 1960.

В.В. Иваницкий

(Великий Новгород)

ЯЗЫК КАК ОСНОВА И ИСТОЧНИК ВЕРЫ И ЗНАНИЯ

1. Мы живем в мире языка и веры. Наши знания во многом основаны на этом. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона вера определяется как «признание чего-нибудь истинным без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего, субъективного непреложного убеждения, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их» [Брокгауз, Эфрон 2004: 118]. Такова, прежде всего, вера в Бога.

Есть вера и знания, которые не требуют слов, шире – языка. Они строятся на общих впечатлениях о природных процессах, на чувственном опыте каждого из нас. Солнце восходит и заходит. День сменяется ночью. Люди рождаются и умирают.

Эти невербальные по существу вера и знание, низводят нас до уровня инстинктов и рефлексов. Но человек, как существо говорящее, homo loquens, так или иначе стремится передать все, что касается мировосприятия, с помощью языка. Поэтому большая часть нашей духовной и практической жизни основана на вере, которая когда-то и как-то была вербально выражена. Мы молчаливо соглашаемся с известными и привычными для нас убеждениями, мнениями, обычаями и правилами, которые мы усвоили с помощью языка. Каждый шаг нашей жизни, привычный для нас и убеждающий нас в правоте своих действий, не выходит за рамки той веры, которая облечена в языковую форму.

Вообще-то, не задумываясь, мы живем с верой в незыблемость существующих законов природы. Работа находится на известном расстоянии от дома и т.д. и т.п. Однако во всех случаях мы руководствуемся не только законами, принципами и привычками собственного существования, но навыками и знаниями, которые приобретаем в процессе общения и в которые безоговорочно верим. Наше мировоззрение и мировосприятие вместе с языком составляют единую концептуальную систему, в которую невозможно не верить, поскольку мы постоянно опираемся на нее как на незыблемое, основополагающее знание, следуем её законам, не отклоняясь ни на йоту.

Об этом писал уже Августин Блаженный: «Я стал соображать, как бесчисленны явления, в подлинность которых я верю, но которые я не видел и при которых не присутствовал: множество исторических событий, множество городов и стран, которых я не видел; множество случаев, когда я верил друзьям, врачам, разным людям, – без этого доверия мы вообще не могли бы действовать и жить. Наконец, я был непоколебимо уверен в том, от каких родителей я происхожу, я не мог бы этого знать, не поверь я другим на слово» [Августин 2006: 101]. Августин осознает и определяет значимость слова, языка для веры и знания. Язык выступает как носитель веры об истории, странах, родственниках.

Кроме того, язык – это основа нашей личностной идентификации с другими членами общества, главное средство общения к своему народу. Поэтому уверенность при употреблении слов, вера в их «правильность» мотивируется еще и тем, что они сходным образом используются другими людьми. Эта узуальная «одинаковость» закреплена в знаковой, понятийной и других значимых сферах слова.

Вера заключена не только в глубинах словесного значения, но и в самом языке, в построении его системных отношений,

в плане выражения и содержания его единиц. Мы не можем не признать родной язык и не доверять ему с момента «вхождения» его в нас с самого раннего детства и всю дальнейшую жизнь. Попробуйте подвергнуть сомнению в истинности произнесенного когда-то впервые и затем множество раз слово «мама»! Или усомниться в правильности, последовательности сочетания звуков в слове «стол», в правильности сочетания слов «идти пешком», в правильности употребления форм в словосочетаниях «стакан молока» или «ничтоже сумняшеся» т.д.

Вера выражена, сформулирована с помощью средств, единиц языка. С помощью языка мы обосновываем наши убеждения и мнения, доказываем их. И в такой явной, доступной форме языковой, вербальный фидеизм может быть «законсервирован» и храниться веками. Поэтому родной язык – это всегда носитель истины и непогрешимый источник народной мудрости и знания, которым не возможно не верить.

Все эти рассуждения прямой дорогой ведут нас к известной «формуле»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Ев. Иоанна). Трудно представить себе более точное и ёмкое высказывание о сущности и природе слова, в лингвистическом понимании – языка. Божественное Слово стало началом, т.е. основой, неким источником, энергетической силой, предшествовавшей человеку и создавшей его.

Таким образом, онтологически человек укоренен в бытии Слова, Языка. Некоторые современные философы развивают и конкретизируют эту мысль. Согласно трактовке М. Хайдеггера, язык – это дом бытия человека, «это основа здесь-бытия». А русский философ В.В. Библихин определяет язык как среду и пространство исторического бытия человека. «Язык в своем существе, вести – это среда, в которой сбывается историческое человеческое существо» [Библихин 1993: 17].

Язык присутствует внутри нас, это дом нашего внутреннего обитания и, тем самым, наш родной дом со всеми мыслимыми атрибутами. С другой стороны, язык – это и среда нашего внешнего обитания.

Но язык все-таки – это больше, чем просто язык. В речи он выходит за пределы самого себя. Язык через речь есть единство единств и многообразий. Будучи всеохватывающим и всепроникающим единством, он присутствует во всех своих речевых проявлениях и допускает их многообразие. Используя слова С.А. Франка по другому поводу, скажем, что язык – это такое единство реальности, которое «порождает в себе самой множественность субстанционально сущих частных элементов, не переставая при этом быть простым, исконным, абсолютно первичным единством, выходящим за пределы всего множественного и частного» [Франк 2003: 207].

Через слово мы верим в природу и сущность объектов: *подорожник* (растет вдоль дороги), *подосиновик* (растет под осинами), *мухомор* (морит мух), *сталевар* (варит сталь), и т.п. С другой стороны, вера кроется в идеях об этих объектах, в ассоциациях и коннотациях, связанных с ними. Так, слово «боровик» ассоциируется с сосновым бором, с соответствующим внешним видом и даже «оптимистическим настроением». Если кто-то будет настаивать на том, что боровики растут в осиннике на пнях и появляются поздней осенью, то мы просто не поверим этому. Когда же идея расходится с объектом, то возникают попытки «восстановить справедливость». Особенно ярко это проявляется в народной этимологии. Например, поликлиника – это *полуклиника*, пиджак – *спинжак*, микроскоп – *мелкоскоп*.

Идея об объекте – тоже часть веры в него. Мы чаще всего не можем видеть и непосредственно соприкасаться с объектом, но благодаря идее, ассоциациям, мы легко можем его представить и при желании даже разложить на отдельные со-

ставляющие. Или кто-то из нас называет слово – и мы тотчас себе представляем, о каком объекте (реальном или идеальном) идет речь. Таким образом, можно себе представить то, что невозможно увидеть, а только подумать об этом.

Человек всегда верит слову, уже известному ему или созданному на его «глазах». Дискуссия о первичных словах «по природе» или «по закону», о правильности «первых», этимологически несводимых имен подразумевает наличие у спорящих веры в язык и в онтологическом, и в гносеологическом аспектах. Кроме того, вера всегда заложена в мотивировке слова и проявляется в процессе наименования. А затем при вторичной номинации и тогда, когда внутренняя форма неясна (двор – дворник), и тогда, когда внутренняя форма ясна (дворник /во дворе/ – дворник /у автомобиля/. Элементы веры в разнообразных метафорических и метонимических процессах – сходстве, смежности и причинности – установил еще Юм. Любая из этих связей – естественное или идеальное продолжение веры и строится на ее основе. Откуда мы узнаем, что лиса – хитрая, а эта женщина похожа на лису из-за своей «гривы». Обычно мы сталкиваемся с подобным лингвистическим фидеизмом в литературном творчестве.

Особую тайную, интимную связь слова и веры мы видим в имени собственном. Каждый из нас уверен, что наше имя имеет какую-то внутреннюю связь с нами. Мы обижаемся, когда нас не так называют. Мы всегда ищем «оправдание» нашему имени и пытаемся его объяснить. Иначе вера в собственное имя будет подтачиваться сомнениями, и появится желание найти более точное, подходящее имя. Многие из нас встречались с людьми, которые изменили свое имя только по этой причине.

У многих народов существует обычай скрывать истинное имя человека. Считается, что знание этого имени распространяется на соответствующего человека, дает тайную власть над

ним и может позволить манипулировать его действиями и, в конце концов, привести его к гибели.

Таким образом, имя собственное обращает нас не только к слову и вере, к «веро-словной» связи, но и к знанию об их объекте. Но и в самом же языке заложено это знание, в явном или скрытом, опосредованном виде. Оно представлено единицами разных языковых уровней – от фонетико-фонологического и внутренней формы (мотивировки) до синтаксического, сочетания одного слова с другими словами, сочетания предложений.

Касаясь звуковой стороны языка, мы тотчас выходим на фидеистическое представление о ней. Это связано с каждым отдельным звуком [см. о теории звукоподражания: АТЯС: 23], с сочетанием их друг с другом, с понятием фонемы, почему-то отождествляемой всеми людьми, говорящими на данном языке.

В онтологическом аспекте язык является носителем имеющихся «в существе» его знаний. Эти знания настолько стабильны, привычны и естественны, что не могут вызывать сомнения. Интересны в этом отношении наблюдения над детьми. Они обычно молчат, когда их спрашивают о хорошо известном. О том, во что они интуитивно верят и что для них является само собою разумеющимся знанием.

2. Наряду с онтологическим аспектом языка, подразумевающим тесную связь веры и знания, выделяется и гносеологический, познавательный аспект, в основе которого лежит разум, рации, логика.

Обычно веру противопоставляют знанию как мифологическое, нерациональное логическому, рациональному. Думается, что данное противопоставление прослеживается только в гносеологическом плане.

В гносеологическом аспекте язык является носителем приобретенных знаний, которые могут быть подвергнуты сомне-

нию и могут быть изменены в силу разных прагматических действий. Язык – это, пожалуй, единственное, чем мы владеем безраздельно. Мы живем с непоколебимым убеждением, что являемся хозяевами своих слов и можем распоряжаться ими как нам угодно в соответствии с нашим разумом, логикой, которая подсказывается ситуацией.

Поскольку человек – носитель и хозяин слова, постольку он может пользоваться им произвольно: говорить правду или выдумывать, предполагать, сомневаться, спрашивать и переспрашивать, сочинять, фантазировать, лукавить, шутить, надсмехаться, язвить, мошенничать, торговаться, оценивать, оскорблять, ругаться, льстить, лгать, сплетничать, убеждать, взвешивать, анализировать и т.п. В связи с этим Бертран Рассел отмечал, что вера, верование в слово может быть истинной или ложной. Однако во всех случаях каждый из нас, произнося слово, понимает, осознает, отклоняется ли он от истины, изначально заложенной в слове, от той истины, в которую он безоговорочно верит и которой он в силу разных причин волен на время «изменить».

Знание и вера онтологически связаны между собой. Знание есть «некоторая убежденность», – утверждает Аристотель. Платон устами Сократа говорит об изначальной истинности и правильности имен, слов и поэтому вере к именам и убежденности в их истинности. Однако посредством языка, т.е. в гносеологическом плане знание и вера могут изменяться. Это зависит от слов оратора, доказывает Платон в «Горгии». Последовательность же и передача знаний с помощью средств языка основывается на вере. Поэтому вера в гносеологическом плане выступает как движущая сила, ведущая вперед познавательные процессы.

Гносеологически язык – это приобретенное знание и носитель этого знания, и средство его достижения. Причем таким знанием может быть и любой неродной, иностранный язык.

Интересно, что Декарт относил иностранный язык к простым знаниям, как и историю, и географию. Такое знание отчуждается от человека, поскольку утрачиваются онтологические «корни», связывающие знание с верой. Поэтому иностранный язык не может стать полноценным «домом бытия» для человека, в отличие от родного языка. Как нам известно из бесед с жителями двуязычных и многоязычных стран, у них всегда в качестве исходного выступает родной язык.

При этом немаловажно отметить, что когда сам родной язык становится предметом знания, изучения, то он ускользает от нас. «Знание языка оставляет нас за его порогом», – остроумно замечает В.В. Биbihин [Биbihин 1993: 57]. Отчуждение языка от его носителя приводит к смерти языка и, вместе с тем, уходит онтологическая вера в него.

Подводя итоги, можно утверждать, что вера – эта некая деятельная сила, лежащая в основе языка и знания. Декарт в разных местах подчеркивал, что вера – это такой мыслительный процесс, который связан не с действием ума, а с движением воли. Шеллинг говорит о целенаправленном характере веры: «Вера всегда ставит перед собой цель и существенна в любой деятельности, направленной на нечто определенное... Если вера – необходимая составная часть каждой целенаправленной деятельности, то она и существенный элемент истинной философии... Всякая наука возникает только в вере». Во всех случаях вера составляет основу телеологического, или феноменологического подхода, к слову-знаку, о чем говорит Платон в «Кратиле». В слове есть сила. На что направлена эта сила? На познание – спрашивает и сам отвечает Сократ. Речь в этом случае идет, конечно, о назначении и функциях языка.

Многие ученые, рассуждающие о природе языка, подчеркивают его коммуникативную функцию. Однако есть и сомневающиеся в этом. Например, Э. Сепир вообще высказывает сомнение в факте установления функций языка. Роль же

коммуникативной функции явно преувеличена, считает он. Об этом свидетельствует, по крайней мере, аутическая детская речь. Кроме того, ему представляется более правильным «утверждение, что изначально язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать явления действительности символически». Ж. Вандриес утверждает, что язык имеет волевую, аффективную природу. Существуют мнения о дейктической природе языка и т.д.

В онтологическом и гносеологическом аспектах сущность и природу языка, его основную функцию мы видим в фидеизме. Именно фидеизм составляет фундаментальное предназначение языка. Знаковое, символическое видение мира через звуковую реализацию может родиться только благодаря изначальной вере в исходную связь между знаком и денотатом, предметом действительности, реальной или нереальной. Язык появился не как средство коммуникации, аффектации или чего-то прочего, а как носитель и средство выражения веры в то, как в нем установлена, прослеживается связь между денотатом и знаком.

На этом основании важную роль должна играть функция суггестии. Мы это каждый раз наблюдаем в политических, идеологических, юридических и т.п. действиях. Прежде всего, – и в методологическом отношении это очень важно – она опирается на звуковую сторону знака, а не семантическую. Суггестивный характер звуковой стороны подчеркивали уже древние риторы. Так, Горгий уже знает, «какое впечатление производят на людей волшебные заговоры, внимательно присматривается к звуковой организации тех словесных приемов, какие в них применяются, и переносит их в свою речь». В «Риторике» Анаксимена доаристотелевского периода среди средств убеждения, используемых софистами, подчеркивается значимость звуковой стороны: наравне с доказательства-

ми, аргументами, она действует на настроение и психику слушателей.

В древности верили, что правильно подобранные, собранные в целое слова и произнесение их вслух воздействуют на психику человека и помогают ему справиться с болезнью [ср. лат. *lego* «читаю, собираю»]. Об этом же и пишет Платон: «Лечить же душу... должно известными заклинаниями, последние же представляют собой не что иное, как верные речи».

Суггестия предполагает, предвосхищает дальнейшие действия и события. Поэтому она теснейшим образом связана с антиципацией, с антиципационной функцией языка. Об этой функции языка, в сущности, говорит Апостол Павел в Первом послании коринфянам главы 14, отмечая пророческий характер языка для верующих. Антиципация в языке проявляется как уверенное ожидание появления последующих единиц на всех уровнях: в сочетании звуков и предвосхищении их последующего появления, в сочетании морфем в составе слова, в сочетаемости слов и предложений. Все же прочие известные функции языка и речи так или иначе связаны с фидеизмом.

Язык – дар Божий. В слове символическая грань между его означаемым и означающим всегда основана на фидеизме. «Слово Божье, Дух Божий, т.е. творящая сила, исшедшая из недр, «из уст» Творца, создала вселенную» [Щедровицкий 1994: 14]. Таким образом, в слове, в языке всегда содержатся мысль и воля Божья. Дух, Премудрость. Слово, в сущности, – это создатель и посредник между творцом и человеком. Поэтому слово – это более фундаментальное понятие, чем, например, материя, энергия, бытие или жизнь.

Вера в слово и его сила четко засвидетельствованы в Книге Бытия. С четвертого стиха второй главы Книги Бытия в связи с историей сотворения «второго» Адама начинает употребляться наиболее священное и главное в Ветхом Завете имя Божье,

которое не произносится при чтении вслух, ибо это запрещается. Третья из десяти евангелических заповедей запрещает произнесение имени Господа, Бога твоего, напрасно, всуе.

3. Лингвистические исследования в сравнительно-исторической области безоговорочно свидетельствуют, что язык, или слово, и Бог связаны этимологически в индоевропейских языках и даже в более широких генетических границах. Так, слово Бог связано с лат. *fari, fatus sum* «говорить; молвить; возвещать»; *fatum* «судьба, рок»; *fama* «слава; молва»; *fabula* «разговор; молва»; др.-греч. φῆμη «речь, слово; вещее слово; знамение; молва, слух; репутация, слава; и т.д.; φάτις «молва, слух; весть; речь, язык»; φωνέω «говорить, возглашать; велеть; звать, призывать»; φωνή «звук; голос; боевой клич; обращение» [ср.: Бенвенист 1995: 322-323].

Важно отметить, что Э. Бенвенист находит соответствие между лат. *Deus* «Бог», др.-греч. θεός «Бог» и лат. *fanum* «храм, святилище», которые восходят к архетипу **thesos*, подтвержденному дешифровкой микенских надписей. Последнее же слово является родственным вышеуказанным латинским словам. Ср. лат. *dare* «давать, подавать; даровать; приносить жертву; произносить; сообщать; рассказывать»

В армянском языке мы находим *bay* «слово», в др.-англ. *bōjan* «бахвалиться; славословить»; *bodian* «объявлять; заявлять; предсказывать; проповедовать». В современном русском языке мы находим такие слова, как «баять», «балагур», «балить» [ср.: Баян / Боян – мифологический древнерусский певец]. На санскрите мы видим: *bhāṣ-*, *bhān-* «говорить, сказать»; *bhānu-* «свет»; *bhāva-* «освещение»; *bhū-* «быть» и т.д.

Все эти слова восходят к древнему индоевропейскому корню **bhā-*, «который уже в индоевропейское время выражал таинственную сверхчеловеческую власть слова – от первых его проявлений в детском лепете до коллективных воплощений, над-человеческих в силу своей обезличенности и по-

тому воспринимаемых в качестве гласа божьего» [Бенвенист 1995: 323]. Тем самым, в зависимости от ситуации значение данного корня могло соответствовать словам «издавать звуки; говорить; вещать».

Интересно, что германское слово Бог: англ. god; нем. Gott (тот же корень: англ. good, нем. gut «хороший») и т.д., – в русском языке имеет соответствие в словах «гад» и «гадать» (первое слово в одном из диалектов хранит значение «гадатель») [Маковский 1996: 49].

Углубляясь в еще более далекое прошлое, можно предположить, что все наши указанные слова восходят к ностратическому корню *r'irkʰ* «просить, спрашивать». Он встречается в семито-хамитских языках как корень *brk-* со значением «просить; молиться; благословлять», а также в картвельских, дравидийских, тюркских, финно-угорских, японском и корейском языках [см. Иллич-Свитыч 1984: 111-125].

Если же речь идет о таких древнейших этимологических связях слова и Вседержителя, то остается мало сомнений в их единстве.

Литература

Аристотель. Сочинения в 4 т. Т.2.– М.: Мысль, 1978.– С. 429.

АТЯС – Античные теории языка и стиля: антология текстов.– С.-Пб.: Алетейя, 1996.– С. 156; 181-183.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.– М.: «Прогресс «Универс». 1995.

Бибихин В.В. Язык философии.– М.: Прогресс, 1993.– С. 16, 17, 25, 57.

Блаженный Августин. Исповедь.– Минск, 2006.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура.– М.: Эксмо, 2004.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю.– М.: Соцэкгиз, 1937.– С.134-150.

Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т.1.– М.: Мысль, 1989.– С. 158; 345.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов.– М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1996.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. (p – q).– М.: Наука, 1984.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.– М.: Прогресс, Универс, 1993.– С. 231.

Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1.– М.: Мысль, 1990.– С. 486-487; 634; 680.

Франк С. С нами Бог.– М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.– С. 207; 444.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет.– М.: Издательство «Гнозис», 1993.– С. Х1.

Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.– М.: Мысль, 1989.– С. 545.

Щедровицкий Д. Введение в Ветхий Завет. Т.1. Книга Бытия.– М.: «Теревинф», 1994.

Юм Д. Трактат о человеческой природе.– Минск.: ООО «Попурри», 1998. С. 148.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОМОРОВ В НОМИНАЦИЯХ ОБЪЕКТОВ ПРИРОДЫ

Актуальность исследования обусловлена активным изучением в современной лингвистике различных картин мира, в том числе и языковой картины мира носителей поморского лексикона. Именно языковые картины мира являются наиболее долговечными, устойчивыми и во многом стандартными (Н.С.Новикова, Н.В.Черемисина), что позволяет описывать знания, представления, оценки различных социальных, а также территориально ограниченных сообществ. Известно, что в картинах мира зафиксирован опыт той или иной общности людей, особое видение ими мира, обусловленное специфической значимостью различных объектов действительности, избирательным к ним отношением, детерминированным спецификой деятельности, образа жизни, национальной или региональной культуры, климатом, историческими факторами и т.д. Кроме того, актуальность данной темы связана с активизацией изучения когнитивной функции языка в целом. До сих пор лексика поморов была предметом исключительно эмпирических исследований, а особенности внутренней формы лексем поморского лексикона не были предметом специального изучения. Полагаем, что начатая работа позволит создать словарь поморского лексикона когнитивно-функционального типа.

Основной задачей статьи является моделирование языковой картины мира поморов (её фрагментов) на основе выявленных концептуальных признаков в различных тематических группах природы.

Языковая концептуализация – процесс и результат интерпретации, обобщения и закрепления в отдельной языковой единице свойств объекта, его отношения к другим объектам, оценки этого объекта и т.п. В основе концептуализации лежит определённый принцип, выражающий точку зрения носителя языка на объект действительности. Выбор того или иного принципа детерминирует мотивацию номинации, которая начинается с ориентации на денотативное пространство объекта действительности, что и обуславливает мотивированность внутренней формы. Мотивированность внутренней формы – это выбор способа концептуализации в зависимости от стратегии номинации, под которой я понимаю взгляд, точку зрения, установку субъекта номинации. *Стратегии* номинации могут быть рациональные (ориентация на свойства самого объекта, на связь объекта с другими и т.д.), эмоциональные (образные), этические (ориентации на жизненные установки, отношение к миру), социальные (ориентация на социальные события, прецедентные социальные ситуации), идеологические (ориентация на идеи конкретной группы людей, идейное направление), оценочные (ориентация на представление человека об объекте действительности, его оценку), рефлексивные (ориентация на стереотипы сознания, на фоновые знания носителя языка) и т.д. Стратегии номинации включаются в структуру внутренней формы.

Таким образом, в структуре слова внутренняя форма является глубинным уровнем и представляет собой механизм перехода на языковой код. Концептуальные признаки, отражённые во внутренней форме слова, дают возможность описать фрагмент картины мира поморов, что, в свою очередь, поможет понять духовные ориентиры прошлого, осмыслить особенности быта, промысловой деятельности, культуры поморов как субэтнуса Северной Руси. Источником исследования послужили региональные словари поморской лексики, со-

державшие номинации объектов природы лёд и ветер [Гемп 2004; Куликовский 1898; Подвысоцкий 1885].

Рассмотрим номинации, связанные с объектом природы лёд. Про лёд поморы говорят следующее: *«Льды морские по законам морских вод и ветров живут, им послушны...»*; *«Лед беломорский – он беззаконный: становится в разные срока, выносятся тоже. Все по ветрам, водам да погодам живет..»* [Гемп 2004: 326]. В лексике поморов встречаются разные названия льда в зависимости от его качеств и принципа концептуализации (установки). Так, ровный лёд называется *гладуха*. Внутренняя форма фиксирует такой признак поверхности льда, как 'гладкий'. Этот признак тождествен признаку, названному в лексическом значении ('ровный'). *Забой* – 'выдавленный прибоем или ледоходом на берег лед'. Структура знаний, маркируемая внутренней формой, не совпадает со структурой знаний, стоящей за лексическим значением. Однако между признаками 'забивать' и 'выдавливать' возникают отношения пересечения (выдавливая лёд на берег, прибой или ледоход словно забивают его на новое место). При этом концептуализируется такое свойство льда, как 'способность подвергаться внешнему воздействию'. Признак 'способность льда к разрушению под воздействием тяжести' концептуализируется в номинации *ломник* ('ломкий наст, не выдерживающий человеческого веса'). В метаязыковом сознании при этом фиксируется и не эксплицированный признак 'способность льда обладать разной степенью выносливости'. Значит, лёд может быть хрупким и крепким, может разрушаться под воздействием тяжести, а может и выдерживать разные тяжести. Эти наблюдения были важны для жизнедеятельности поморов, так как часто приходилось преодолевать замёрзшие водоёмы (например, переходить реку зимой). С прозрачной внутренней формой функционирует и лексема *тонколедница* ('первый с осени, еще тонкий лед на реке, озере или у морско-

го побережья). Концептуализируется такое свойство льда, как 'толщина'. Метаязыковое сознание фиксирует пресуппозицию: лёд может быть тонким, не выдерживающим тяжести, и толстым, прочным, способным выдерживать тяжести.

Внутренняя форма номинации *метуха* – ('мелкий плавающий, разметываемый в разные стороны лед в море') концептуализирует такие свойства льда, как 'способность подвергаться внешнему воздействию', 'способность под внешним воздействием разрушаться', 'способность при разрушении распадаться на части', 'способность распадаться в разных направлениях'. Лёду приписывается свойство человека, который словно мечется из стороны в сторону (антропоморфное восприятие действительности).

Внутренняя форма номинации может эксплицировать лишь один из компонентов ситуации, связанной с явлением природы. Так, внутренняя форма номинации *набель* ('полоса тумана на горизонте, обозначающая на Новой Земле приближение льдов к берегу') маркирует лишь белый цвет льдов (корневая морфема) и направление появления льдов (префикс). В целом концептуализируются такие признаки льда, как 'способность перемещаться', 'цвет', 'связь с другими явлениями природы' (полоса тумана – примета появления льдов). В основе номинации *наслуд* ('твёрдая ледяная корка, образующаяся поверх льда от выступившей при приливах воды') лежит признак 'расположение' ледяной корки (префикс актуализирует сему 'поверх', 'сверху'). Производящее *слуд* означает 'обледенелый снег на поверхности льда'. Концептуализируется такое свойство льда, как 'способность к пластованию со снегом' (на один слой льда наслаивается снег, на который, в свою очередь, снова наслаивается лёд). 'Способность к взаимодействию со снегом' концептуализируется в метаязыковом сознании и посредством номинации *ясенец* ('прозрачный осенний лед, сквозь который хорошо видно дно'). Ясным (прозрачным)

лёд так называется потому, что в нём нет примеси снега, отчего он приобретает синеватый оттенок. Связь с другим объектом действительности (снегом) фиксируется в метаязыковом сознании носителя языка.

Номинация *ноцимёржа* обозначает 'мартовский тонкий лёд, образующийся ночами и тающий днем'. Такой лёд замерзает на поверхности воды по ночам вследствие понижения суточной температуры, а днем он тает, т.к. температура повышается. Пресуппозицией для носителя языка является знание о том, что температура воздуха ночью ниже, чем днём. Внутренняя форма фиксирует время появления льда, хотя имплицитно в метаязыковом сознании фиксируется и причина появления льда. При этом концептуализируется такой признак льда, как 'способность поддаваться воздействию температуры'. Внутренняя форма номинации *пазыбь* ('волнистый лёд на песке, образующийся от ветра или движения воды') концептуализирует такой признак льда, как 'способность колебаться под внешним воздействием ветра или воды, принимая различную форму'. Реализуется образная стратегия. Отсюда и префикс ПА-, использовавшийся в значении 'подобный'. Отождествление бытовой ситуации и явления природы лежит в основе номинации *припой* ('полоса льда, спаянного с берегом'). *Припоем* называется сплав для паяния. Отсюда и образное восприятие полоски льда, словно припаянного к берегу. Концептуализируется такое свойство льда, как 'способность соединяться с другими объектами действительности'. Это же свойство фиксируется в номинации *рубан* ('край примерзшего к берегу льда'). Наблюдается отождествление ситуации, связанной с судном (ср.: *рубка* – 'надстройка на палубе судна'), и ситуации «примерзания» льда к берегу. Примерзая, лёд словно «надстраивается» на берег. Признак 'воздействие льда на другие объекты' концептуализируется в лексеме *залё-*

да ('мёрзлая береговая земля, бывшая подо льдом, который сошёл при ледоходе').

Внутренняя форма лексемы *расплав* ('редкий лед, плавающий небольшими глыбами в море') концептуализирует признак 'способность распространяться в разных направлениях, плавая по поверхности воды'. В метаязыковом сознании поморов фиксируется такое свойство льда, как 'степень скопления на поверхности воды' (частый или редкий лёд). Такие знания были необходимы для промысловиков, отправляющихся в море. Свойство льда 'скапливаясь, создавать бугры на поверхности' концептуализируется в лексеме *заломы* ('бугры на ледяном поле'). Лёд под напором воды может начать выпирать, а не ложиться ровно. Воды морские словно «ломают» поверхность льда, который под их давлением и начинает выпирать. Как ломаются под натиском ветра деревья, образуя буеломы, так ломаются и льды, образуя заломы. 'Способность льда скапливаться' концептуализируется в номинации *затоп* ('скопление льда в проливах во время ледохода, вызывавшее задержку спада воды'). Внутренняя форма фиксирует результат такого скопления. Именно эти знания необходимы были поморам.

Концептуализируется не только такой признак льда, как 'способность к разрушению', но и признак 'степени и стадии разрушения'. Так, лексема *рубец* ('треснувший лёд') фиксирует начальную стадию разрушения льда. В основе номинации – образная установка субъекта. Номинация *разводья* ('проходы по льду, образующиеся во время смены течений или ветра') фиксирует следующую стадию разрушения льда. Ср., также номинации *расплав*, *отпадыш*, *падун*.

Внутренняя форма лексемы *стамуха* ('застывшая на отмели или на камне-стамике большая льдина на море') концептуализирует такое свойство льда, как 'способность прекращать перемещение под воздействием препятствия'. Стамуха

могла быть сигналом отмели для промысловиков. Такие знания имели практическую ценность. Глыбу, которая оторвалась от *стамухи*, называют *отпадыш* или *падун*. В основе внутренней формы слов такие свойства льда, как 'способность к разрушению' и 'способность к отделению части от целого'. Отпадыши могли стать препятствием для прохождения судна, так как они частично оказывались под водой, и их можно было не заметить. Свойство льда 'подчиняться воздействию ветра или течения' концептуализируется номинацией *прижим* ('подход льдов к берегу под воздействием ветра или течения'). Во внутренней форме фиксируется действие ветра, который словно «прижимает» льды к берегу. Аналогичное свойство концептуализируется в номинации *расплавы* ('редкие морские льды, разнесённые течением или ветрами'). Внутренняя форма при этом фиксирует признак 'разнонаправленность' (префикс) и признак 'способ перемещения' (корень).

Интересная пресуппозиция лежит в основе номинации *продуха* ('отверстие во льду'). Это свободное ото льда пространство, которое образуется в результате тёплого дыхания морского зверя (нерпы, тюленя). Отсюда и корень -ДУХ-, актуализирующий эти знания, зафиксированные лишь в мета-языковом сознании поморов.

Таким образом, в номинациях группы «лед» отразились важные для промысловой деятельности поморов свойства льда: он может иметь разную поверхность, в том числе и гладкую (*гладуха*), способность перемещаться под воздействием силы (*забой*), разрушаться под воздействием массы (*ломник*), располагаться слоями (*наслуд*), поддаваться воздействию температуры (*нацимёржа*), присоединяться к какой-либо поверхности (*припой*), существовать отдельными кусками (*расплава*), перемещаться и останавливаться из-за препятствия (*стамуха*), пропускать свет (*ясенец*), подвергаться внешнему воздействию (*метуха*), взаимодействовать с другими объек-

тами (*набель, ясенец*), иметь разную толщину (*тонколедница*) и т.д. Важную роль в процессе номинации играло метаязыковое сознание поморов, фиксировавшее причины появления тех или иных явлений, приметы различных признаков льда, сигналы об опасностях, результаты взаимодействия льда с другими объектами и явлениями природы, знания законов природы и т.п.

Большую роль в жизнедеятельности поморов играл ветер. «*Ветер нашей поморской жизнью заправляет. Вот дотошно его и знаем*». [Гемп 2004: 237]. Поэтому так много у ветра названий, каждое из которых концептуализирует определённое свойство. Так, номинация *ветробой* ('сильный ветер, несущий разрушения и на море, и на суше') концептуализирует отношение к ветру как субъекту-воителю, который всё на своём пути губит и разрушает. В метаязыковом сознании поморов фиксируется такое свойство ветра, как 'степень силы'. При сильном ветре лучше было повернуть назад, так как можно было погибнуть, не устоять. Такой сильный, шквалистый ветер восточных румбов назывался также *буй* или *буйный*. Вспомним народные выражения *буйная головушка, буйный лес*. А в «Слове о полку Игореве» князь Всеволод называется *буй туром*. Сильный ветер северных направлений назывался также *буян*. Внутренняя форма номинации концептуализирует антропоморфное представление о ветре. Признак 'связь с другими объектами природы' концептуализируется в лексическом значении номинаций *буран* (ураганный ветер со снегом), *вызудень* ('пронизывающий холодный ветер с дождём и снегом'), *вьюга* ('сильный ветер со снегом'), *поносуха* ('ветер со снегом, метель') и др. Внутренняя форма номинации *вызудень* концептуализирует признак 'воздействие ветра на человека' (вызудить – 'пробрать до костей, заморозить'). Внутренняя форма лексемы *поносуха* концептуализирует признак 'воздействие на другие объекты' и фиксируется в метаязыковом соз-

нении, что возможно проследить по метатекстам. Ср.: **Снег-то** со вчерашнего дни не слежался, сухонькой, ветры его и подняли, да и с небес новый падёт и падёт, ветры и его прихватили, по земле **несут**, вьются **снеги**, крутятся – то и есть поносуха [Гемп 2004: 354]. Это же свойство ветра концептуализируется в словах водогон ('ветер, **выгоняющий воду** в море из реки'), зажомной ветер ('прижимающий лёд к берегу'), листовой ('осенний юго-западный ветер, **срывающий листья** с деревьев'), выволочный ветер ('с берега в сторону водоёма, **отгоняющий** воду от берега'), пыльный ветер ('штормовой, срывающий пену с гребня взводня и разбивающий её в **мельчайшие брызги**'), внутренняя форма концептуализирует результат воздействия ветра в виде образа пыли), разбойный ветер ('ураганный ветер, разбивающий промысловые суда'), внутренняя форма концептуализирует оценку субъекта), сгонно-нагонный ветер ('**вызывающий колебание** уровней воды у берегов'), сумёт ('ветер, **наносающий** снежные сугробы'), угонный ветер ('сильный, **относящий** в голомень, т.е. в открытое море'), отдорный (ветер, **отдирающий** лёд от суши'), отбойный ('ветер, **с суши** в сторону моря'), позёмка ('ветер, несущий снег **по земле** или по льду') и др. Внутренняя форма номинации отбойный отражает метаязыковое сознание поморов: *Отбойный начал задувать, лёд от берега гонит. **Отобьёт**, силён. Отбойного опасаемся, поглядываем за им. Отбойный приглашает на прогулку в голомень. Затянется такая прогулочка. Отбойный на Мурманском промысле особо неприятный, голомень близёхонько – вынесет, и всё* [Гемп 2004: 351]. Как показывает анализ, во внутренней форме наименований концептуализируются различные действия, приписываемые ветру поморами: ветер способен гнать волну, срывать листья с деревьев, прижимать лёд к берегу, срывать и разбивать пену с гребня взводня, разрушать суда, уносить их в открытое море, сгонять или нагонять воду, наносить суг-

робы снега и т.д. Помимо частных наименований ветра, поморы использовали и общие. Так, любой ветер (угонный, отбойный, отдорный) мог называться *относный*, так как его основная функция – **отнести** судно от берега в открытое море: *Относный ветер – опасный ветречек: силён и направление на угон. Суда наши промысловые попадут на относный – крепись, помор, сам соображай и все дедовы-отцовы соображенья вспоминай.* [Гемп 2004: 352].

Поморы замечали и последовательность появления разных ветров. Например, *относный* ветер появлялся после *отдорного*. У них несколько разнились функции: *отдорный* ветер **отдира** лёд от суши, а *относный* его **относил** в открытое море. *Нагонный* ветер нагоняет морскую воду на берега и в устья рек, а после него *падун* дует с берега в сторону моря и выгоняет воду по реке в море. Внутренняя форма номинации *падун* концептуализирует такое свойство ветра, как ‘результат воздействия на другие объекты’ (вода в реке «падает», что обозначает уменьшение объёма воды).

Поскольку ветер воспринимался антропоморфно, ему давали оценки, которые также нашли отражение в номинациях. Например, *бойкий* (‘переменный ветер, различной силы и направления’, лексическое значение концептуализирует такое свойство, как ‘непостоянство направления и силы ветра’). Номинация *гульливый* ветер (‘непостоянный’) концептуализирует не только признак ‘непостоянство’ (в лексическом значении), но и антропоморфную оценку, зафиксированную во внутренней форме и метаязыковом сознании: *Гульливый ветер – беззаконный, налетит нежданный, гуляет без сроку и порядку, поворачивает, куда вздумает* [Гемп 2004: 343]. Лексическое значение номинации *крутой* (‘внезапный, сильный, порывистый ветер’) концептуализирует такие свойства ветра, как ‘способность возникать внезапно, без видимых причин’, ‘способность затихать и снова возникать неожиданно’. Оценка,

эксплицированная в морфемной структуре, фиксируется в метатекстах: *Крутой ветер с **норовом**, налетит, а потом и примолкнет и вдруг снова налетит. Крутой **смаху налетит**, не оглянешься. Крутой-то любит налетать на наше морюшко, помора он **пытает**. Крутой падёт – **беду принесёт**, коль сам, конечно, зевнёшь. На крутом-то за всю-то рыбацью жизнь не раз себя испытаеть. Вниманью он учит* [Гемп 2004: 348]. Оценочной является и номинация *лютой* ('сильный ветер при сильном морозе'). Лексическое значение концептуализирует признаки 'сила', 'взаимодействие с другими явлениями природы'. Во внутренней форме оценка, которая является результатом признака 'воздействие на человека', зафиксированного метаязыковым сознанием. Ср.: *Лютой ветер зовём ещё **продуванцем**; как разыграется, так на улицу носу никто не кажет – начисто **продует*** (причина оценки). Признаки 'степень силы ветра' и 'продолжительность' концептуализируются в оценочной номинации *неистой* ('сильный, длительный ветер северных румбов'). Причина оценки, отражённой внутренней формой лексемы, фиксируется в метатекстах: *Ветришишо сёдни с ночи, **вовсе неистой**. Глянь – на деревьях весь лист ободрал, и зелёный, сучья наломал. В едаки кучи сбил. Самый неистой у нас полуношник. Он **своевольной**. Дед наш все его «своевольки» знал. Нас учил остерегаться и справляться с им. Приметы его рассказывал* [Гемп 2004: 350]. Выбор оценочной номинации ветра *шалый* ('сильный ветер, меняющий направление') также объясняется в метатексте: ***Беспокойный** этот ветер, недаром **шалым** прозвали. Верно слово поморское, **шалым** прозвали этот ветер, он и есть **шалый, беспутный**. – Ладно, не оговаривай ветер, каждый пригоден* [Гемп 2004: 359]. Последнее высказывание метатекста фиксирует отношение поморов к явлениям природы. О таких объектах, как *море, ветер, погода*, нельзя было говорить плохо, так как они могли «рассердиться», а с ними

проходила вся жизнь помора. Сильный, внезапный, переменный ветер называют *шкодливый*. Причиной концептуализации внутренней формой слова такой оценки становятся признаки 'неожиданность возникновения ветра' и 'непостоянство'. Ветер словно «нарушает» установленные правила. Заметим, что поморы, несмотря на разрушительные действия ветров, давали им достаточно снисходительные и необходимые названия. Оценка эксплицировалась и суффиксальными морфемами. Так, неприятный ветер, злой, со свистом назывался иронично *ветречок*, а сильный ветер, при котором даже «море на дыбки встаёт», был назван *ветришке*. Помимо номинации *вихорь* ('внезапно налетевший ветер'), существует слово *вихрянка*, обозначающее ветер, который слабее вихря.

Важными признаками ветра для промысловой деятельности поморов были 'направление', 'источник происхождения', 'место локализации'. Отсюда так много названий, концептуализирующих эти свойства. Ветер *береговой* или *бережной* ('ветер с берега') называется также *горник*, так как всё, что выше уровня моря, поморы называют *горой*. Этот же ветер называется ещё *верховой*, так как дует поверху. Номинация *боковик* ('ветер, который дует в борт судна') концептуализирует признак 'воздействие на судно'. Борт судна находится сбоку, что и маркируется морфемной синтагмой. Во внутренней форме номинации *зубняк* ('встречный ветер') концептуализируется представление о стереотипной ситуации: когда ветер дует навстречу, трудно дышать только носом, поэтому открывается рот, маркером которого и становятся зубы (соматический мотивационный код). Такой ветер ещё называется *встречный* или *противняк*. В номинации *глубник* ('северо-западный ветер с открытого моря') концептуализируются признаки 'место происхождения ветра' и 'направление'. Ветер с моря в северном направлении называется *низовской* (с моря – значит, снизу). Этот же признак концептуализируется в номинации *ледя-*

ной ('ветер, рождающийся где-то в пространстве тяжёлых льдов, несущий смертельный холод'). По названию реки, откуда дует ветер, создана номинация *шелонник* ('юго-западный ветер на Белом море').

Номинация *летник* ('южный ветер в Белом море') концептуализирует признак 'направление' (южную сторону поморы называли летней). Северо-восточные ветры, дующие с 5-го по 9-й румб компаса, поморы называют *межники*. Во внутренней форме слова концептуализируется свойство 'непостоянство', которое актуализируется в метатекстах: *Межники – переменны ветры, погуливают, румбов много..., не скоро и определишь – с которого вертятся они* [Гемп 2004: 349]. Эти ветры погуливают *между* румбами. Их ещё называют *заморозниками*, так как они несут ранние холода (признак 'воздействие на объект'). *Побережником* называют поморы северо-западный ветер, 29 румб компаса. Внутренняя форма концептуализирует признак 'происхождение': ветер дует с Мурманского *берега*, а также 'место локализации' (дует *вдоль берега* Белого моря).

Ветер так часто меняет направление, силу, характер, что в лексиконе поморов есть названия, соответствующие времени суток. Например, *полуношный* ветер (ночной). В метатексте маркируется признак 'непостоянство': *На полуночи сколь раз ветер сменится, то и зовём его – «полуношный». Перепады да переходы ветра у нас в обычай в полуношницу и до утра. Ветер ночной днём-то, глядишь, и сменится* [Гемп 2004: 354]. Южный ветер называется *полуденник*. Этот ветер несёт тепло, обычно бывает в июле и в августе. Поскольку ветер идёт с полудня, его так и прозвали. Лексема *паужник* ('юго-западный ветер, дующий днем после обеда') во внутренней форме концептуализирует время суток, когда дует ветер. В поморском лексиконе есть даже *зоровой* ветер ('слабый ветер по утренней и вечерней *заре*'). Северный ночной ветер назы-

вается *сиверко*. Это холодный ветер. Но и он разной силы бывает. Поэтому существует ещё номинация *засиверко* ('холодный северный ветер, но слабее, чем сиверко'). Любой ветер северных румбов называется *северик* (концептуализируется только признак 'направление').

Такой признак, как 'время года', концептуализируется в номинациях *листобой* ('осенний сильный ветер с запада, срывающий лист'), *листодёй* ('порывистый шквальный ветер западных румбов, сдирающий лист с деревьев, преобладает осенью'), *листопад* ('осенний ровный ветер, срывающий лист с деревьев'). Разные названия концептуализируют признак 'сила ветра'. Морфемная структура маркирует время года осень, что актуализируется пресуппозицией: листья падают с деревьев осенью. Зимний ветер, взламывающий лёд, называется *ломанец*. Внутренняя форма концептуализирует признак 'воздействие на объект', а лексическое значение – признак 'время года'. В метаязыковом сознании фиксируется признак 'сила ветра' (чтобы ломать льды, нужно обладать большой силой). Это же свойство отражено в номинациях *пробойной* ('пронизывающий ветер') и *продуванец* ('ветер насквозь'). В метатексте этот признак также зафиксирован: *Продувной хужей морозу, кажду щель найдёт, пролезет. На продуванце и кишки промёрзнут* [Гемп 2004: 355]. Признак 'сила ветра' концептуализируется в оценочных номинациях *пылкой* ветер ('сильный, порывистый'), *разбойный* ветер ('ураганный ветер, разбивающий промысловые суда'). В метаязыковом сознании возникает представление о том, что разбивать суда способны только ветры, обладающие большой силой. В свою очередь, слабый ветер называется *хилок* (от слова *хилый*). Это неустойчивый переменный ветер.

Признак 'сила ветра' мог сочетаться с признаком 'способность звучать'. Так, сильнейший свистящий ветер называется *визготок*. Движение этого ветра сопровождается визгом. Ве-

тер может быть *завывальным* ('сильный ветер и долгий по времени'). Лексическое значение концептуализирует признаки 'сила' и 'длительность', а внутренняя форма – признак 'звучание'.

Ветер мог возникать и тут же исчезать. Такие порывы ветра также нашли отражение в номинациях. Например, *рывковый* ('порывистый ветер'). Такой ветер был очень опасным для парусных судов поморов. Номинация *своевольный* ('шквальный, порывистый ветер') во внутренней форме концептуализирует негативную оценку таких ветров. Порывистые ветры были разной степени продолжительности и разной силы. Например, *разгонный* ('умеренный, но порывистый ветер'). Признак 'воздействие на объекты' концептуализируется во внутренней форме, причём, маркируется лишь одна пропозиция: ветер может нагнать тучи, а может и *разогнать*. Меньшую опасность представлял *поркой* ветер, который был тоже порывистым, но недолгим. Насколько важен был для поморов такой признак ветра, как 'внезапное возникновение и исчезновение', свидетельствует номинация *стрельба*. Так называется сильный порыв ветра на море. В основе номинации лежит обаянная мотивация: отождествляется восприятие на слух выстрела и порыва ветра. Такой порыв мог принести большой урон судну.

Таким образом, номинации ветра также свидетельствуют об антропоморфном его восприятии поморами. Ветер способен двигать объекты природы (*водогон, зажимной, листовой*), может локализоваться, иметь направление (*побережник, поветерье, шелоник*), место происхождения (*глубник, морянка*), время (*листовой, полуношник*), производить звуки (*визготок, стрельба*) и т.д. О том, что погода на Севере является неустойчивой и переменчивой, свидетельствуют названия ветров по времени суток (*обедник, паужник*). Интерпретация объектов действительности *лёд* и *ветер* зафиксирована в лекси-

ческих значениях номинаций, их внутренней форме, а также в метаязыковом сознании поморов.

Литература

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. – М.: Наука; Архангельск: ПГУ, 2004.

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб, 1898.

Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

Н.В. Семёнова
(Великий Новгород)

О СЛОВЕ И ДЕЛЕ МИЛОСТЫНИ

Поступки человека имеют самые разные мотивы, иногда это необходимость, иногда – долг, а иногда – веление души. Однако есть такой «ситуативный круг», который обязывает человека иметь определенный мотив в силу национального культурного сценария и требует поступать в этом случае так, как предписано высоким нравственным авторитетом, а не так, как хочется. Речь идет об особых этических ситуациях человеческого общежития, которые, в сущности, и делают человека человеком. Для русского человека таковой, в частности, всегда являлась ситуация помощи нуждающемуся, издавна известная как проявление *милосердия, сочувствия и сострадания*, даже особой русской *жалости*, – подаяние нищему, или *милостыня*.

Итак, сначала о **слове**, которое появляется в русском языке довольно рано.

Лексема *милостыни* фиксируется уже в старославянском языке, куда она попадает через переводные Новозаветные

тексты как калька древнегреческих *ἔλεος* – «сожаление, сострадание; в Н.З. также милость, милосердие», *ἐλεημοσύνη* – «сострадание; В Н.З. милостыня» [Вейсман: 412] и где она становится чрезвычайно востребованной, о чем свидетельствуют раннеславянские письменные источники. Причиной такой высокой востребованности является особая культурная маркированность слова: оно закрепляет собою одну из важнейших добродетелей истинного христианина – способность к Истинной Любви, основанной на вере в Бога, любви к ближнему. О том, насколько важна была такая номинация в эпоху христианизации славян, видимо, не стоит лишний раз упоминать: этот факт очевиден.

В старославянском языке *милостыни* истолковывается как *милость человеческого сердца* и находится в одном лексическом ряду с такими словами, как *миловати, милость, милосьрдик* и *милосьрдовати*. Все композиты с корнем *мил-* означают способность человека *проявлять* особое духовное тяготение к другому, испытывать к нему чувство сострадания, сожаления и потому стремиться сделать ему добро. Быть же *милым* в старославянском языке, как отмечает Т.И. Вендина, значит, напротив, *вызывать* в душе человека сострадание и жалость (ср. *милъ быти комоу* ‘вызывать жалость у кого-л.’ СС: 327) [Вендина 2007: 224].

Заметим, что способность к состраданию в старославянском языке означает *любовь (любь)*, но любовь особую, не плотскую, а осмысляемую как идеальное начало духовного и общественного единения. Сострадать, любить для древнего славянина – это значит отождествлять себя с другим человеком, сотворенным по образу и подобию Божию, и, проникаясь к нему чувством жалости, идти к осмыслению Божественной истины – подлинному человеколюбию. Неслучайно, что одна из важнейших христианских заповедей, раскрывающих

смысла любви к ближнему, объясняется через лексемы с *мил-*: **Блажени мнлостивни, яко тии помиловани бѹдѹт** (Мтф. 5).

Древнерусский язык не только сохранил это понимание истинной любви как *сострадания* и *милосердия*, но и значительно углубил, расширив соответственный лексический ряд: так, в древнерусских словарях русского языка находим уже новые лексемы: *мнлवानне*, *мнлवानье*, *мнлолюбне*, *мнлосѣрдьствик*, *мнлнын* ('жалкий'), *мнлнтиса* ('умолять'), *мнлостивнын*, *мнлостивьць*, *мнлостнлюбьць*, *мнлостнбати* и др. [Срезн.; СРЯ XI–XVII вв. 5; СДЯ]. Анализ дефиниций вновь образованных лексем показывает, что все слова содержат в качестве определяющих семантических компонентов как исконно старославянские – 'сострадание', 'сочувствие', 'милосердие', так и новые – 'возлюбленный', 'любимый', 'дорогой'. Таким образом, *мнлым* в представлении средневекового русича становится уже тот, кто, во-первых, вызывает сострадание, достоин сожаления, *жалости* (ср. *жалость* 'сострадание' [СРЯ XI–XVII вв. 5: 74], и, во-вторых, тот, кто приближен к сердцу, возлюблен, а потому – дорог. И именно этими содержательными компонентами и обогащается древнерусское слово *мнлостынн*, которое имеет уже четыре значения: 1) 'милосердие, сострадание, сочувствие'; 2) 'благотворение; добрые дела'; 3) 'милостыня, подавание'; 3) 'дар, пожертвование' [СРЯ XI–XVII вв. 5: 155].

Как видим, помимо духовно-нравственного по своей природе действия – 'проявлять жалость к кому-либо, милуя его и приближая к своему сердцу', *мнлостынн* в древнерусском сознании начинает ассоциироваться еще и с конкретными поступками человека – благими делами, а также с некой материальной, так сказать, «овеществленной» частью этих дел – подаванием. Примечательно, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского у *мнлостынн* вообще фиксируется только последняя содержательная часть – «дар, подарок» [Срезн.: 136]. В современном же русском языке

слово *милостыня* еще больше развивает новое «предметное» значение, идя по пути сужения значения древнерусского, и сейчас в лингвистической интерпретации *милостыня* – всего лишь подавание нищему, нуждающемуся. Такую дефиницию дает один из авторитетнейших толковых словарей [ССРЯ 1981: 290] и «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой [Швед.: 594]. В этой связи возникает вопрос: с чем же у современного русского человека ассоциируется слово и дело милостыни, только ли с конкретным подаванием?

Ответ на эти вопросы частично находим в других лексико-графических источниках. Так, более раннее академическое издание семантического словаря [РСС: 1982] в качестве семантического множителя к слову *милостыня* указывает в том числе и ‘сострад-’, а в ряду слов, определяющих понятийную его соотнесенность, отмечает *жалеть, любить, самопожертвование, сострадание, жаль, пожалеть, сожаление* [РСС: 222]. «Русский ассоциативный словарь» в качестве реакции на стимул *милостыня* отмечает «от Бога», «подарок» [РАС I: 321], а в качестве вероятного стимула на реакцию «милость» и «сострадание» получает все же *милостыню* [РАС II: 423]. Таким образом, получается, что русский человек в своем языковом сознании все-таки сохраняет исходные понятийные компоненты слова *милостыня*, ощущая их именно как смыслы. Сохраняет ли он при этом денотативную отнесенность слова? Для ответа на этот вопрос обратимся, прежде всего, к анализу тех компонентов, которые составляют понятийный объем слова, – *жалости, состраданию, сочувствию и милосердию*.

И в этой связи отметим, что исключительную важность для русского человека имеет, в первую очередь, чувство **жалости**. Склонность к жалости – «сердоболию» – осознается как специфическая русская черта и иллюстрируется многочисленным рядом соответствующих языковых выражений типа *русская жалость, жалостливый человек, русская сердоболь-*

ность, по-русски жалостливый / сердобольный и т.п. [Левонтина 2005: 271]. При этом практически все исследователи русской культуры отмечают, что русские люди и сами уверены, что, как бы они ни оценивали жалость – хорошо или плохо, они, безусловно, предрасположены к ней всей своей «русской душой». О том, что русская жалость – это стихийное, нерациональное, но все-таки *состояние души русской* пишут и наши современники. В основе чувства жалости русского человека лежит, как отмечает И.Б. Левонтина, ощущение слабости его объекта, и потому та положительная эмоция, которая чаще всего сочетается с жалостью – это нежность и умиление. В то же время жалость сохраняет и свою христианскую культурную коннотацию, связанную с представлением о смирении, любви к ближнему [Левонтина 1999: 110].

Сочувствие и *сострадание* – это еще два культуроспецифичных слова, отражающих проявление русским человеком особых и именно *душевных* качеств. Сообразно этимологии, оба слова указывают на сопричастность чужому страданию или чувству. *Со-страдать* значит *страдать* вместе с другим человеком, переживая сильные *нравственные* чувства, а *сочувствовать* значит ощущать душевную боль, считая, что кому-то плохо [см. Левонтина 1999]. Таким образом, сострадать и сочувствовать – это разделять чувство другого человека, облегчая его участь.

Слово же *милосердие* значительно труднее для истолкования современным русским человеком, и не менее трудно для современного русского человека определение того дела, которое за ним стоит. Л.А. Жданова и О.Г. Ревзина, проанализировав специфику функционирования лексемы *милосердие* в современной публицистике, отметили, что тот концепт, который закреплен за *милосердием* в современном обыденном сознании, мало соответствует истинному и изначальному его содержанию. Содержательные границы этого слова размыты,

сфера употребления широка до абсурдности (ср. например, такие словоупотребления, как *«милосердие подписчиков газет»*), а само деяние, номинируемое лексемой, из разряда высоких нравственных поступков «переквалифицируется» в практическое – конкретное – действие; ср. такие сочетания, как *практическое милосердие, дело милосердия, труд милосердия, акция милосердия, служба милосердия* и т.д. [Жданова, Ревзина 1991]. Иначе говоря, милосердие в современном русском обществе начинает осмысляться как конкретный, нередко – точечный и одноразовый, акт помощи кому-либо, чаще всего проявляемый в виде именно материальной помощи. Диффузность и размытость семантики слова, денотативно «отчуждающего» исконный этический сценарий, является следствием смещения культурного акцента: милосердие – это уже не столько атрибут *душевной деятельности*, сколько результат *бытового действия*. И поскольку в языковом сознании концептуальные связи довольно устойчивы, постольку мы можем объяснить и то, почему слово *милостыня*, пришедшее как семантическая калька др.-греч. *ἔλεος, ἐλεημοσύνη* (сострадание, милосердие) и долго бытовавшее в русском языке именно с таким содержательным и культурным акцентом, сужает свое исконное для русского человека лексическое значение и семантически отождествляется с конкретным актом простого подаяния. Значимость единицы языка, как известно, определяется системными связями с другими, и изменение семантического объема одной из них влечет преобразование и других. Как следует из анализа статей словарей ассоциативного типа, *милостыня* до сих пор вызывает у русского человека в качестве ответной реакции и сострадание, и жалость, и сожаление, но устойчиво не ассоциируется со своим семантическим «прародителем» – *милосердием* в его прототипическом значении. Более того, *милостыня* начинает вызывать отрицательно коннотированные реакции: *подачка, жал-*

кая, выпрошенная, плохо, попрошайка и т.д. По проведенному опросу носителей языка, большинство (80 %) молодых людей от 20 до 35 лет первой реакцией на слово-стимул *милостыня* указали 'подачка', что, в общем-то, весьма показательно. Милостыня в русском языковом сознании абсолютно не ассоциируется с *благими деяниями, благотворительностью* и *акциональность*, так сказать, этого поступка тоже часто негативно коннотирована: *не даем, не дам, не проси* [РАС I: 321; РАС II: 423]. Как же в таком случае сейчас понимается *дело милостыни*? Итак, о **деле** милостыни.

Древнерусские источники исчерпывающе иллюстрируют то, как в средневековой Руси осуществлялось это благое дело. В самых ранних восточнославянских памятниках мы находим пространные объяснения того, что такое *милостыня* и подробные наставления о том, как нужно ее осуществлять. Например, подобное поучение мы обнаруживаем практически на первых страницах Изборника 1076 года – одного из первых «сборных» произведений Руси, переводном, но получившем основательную восточнославянскую обработку. В следующей после вступительной статье «*Слово нѣкоего отца къ сыну своему словеса душепользана*» отец, наставляя сына, советует ему прежде всего «*быть милостивым*», ибо *милостынею же коупити ся црьствикъ бжикъ* [Изб. 1076, 18 об.]. Милостыня, поучает он далее, *не въ велицѣмъ и мнозѣмъ • и малѣмъ даданнъ лежитъ • нѣ по силѣ даюштаго и всѣмъ срдцѣмъ. Милостыня моужжъ акы печать • тѣмъ же аште тѣ примешн • ни кдннѣ же отъ соупротивныхъ вѣстанетъ на тѣ* [Изб. 1076, 19–19 об.], т.е. милостыня мужу как печать особая, и если ты примешь ее, то никто из «супротивных» никогда не восстанет на тебя. На вопрос сына: «Как же могу принять ее?», отец отвечает так: *Въсѣмъ можешн аште хочешн • нѣсть бо тяжко* (т.е. «По-всякому сможешь, если захочешь, это не тяжело»): если насытился, накорми голодного,

напился ли, напои и жаждущего; согрелся ли, согрей и замерзающего; лежишь ли *въ храмѣ краснѣ и висоцѣ*, введи в свой дом и странника, скитающегося по улицам. Если ты возвеселился, продолжает свои наставления отец, развесели и скорбящего; обрадовался ли ты о чем, обрадуй и сетующего; оказали ли тебе честь как богатому человеку, окажи ее и убогому. Особо отец указывает сыну на то, что и дом свой без милостыни не устроить: сделай так, говорит он, чтобы в доме твоём скорбя не ходили, ибо *«не мала милостыни еже домашняя своя бескорьни безъ въздыхання и бес плача сътворити»*. Как видим, милостыня в сознании древнерусского человека не связывалась только с конкретным подаванием, это, действительно, было прежде всего *дело*. Точнее – это «7 дел милосердия, относящихся к плоти»: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть не имеющего одежды, принять странника, посетить больного, послужить заключенному, похоронить умершего (Мф 25: 31-46). В других статьях Изборника можно найти конкретные руководства к этому делу. Они таковы: *«Аште съеши ништямъ въ роуцѣ то не чюже съи нъ свок: небонъ чюже съма половеа горчѣк»* [Изб. 1076, 76-76 об.]; *«Не обиди милостыня и любве-та бо благаа ба [благого бога] съ нбсе съведе»* [Изб. 1076, 77]. Подобные «руководства» свидетельствуют еще и о том, что милостыня в древней Руси понималась как одна из важнейших христианских добродетелей и наряду с нравственной чистотой рассматривалась в качестве их основы. Об этом, кстати, в Изборнике 1076 года прописано достаточно четко: *«Матери благыам си сътъ чистота и милостыни да нѣ льзѣ ни бес тоа ни бесета къ хрѹ [Христу] воинствовати»* [Изб. 1076, 76 об.].

Древнерусское дело милостыни, таким образом, имело совершенно определенный мотив – «это благое дело, угодное Богу, совершаемое по *душевному* велению».

Современный русский человек, однако, дело милостыни понимает несколько иначе. Во-первых, сама милостыня для него – это конкретный акт подаяния, *давания* чего-либо кому-либо. А это действие, в силу разных, и в первую очередь, трудных материальных причин для многих русских людей в последнее время стало довольно затруднительным занятием: «Самим бы кто подал!» – таков ответ около трети опрошенных людей в возрасте за 50 лет. Более же молодые люди реагировали иным образом, но так же негативно: «Работать надо, а не попрошайничать» (40 % от опрошенных). Около 20 процентов от всех респондентов затруднились ответить на вопрос, нужно ли подавать милостыню. И практически никто не связал милостыню с милосердием. Это свидетельствует о том, что исконный этический сценарий русской культуры изменен: *милостыня* как естественное воплощение *милости человеческого сердца* больше не релевантна для сознания русского человека. *Милосердие* заменяет *жалость*, которую можно проявлять не только к человеку, личности, но и к животному (*накормить из жалости бездомную кошку*), к растению (*жалость к сломанному деревцу*) и к артефактам, *милостыню* как сочувствие и сострадание – материальная помощь в виде чего-либо, чаще – денег. Если раньше нравственным авторитетом в *деле милостыни* была христианская заповедь – «я поступаю так из милосердия = человеколюбия, потому что хочу любить ближнего своего так, как заповедал Бог», ведь согласно Нагорной проповеди, милосердие человека есть подражание милосердию Бога [Мтф., 5], – то теперь культурный сценарий дела милостыни, думается, таков: «я поступаю так из жалости, потому что объект моего действия лишен определенных материальных благ, а я могу ему их дать без ущерба для себя». Милосердие обязательно предполагает умиленное (в исконном, древнерусском, значении этого слова) отношение к объекту, жалость же возможна и при негативной его оценке, если он рас-

сма­три­ва­ет­ся как *жал­кий, убо­гий*. По­то­му и ми­ло­сты­ня как след­ствие та­кой жа­ло­сти по­лу­ча­ет не при­су­щие ей ни­ко­гда от­ри­ца­тель­ные кон­но­та­ции и в со­вре­мен­ном упо­треб­ле­нии са­мо­го **слова**, и в осу­ществ­ле­нии са­мо­го **дела**.

Литература

Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры.– М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» МИЛОСЕРДИЕ // Логический анализ языка: Культурные концепты. –М., 1991. –С. 56-61.

Левонтина И.Б. Жалость, сочувствие, сострадание, участь // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. Т. 2. –М., 1999.– С. 107-112.

Левонтина И.Б. Помилосердуйте, братцы! // Ключевые идеи русской языковой картины мира.– М., 2005.– С. 270-279.

Сокращения

Вейсман – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Ре-принт V-го издания 1899 г.– М., 1991.

Изборник 1076 – Изборник 1076 года.– М.: «Наука», 1965.– 1092 с.

РАС I – Русский ассоциативный словарь: В 2 Т. Т I. От сти-мула к реакции.– М., 2002.

РАС II – Русский ассоциативный словарь: В 2 Т. Т II. От ре-акции к стимулу.– М., 2002.

РСС – Русский семантический словарь: (Опыт автоматиче-ского построения тезауруса: от понятия к слову).– М., 1982.

СДЯ – Словарь русского языка XI – XIV вв.: В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988. Т. 4.– М., 1991.

Срезн., – Срезневский И.И. Материалы для словаря древ-нерусского языка по письменным памятникам. Т. 2.– М., 1958;

СРЯ XI – XVII 1975- – Словарь русского языка XI – XVII вв. 1-14 тт. М., 1975-; Вып. 5.– М., 1982;

ССРЯ 1981 – Словарь современного русского языка: В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2.– М., 1981;

Швед. – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова / Под общ. ред Н.Ю. Шведовой.– М., 1998.

В.М. Грязнова
(Ставрополь)

О МОДИФИКАЦИИ РОДОВОЙ СЕМЫ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В СТАТИЧЕСКОМ И ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

Предметом исследования является содержание и организация словообразовательной семантики мотивированных существительных с личным значением в русском литературном языке XIX века. Исследуется один из частных вопросов этой проблемы – модификация родовой семы в изучаемых наименованиях. Прежде чем перейти к конкретному анализу, целесообразно раскрыть то понимание словообразовательного значения, которое принято в работе. Словообразовательное значение понимается как принципиально неэлементарное, дискретное, неоднородное, иерархически организованное значение. Словообразовательное значение (СЗ) принципиально неэлементарно, так как представляет собой результат повторяющегося, стандартного соотношения двух категориальных значений: категориального значения мотивирующего слова и категориального значения форманта – с дальнейшей категоризацией этого стандартного отношения на уровне лексико-

грамматических разрядов, семантических групп мотивирующих слов и частных, конкретных значений форманта, а также с учетом знаний носителя языка об окружающем мире.

Взаимодействие категориальных значений мотивирующего слова и форманта в именах с личным значением представляет собой взаимодействие общекатегориального значения мотивирующего слова «предметность» / «процессуальность» / «признаковость» и частнокатегориального значения форманта «лицо». В ходе этого взаимодействия в словообразовательной семантике мотивированного слова происходят иерархизация категориальных сем, модификация родовой для данных наименований семы, возникновение категориальной словообразовательной семы 'презентность'.

Частнокатегориальная сема форманта 'лицо' включает новое наименование в понятийный класс, поэтому становится господствующей, родовой семой в словообразовательной семантике лексемы. Категориальная сема мотивирующего слова раскрывает, характеризует название, фиксирует понятие, отношением с которым связано новое слово, поэтому она становится подчиненной.

Одновременно с иерархизацией категориальных сем происходит модификация родовой семы 'лицо'. Компонент «лицо» репрезентируется в словообразовательной семантике конкретных мотивированных личных существительных в сочетании с определенными словообразовательными модификаторами, находящимися с ним в комплементарных отношениях.

Выделяем в процессе модификации родовой семы 'лицо' два различных явления: структурную и структурно-семантическую модификацию.

Структурная модификация возникает в результате семантического взаимодействия категориальных значений мотивирующего слова и словообразовательного форманта, она обусловлена влиянием категориальной семы мотивирующего сло-

ва «предметность» / «процессуальность» / «признаковость» на родовую сему 'лицо'. Структурная модификация вызвана приспособлением, согласованием категориальных значений мотивирующего слова и форманта. Направление структурной модификации является следующим: мотивирующее слово → словообразовательный формант.

Языковая структурная модификация в типичных случаях существовала в таких разновидностях:

а) 'лицо' + 'носитель признака': нерадивец – *нерадивый человек*; жестяник – *мастер, делающий жестяные вещи* (словарные дефиниции здесь и далее даются по Словарю русского и церковно-славянского языка 1847 г., далее СЦСРЯ). Данная структурная модификация семы "лицо" была характерна для отадъективных мотивированных наименований с атрибутивным и профессиональным СЗ. В перифразе названная разновидность структурной модификации выражалась словами – 'тот, который';

б) 'лицо' + 'носитель предметного признака': кафтанник – *носящий кафтан*; гербарист – *продавец сухих лекарственных трав*. Структурная модификация родовой семы 'лицо' была характерна для отсубстантивных мотивированных наименований с атрибутивным и профессиональным СЗ. В перифразе названная разновидность структурной модификации выражалась словами – 'тот, который' или 'тот, которого';

в) 'лицо' + 'носитель процессуального признака': разбира-тель – *разбирающий что-либо*; острильщик – *острящий, на-тачивающий орудия*. Данная структурная модификация родовой семы «лицо» была свойственна для девербативных личных наименований с собственно агентивным и профессиональным СЗ. В перифразе названная разновидность структурной модификации выражалась словами – «тот, кто» или «тот, кого».

Перечисленные разновидности структурной модификации родовой семы «лицо» по своей структуре объединяются в такой тип модификации, который можно назвать однозначным, так как в качестве модификатора выступает какой-либо один из указанного ряда. Казалось бы, структурная модификация должна быть только однозначной, ведь она возникает в результате влияния категориальной семы мотивирующего слова на родовую сему наименования, а мотивирующее слово не может одновременно обладать двумя категориальными значениями. Однако структурная модификация могла быть и неоднозначной (т.е. состоящей из двух занимающих равное положение модификаторов) и осложнённой однозначной (т.е. состоящей из двух модификаторов, один из которых занимает подчиненное положение по отношению к другому).

Опишем неоднозначную структурную модификацию родовой семы «лицо». В русском литературном языке начала XIX века существовала группа личных существительных, в словообразовательной семантике которых обнаруживается неоднозначная структурная модификация «лицо» + «носитель процессуального (активного или реже пассивного) признака». В перифразе эта модификация выражалась словами «тот, который/кто». Названная модификация была синкретичной, для неё было характерно одновременное (конъюнктивное) выражение двух конкретизаторов: «носитель признака» и «носитель процессуального признака». К наименованиям, обладавшим данной неоднозначной структурной модификацией, относились личные существительные, структурно и семантически соотносящиеся с отглагольными прилагательными на -ный (иногда с прилагательными на -ный, образованными от отглагольного существительного) и относящиеся к словообразовательной модели на -ик (реже к другим моделям). В конце XVIII- начале XIX века подобные прилагательные образовывались с высокой степенью регулярности и имели глагольные значения, анало-

гичные значениям страдательных и действительных причастий (обозначали процесс как признак предмета).

У одних подобных прилагательных существовали как активные, так и пассивные значения, у других – только активные глагольные значения: ненавистный – «ненавидящий и ненавидимый»; любовный – «любящий» («любимый» в первую половину XIX века уже было устарелым; пьяный – 1) «упившийся вином»; завистный – испытывающий чувство зависти, завидующий; угодный – «угодивший или угождающий кому-нибудь»).

Личные существительные, мотивированные перечисленными прилагательными, в начале XIX века обладали синкретичной структурной модификацией – «лицо» + «носитель признака» + «носитель процессуального признака» – в силу того, что их категориальное значение представляет собой обозначение признака предмета по действию, которое он производит или испытывает. Таковы существительные ненавистник – «ненавидящий кого или что-либо»; любовник – 1) любимец; 2) любящий особу другого пола и пользующийся взаимной любовью; пьяница – человек, пристрастный к пьянству (тот, кто много пьёт); завистник – завидующий другим; угодник – человек, угождающий кому-либо.

Кроме того, неоднозначная структурная модификация «лицо» + «носитель признака» + «носитель процессуального (пассивного) признака» была свойственна мотивированным личным существительным, образованным от страдательных причастий прошедшего времени: искупленник – искупленный из неволи; задержанник – задержанный под стражею; отселенец – отселённый от других; возлюбленник – возлюбленный.

Опишем **осложнённую** однозначную структурную модификацию родовой семьи «лицо». Структурная модификация, вызванная приспособлением, согласованием категориальных значений отсылочной части и словообразовательного форман-

та, может дополняться и расширяться за счёт влияния типизированной семантики тематической группы или семантического класса мотивирующего слова на формант. В этом случае возникает осложнённая неоднозначная структурная модификация родовой семы «лицо». Так, в русском литературном языке XIX века существовала группа личных существительных, в словообразовательной семантике которых обнаруживается следующая осложнённая структурная модификация – «лицо» + «носитель признака» (+ «носитель процессуального признака»). В перифразе эта разновидность модификации выражалась словами «тот, который (кто)». Конкретизатор «носитель процессуального признака» в составе описываемой модификации был обусловлен влиянием категориальной семы «процессуальность», конкретизатор «носитель признака» – влиянием семантики мотивирующего глагола, называющего интеллектуально-модальные, эмоционально-психические действия, состояния, характерные для человека. Соотношение этих семантических единиц таково, что модификатор «который» занимает главенствующее положение, так как поддерживается приращённой словообразовательной семой «атрибутивная характеристика», свойственной для подобных лексем.

Описываемая осложнённая структурная модификация родовой семы «лицо» в русском литературном языке XIX века была свойственна девербативным словообразовательным значением, имеющим в качестве мотивирующих глаголы, характеризующие поведение человека, его склонности, умения, умственную, духовную деятельность. Например, указчик – *указывающий или дающий наставление тем, где его не спрашивают*; мечтатель – *любящий мечтать*; пловец – *умеющий хорошо плавать*; борец – *искусный в борьбе*.

Некоторые личные существительные в русском литературном языке XIX века в разных лексико-семантических вариантах могли реализовывать два вида структурной модифика-

ции»: а) однозначную – «лицо» + «носитель процессуального признака» и б) осложнённую однозначную – «лицо» + «носитель признака» (+ «носитель процессуального признака»). Например, обольститель – 1) *обольщающий кого-либо* и 2) *соблазнитель* (8); развратник – 1) *развращающий кого-либо* и 2) *преданный разврату*, льстец – 1) *тот, кто льстит* и 2) *тот, кто привык льстить* (9). В том лексико-семантическом варианте названных слов, в котором проявлялась однозначная структурная модификация, слово имело собственно агентивное значение. В том лексико-семантическом варианте, в котором реализовывалась осложнённая однозначная структурная модификация, лексема имела атрибутивное словообразовательное значение. Приведём текстовые иллюстрации.

Льстец. а) ЛСВ «тот, кто льстит» *«...И стал известный господин. ...Льстец героя моего, не зная, как хвалить его, Провозгласить решились тонким»* (А.С. Пушкин, *Не знаю где, но не у нас*).

б) ЛСВ «тот, кто привык льстить». *«Я сроду не искал льстецов и челядинцев, Академических дипломов и гостинцев, Журнальных милостей не добивался я»* (П.А. Вяземский. *Литературная исповедь*).

Раскроем наше понимание структурно-семантической модификации родовой семы «лицо». В словообразовательной семантике мотивированного слова обнаруживаются «следы» его ономаσιологической «истории», «следы» того, как первичный знак (высказывание) превращается во вторичный знак (слово). Ономаσιологический подход в изучении словообразовательной семантики мотивированного слова связан с рассмотрением его частей как ролевых компонентов. Одна из частей мотивированного слова выполняет классифицирующую роль, другая – квалифицирующую. Названные ролевые компоненты по-разному рассматриваются исследователями. Чешские лингвисты выделяют в смысловой структуре мотивированного

слова ономасиологический базис, фиксирующий соответствующий понятийный класс, к которому принадлежит обозначаемое понятие, и ономасиологический признак, раскрывающий сущность названия [М. Докулил]. И.С. Улуханов выделяет в смысловой структуре мотивированного слова мотивирующую часть значения и формантную часть [И.С. Улуханов], Е.С. Кубрякова – отсылочную часть и формантную часть [Е.С. Кубрякова].

Отношение между частями мотивированного слова как ролевыми компонентами обуславливают процесс иерархизации категориальных значений мотивирующего слова и словообразовательного форманта и содержание модификации родовой семы «лицо». В изучаемых личных наименованиях ономасиологическим базисом (воспользуемся терминологией чешских лингвистов) является словообразовательный формант, а ономасиологическим признаком – мотивирующее слово. Связи между названными ролевыми компонентами характеризуем как логико-синтаксические, отражающие конденсирующую способность мотивирующего слова по отношению к синтаксическим структурам. Определение отношений между классифицирующей и квалифицирующей частью как логико-синтаксических означает признание того, что между ними существуют предикативные отношения (речь идёт об отражённой, скрытой предикативности). В пользу этого свидетельствует ряд обстоятельств: а) мотивированное слово всегда является бинарным; б) отношения между ономасиологическим базисом и ономасиологическим признаком, выделяемым в составе мотивированного слова, носят определительный характер; в) значение описываемого отношения соотносится с объективной действительностью, что находит свое выражение в модально-временной семантике мотивированного личного существительного [Грязнова В.М.].

Логико-синтаксическая семантика далее дифференцируется в зависимости от прикреплённости к определённым структурно-семантическим типам мотивированного слова на значения: действие предмета речи (мысли), предикативный признак предмета речи (мысли), состояние предмета речи (мысли). Дальнейшая дифференциация логико-синтаксических значений, выявляющихся между мотивирующим словом и формантом при рассмотрении их как ролевых компонентов структуры мотивированного слова, приводит к выделению семантических компонентов, аналогичных компонентам, выделяемым в семантической структуре предложения: деятель и действие, носитель признака и предикативный признак.

Модификация родовой семы «лицо», возникающая в результате взаимодействия частей мотивированного слова как ролевых компонентов его структуры, характеризуется нами как структурно-семантическая. Направление структурно-семантической модификации линейно не определяется, так как она возникает в итоге взаимонаправленной и взаимообусловленной связи между частями мотивированного слова как его ролевыми компонентами.

Структурно-семантическая модификация в типичных случаях существовала в таких разновидностях:

1) «Лицо» + «носитель предикативного признака»: нерадивец – *нерадивый человек*; спесивец – *спесивый человек*; упорник – *упорный человек, упрямец*; непотребник – *непотребный человек*. Эта разновидность структурно-семантической модификации была свойственна существительным, образованным от качественных прилагательных и имеющим атрибутивное СЗ. В перифразе названная разновидность структурно-семантической модификации выражалась словами «тот, который».

2) «Лицо» + «активный деятель» («агенс»). Выделяются 4 группы:

а) девербативы: шутник – охотник *шутить*; швец – ремесленник, *шьющий что-либо*; известитель – *извещающий кого-л.*; это имена с собственно агентивным, профессиональным и атрибутивным СЗ;

б) отадъективные образования от прилагательных с глагольными значениями: пьяница – человек, *пристрастный к пьянству*; существительные этой группы могли иметь как агентивное, так и атрибутивное СЗ;

в) отсубстантивные имена: каламбурист – *говорящий часто каламбуры*; дегтярник – *выгоняющий или продающий дёготь*; это существительные с атрибутивным и профессиональным СЗ.

г) отадъективные образования от относительных прилагательных: конногвардеец – *служащий в конногвардейском полку*; восточник – *обитатель восточных стран*. Это имена с профессиональным и атрибутивным СЗ.

В перифразе названная разновидность структурно-семантической модификации выражалась словами «тот, кто».

3) «Лицо» + «пассивный деятель (пациент)». Выделяются 3 группы:

а) отсубстантивные имена: милостник – *любимец, наперсник, в особенной милости у кого-нибудь находящийся*; острожник – *содержащийся в остроге*; это существительные с атрибутивным словообразовательным значением;

б) образования от страдательных причастий прошедшего времени: вскормленник – *1) питомец, вскормленный другим, воспитанник*; допущенник – *поселенец на чужой земле с дозволения хозяина*; существительные этой группы имели атрибутивное словообразовательное значение;

в) отглагольные имена: рассыльщик – *посылаемый в разные места (группа была немногочисленной)*.

В перифразе данная разновидность структурно-семантической модификации выражалась словами «тот, кого».

В русском литературном языке XIX столетия существовали личные наименования, которые в разных ЛСВ реализовывали разную структурно-семантическую модификацию. Например, в различных ЛСВ слова **вестник** проявляются следующие разновидности структурно-семантической модификации: а) «лицо» + «агенс» и б) «лицо» + «пациенс» (15). **Вестник** – 1) тот, кто приносит какие-либо вести, возвещает что-либо: «Из темного леса навстречу ему Идет вдохновенный кудесник, Покорный Перуну старик одному, Заветов грядущего вестник...» (А.С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге). **Вестник** – 2) человек, посланный с вестью: «Денница занялась – Вдруг запечатанный приказ приносит вестник Начальнику тюрьмы». (А.С. Пушкин. Анджело).

Кроме названных разновидностей однозначной структурно-семантической модификации, существовала неоднозначная структурно-семантическая модификация «лицо» + «агенс» + «пациенс», для которой было характерно одновременное выражение обоих конкретизаторов. Например, такая неоднозначная структурная модификация была свойственна существительному **любовник** в лексико-семантическом варианте – «любящий особу другого пола и пользующийся взаимной любовью» (т.е. тот, кто любит + тот, кого любят).

Каково соотношение структурной и структурно-семантической модификации родовой семы «лицо» в изучаемых наименованиях? В одних мотивированных личных наименованиях результаты структурной и структурно-семантической модификации совпадают, в других мотивированных личных наименованиях результаты структурной и структурно-семантической модификации совпадают только частично, либо не совпадают. Рассмотрим те мотивированные личные наименования, в значении которых результаты структурной и структурно-семантической модификации не совпадают. Это существительные следующих типов.

1) Отсубстантивные имена с атрибутивными и профессиональными словообразовательным значением, например, спичник, каламбурист, мебельщик, почтальон, каторжник. Структурная модификация – «лицо» + «носитель предметного признака». Структурно-семантическая модификация у имен этой группы могла быть двоякой: «лицо» + «агенс» или «лицо» + «пациенс».

2) Имена, образованные от относительных прилагательных, с атрибутивными и профессиональными словообразовательным значением, например, жестящик, восточник. Структурная модификация – «лицо» + «носитель признака». Структурно-семантическая модификация – «лицо» + «агенс».

Что же происходит в словообразовательной семантике тех лексем, структурная и структурно-семантическая модификация которых неполностью согласованы или противоречивы? Считаем, что и в случае частичного совпадения, и в случае полного несовпадения структурной и структурно-семантической модификаций господствующее положение в словообразовательной семантике имени занимает структурно-семантическая модификация, так как она отражает глубинные компоненты языковой словообразовательной семантики слова, связанные с категориями мышления.

На примере отсубстантивных наименований рассмотрим наиболее яркий случай, когда структурная и структурно-семантическая модификация в слове наиболее противоречивы. Для этого обратимся к семантической перифразе отсубстантивных личных наименований. Семантическая перифраза (дефиниция) представляет собой эксплицитное выражение словообразовательной и лексической семантики мотивированной лексемы, объективизацию этой семантики. В перифразе нет невыраженных скрытых семантических компонентов, что делает ее удобным средством изучения словообразовательной семантики. Исследуемый материал показывает, что перифраза

отсубстантивных личных существительных обязательно включает в себя глагол или глагольную форму, иначе передать информативную семантику (целостное значение) мотивированного имени невозможно: Удильщик – тот, кто ловит рыбу удой; грабельщик – тот, кто сгребает сено граблями; рожечник – тот, кто играет на рожке.

В результате дифференциации логико-синтаксической семантики, возникающей между мотивирующим словом и формантом как ролевыми компонентами мотивированного слова, формант в отсубстантивных именах получает характеристику деятеля (агенса), мотивирующее слово – объекта действия. Функцию предиката вербализует глагол, называющий ситуацию, в которую в качестве актанта входит мотивирующее слово. Глагол или глагольная форма, присутствующие в перифразе, определяют и конкретизатор семы лицо – «кто», выражающий семантический компонент (агенс).

Многие исследователи писали либо о специфике мотивации отсубстантивных имен, либо о специфике их семантической структуры. У В. Дорошевского читаем: «В форме рус. барабанщик формант -щик является морфологическим (словообразовательным) показателем понятия действующего лица, часть, предшествующая этому форманту: барабан – дополнение по отношению к невыраженному никаким морфологическим элементом действию барабанщика [В.Дорошевский]. Ю.Д. Апресян пишет о том, что в словах типа садовник, творожник, коровник, «семантически имеет место отглагольное словообразование» [Ю.Д. Апресян].

В случае несовпадения структурной и структурно-семантической модификаций толкования наименований лиц в словаре обнаруживают либо акцентирование структурной, либо структурно-семантической модификаций.

Так, в дефиниции лексемы *завистник* (*завидующий другим* – СДСРЯ 1847 г.). подчеркивается структурно-

семантическая модификация «лицо» + «агенс» (в первой половине XIX века слова типа завистник структурно соотносились уже не с прилагательным завистный, а с существительным зависть). В дефиниции лексемы пакостник (*делающий пакости* – СДСРЯ 1847 г.) подчеркивается структурная модификация «лицо» + «носитель предметного признака».

Контексты, в которых функционируют личные наименования, имеющие несовпадающие модификации, могут поддерживать, акцентировать либо структурную, либо структурно-семантическую модификацию. Это прежде всего контексты, содержащие однокоренные с мотивированным словом лексемы. Приведем примеры. Слово клеветник. «Я не клеветник. Я не клеветал на Рудина» (И.С. Тургенев. Рудин). Подчеркивается структурно-семантическая модификация «лицо» + «агенс» (структурная модификация является следующей: «лицо» + «носитель предметного признака»). Слово делец – человек, хорошо знающий законы, ходок по судебным делам. «Он был законник и делец. И делец в хорошую сторону. Неправо не решил бы он дела ни за какие подкупы» (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Подчеркивается структурная модификация «лицо» – «носитель предметного признака» (структурно-семантическая модификация является следующей: «лицо» + «агенс»).

И структурная и структурно-семантическая модификации родовой семы «лицо», присущие семантике конкретного личного существительного, могут меняться. Опишем изменение структурной модификации. В ходе анализа структурной модификации давалась характеристика именам типа ненавистник, которые в начале XIX века имели неоднозначную структурную модификацию – «лицо» + «носитель признака» + «носитель процессуального признака», – так как мотивировались прилагательными с активным глагольным значением (реже с пассивным глагольным значением). К этой группе личных наименований относились слова: ненавистник (ненавидящий ко-

го или что-либо), завистник (завидующий), любовник (любящий особу другого пола и пользующийся взаимностью), угодник (угождающий кому-либо), пьяница, ослушник (не исполняющий приказаний, советов, увещаний).

В первой половине XIX века прилагательные с суффиксом -н-, преимущественно образованные от глаголов и отглагольных существительных и являющиеся мотивирующими для названных личных существительных, теряют свои глагольные значения, близкие значениям причастий, и приобретают иные, качественные значения. Мотивированные ими личные существительные установили новые структурные словообразовательные связи: либо с существительными (ненавистник, завистник, любовник), либо с глаголом (угодник, ослушник). Вследствие этого у названных существительных изменилась структурная модификация как по своему содержанию, так и структуре. Личные существительные ненавистник, завистник, любовник, странник приобрели однозначную структурную модификацию «лицо» + «носитель процессуального признака». Структурно-семантическая модификация у этих имен осталась прежней – «лицо» + «агенс». Лишь существительное пьяница сохранило прежнюю неоднозначную структурную модификацию – «лицо» + «носитель признака» + «носитель процессуального признака», так как мотивирующее его прилагательное пьяный не утратило своего глагольного значения. Так, в Словаре Ожегова читаем: пьяный – 1) выпивший много спиртного, хмельной.

Изменение структурной модификации родовой семы «лицо» видим также в словообразовательной семантике имен типа часовщик, кожевник, меховщик, пирожник и т.д. В языке более ранних эпох эти слова мотивировались прилагательными и семантизировали структурную модификацию – «лицо» + «носитель признака». Подобная словообразовательная соотнесенность поддерживалась составными личными наименованиями с тем же значением: часового дела мастер, кожаного (коже-

венного) дела мастер и т.д.. В языке первой половины XIX столетия названные существительные и структурно, и семантически мотивируются через существительные: меховщик – 1) торгующий мехами; 2) сшивающий меха (СЦСРЯ 1847 г.); кожевник – 1) выделяющий кожи (там же); часовщик – делающий и продающий часы (там же). Структурная модификация этих лексем изменилась: «лицо» + «носитель признака». Структурно-семантическая модификация осталась прежней – «лицо» + «агенс».

В словообразовательной семантике личного существительного может меняться и структурно-семантическая модификация. Так, некоторые лексемы, относящиеся к группе имен, выявляющих структурно-семантическую модификацию «лицо» + «носитель предикативного признака», толкуются в Словаре церковно-славянского и русского языка как имеющие структурно-семантическую модификацию «лицо» + «агенс»: ленивец – предающийся лени; брезгливец – брезгующий. Современные толковые словари характеризуют информативную семантику лексем брезгливец, ленивец так, что в ней выявляется структурно-семантическая модификация, типичная для личных наименований этой группы. Брезгливец – брезгливый человек (БАС); ленивец – ленивый человек, лентяй (БАС, МАС). Возможно, что в данном случае перед нами переходная зона между языковой и речевой словообразовательной семантикой мотивированного имени.

Информативное содержание мотивированного слова включает в себя не только языковую, но и речевую семантику, между которыми не существует резкой границы. Компоненты речевой семантики обнаруживаются и в содержании модификации родовой семы «лицо», как структурной, так и структурно-семантической. Так, в определенных контекстах употребления лексемы поклонник структурная модификация «лицо» + «носитель предикативного признака», характерная для этого

существительного, осложняется речевым компонентом «носитель признака». Опишем это подробнее.

В первой половине XIX века лексема поклонник имела два значения: 1) тот, кто поклоняется кому -, чему -либо как божеству; 2) восторженный почитатель кого-, чего-либо, страстный любитель чего-либо. В первом значении существительное поклонник мотивируется глаголом поклоняться в значении «читать кого-, что-либо как божество, высшую силу» и полностью определялось им. Поэтому словообразовательное значение слова поклонник и в этом лексико-семантическом варианте является собственно агентивным, реализующим структурную модификацию «лицо» + «носитель процессуального признака». «Из буддийской кумирни мы поехали в индийское капище, к поклонникам Браммы» (И. А. Гончаров. Фрегат Паллада).

Во втором лексико-семантическом варианте лексема поклонник в другом его значении – «преклоняться перед кем-, чем-либо, особо почитать кого -, что -либо» и полностью определялась этим значением. Словообразовательное значение слова поклонник и в этом лексико-семантическом варианте является агентивным, семантизирующим структурную модификацию «лицо» + «носитель процессуального признака». «Пышная терцина не могла заменить ритма знаменитому поклоннику муз» (Современник, 1836, № 1-4).

В ряде текстов лексема поклонник имела контекстные индикаторы квалификативного характера, одни из которых повторяли возможное словесное окружение мотивирующего глагола (слепой поклонник – слепо поклоняться, страстный поклонник – страстно поклоняться), другие – не повторяли (Знаменитый поклонник муз, дельный и опасный поклонник французского вкуса). Подобные контекстные индикаторы (особенно второй группы) способствовали определенной характеристике существительного поклонник (без превращения собственного агентивного словообразовательного значения в ат-

рибутивное словообразовательное значение) и обуславливали возникновение в словообразовательной семантике речевой структурной модификации «лицо» + «носитель признака» + «носитель процессуального признака».

Контекст может не только осложнять, обогащать содержание модификации родовой семы «лицо», но и подавлять языковую структурно-семантическую модификацию. Так, слово мудрец имеет вне контекста и типичных внешних контекстах структурно-семантическую модификацию «лицо» + «носитель предикативного признака». В тексте «Эх ты, мудрец, мудришь ты, мудришь, а что разума нет у тебя нет, – это тебе невдомек!» (М. Горький. На плотях) эта лексема обладает речевой структурно-семантической модификацией «лицо» + «агенс», которая подавляет структурно-семантическую модификацию «лицо» + «носитель предикативного признака».

Таким образом, процесс модификации родовой семы «лицо» в мотивированных личных существительных является сложным, состоящим из двух разных по своему содержанию, направлению, результатам структурной и структурно-семантической модификации, которые в своей совокупности представляет собой часть информативной (целостной) словообразовательной семантики, мотивированного имени (как языковой, так и речевой). Информативная словообразовательная семантика мотивированного имени многокомпонентна и многоаспектна, и ее корректное описание требует учета компонентов, связанных с разными уровнями и аспектами системы языка.

Литература

Апресян Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973.

Грязнова В.М. Агентивная словообразовательная подкатегория лица в русском литературном языке первой половины XIX века. – В кн.: Вопросы истории русского литературного языка XIX-XX веков. – М., 1985.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. – М., 1977.

Dokulil M. Tvoreni slov v sestine. – Praha, 1962, s. 191, 196.

История русского слова.
Ономастика и специальная лексика Северной Руси.
Сборник научных трудов
Выпуск IV

Печатается в авторской редакции

Подп. к печати 26.10.2009 г. Формат 60х84 1/16. Бумага ксероксная.
Печать – ризограф.
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ.л. 10,1 Тираж 250 экз.

Отпечатано: ООО ТПФ «Граффити»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 46 б.

